

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 4 • Том 17 • 2024 •
ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в три месяца

<http://www.vestnik-translation.ru/>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-28752 от 04.07.2007

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Moscow State University Bulletin

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1946

Series 22
LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL

No. 4 • Volume 17 • 2024 •
OCTOBER – DECEMBER

Publishing house of Moscow State University

Published once every three months

<http://www.vestnik-translation.ru/>

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor) of the Russian Federation

Certificate of Registration: PI No. FS 77-28752 of 04.07.2007

Founder: Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Бальо Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Иркутский государственный университет (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкурлов Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Гре-

ция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD:

Nikolai K. Garbovskiy, Editor-in-Chief, Academician at the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Olga I. Kostikova, Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Ludmila A. Mozgovaya, Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Irina S. Alexeeva, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Henri Awaiss**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Christian Balliu, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Yevgeniy V. Belsky**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Eleferios K. Charatsidis, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Martin Forstner**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Vera Ye. Gorshkova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Irkutsk State University (Russia);

Nina B. Isolahti, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Georgiy T. Khukhuni**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Yulia N. Koltsova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Hannelore Lee-Jahnke, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Larisa A. Manerko**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Roman A. Matasov**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mikhail N. Marusenko, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Nadezhda N. Mironova**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Edward N. Mishkurov, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Peter Holzer, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Enrique F. Quero Gervilla**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Peter A. Schmitt, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany); **Yevgeniy G. Torsukov**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Maurizio Viezzi, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Maria N. Yesakova**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

Общая теория перевода

- Костикова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе 7
- Мишкурин Э.Н. О философии перевода в современной отечественной транслатологии. 47

История перевода и переводческих учений

- Гарбовский Н.К. «В пользу и славу России» (к истории перевода в истории Московского университета) 75
- Гу Цзюньлин, Лю Цзинпэн. Семнадцать лет со времени выхода первого издания журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода»: ретроспектива и будущие возможности. 108
- Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Д.И. Фонвизин в истории перевода и в истории Московского университета. 121

Методология перевода

- Зигмантович Д.С. Устный синхронный перевод и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова: роль и место университета в развитии науки и практики 137

Вопросы терминологии

- Манерко Л.А. Пропозиция как структура знания и понимания профессионального дискурса и терминологической номинации. 165

Рецензии

- Хухуни Г.Т. Новизна и преемственность (рецензия на книгу: Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 4 издание, испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2023. 591 с. (классический университетский учебник) 190

Хроника научной жизни

- Леоненкова Е.Д., Борисов А.М. II Всероссийский форум учителей иностранных языков 196
- Леоненкова Е.Д., Борисов А.М. II Конкурс театрализованных проектов на иностранных языках для школьников «Театр перевода» 200

- Указатель статей и материалов**, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2024 год. 202

CONTENTS

General Translation Theory

- Kostikova O.I.* Axiology of Translation: a Humanitarian Perspective. 7
Mishkurov E.N. On philosophy of translation in modern domestic
translatology 47

History of Translation and Translation Schools

- Garbovskiy N.K.* For the benefit and glory of Russia (from the history of
translation in the history of Moscow University) 75
Gu Junling, Liu Jingpeng. Eighteen years since the first edition of the Lo-
monosov translation studies journal: retrospective and future oppor-
tunities 108
Yesakova M.N., Koltsova Yu.N. D.I. Fonvisin in the history of translation
and Lomonosov Moscow State University 121

Translation Methodology

- Zigmantovich D.S.* Simultaneous interpreting and Lomonosov Moscow
State University: the role and place of the University in the development
of science and practice. 137

Terminology Issues

- Manerko L.A.* Proposition as knowledge structure and understanding of
professional discourse and terminological nomination. 165

Reviews

- Khukhuni G.T.* Novelty and continuity (Theory of translation: a textbook.
4th edition revised and expanded). Moscow: Moscow University
Publishing House, 2023) (a classical university textbook). 190

Chronicles of Scientific Life

- Leonenkova E.D., Borisov A.M.* II All-russian foreign languages teachers
forum 196
Leonenkova E.D., Borisov A.M. II Contest of theatrical projects in foreign
languages for pupils "Translation theatre" 200

- Index of the articles and material*** published in the journal "Vestnik Mos-
kovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda" in 2024. 202

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25:930.85:008

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46

АКСИОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА В ГУМАНИТАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ольга Игоревна Костикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: olga.kostikova@list.ru

Аннотация. Переводческая деятельность — ответ на социальную потребность в межкузыковой коммуникации в условиях языкового дискомфорта, обусловленного многоязычием, разницей культур и, как следствие, ситуацией взаимного непонимания. Это инструмент налаживания диалога культур в эпоху глобализации, характеризующейся активизацией разновекторных контактов, исход которых неоднозначен. Профессия переводчика в настоящее время подвержена серьезным мутациям: активное развитие коммуникационных технологий и повсеместная цифровизация, открывая широкие перспективы для развития и использования искусственного интеллекта, ставят под сомнение востребованность в будущем услуг, оказываемых билингвами и полиглитами с естественным человеческим интеллектом. Системное изучение формирования и функционирования в общественном сознании ценностных доминант в отношении переводческой деятельности в русле трансдисциплинарной парадигмы науки о переводе предполагает подход, основу которого составляет аксиологическая методология. Обращение к опыту предшественников позволяет установить неразрывную связь переводческой деятельности со всей жизнью общества, место и роль перевода в развитии культур. Обращение к теории ценностей в качестве концептуальной основы исследования продуктивно для выявления культуротворческой функции перевода, осмысление которой актуально во времена социокультурных мутаций, обусловленных развитием цифровизации и сигнализирующих об опасности гуманитарного кризиса.

Ключевые слова: аксиология перевода, оценка, ценностные константы, перевод, ценность, цифровизация, наука о переводе, трансдисциплинарность

Для цитирования: Костикова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 7–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46

Статья поступила в редакцию 20.10.2024;
одобрена после рецензирования 01.11.2024;
принята к публикации 03.11.2024.

AXIOLOGY OF TRANSLATION: A HUMANITARIAN PERSPECTIVE

Olga I. Kostikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: olga.kostikova@list.ru

Abstract. Translation is a response to the social need for interlingual communication in the context of linguistic discomfort caused by multilingualism, cultural differences and, as a consequence, situations of mutual misunderstanding. It is a tool for establishing a dialogue of cultures in the era of globalization, characterized by the intensification of multidirectional contacts, the outcome of which is ambiguous. The profession of interpreter is currently subject to serious mutations: the active development of communication technologies and widespread digitalisation, opening up broad prospects for the development and use of artificial intelligence, call into question the future demand for services provided by bilinguals and polyglots with natural human intelligence. The systemic study of the formation and functioning of value dominants in the public consciousness with regard to translation activity in the context of the transdisciplinary paradigm of translation science presupposes an approach based on axiological methodology. Appeal to the experience of predecessors makes it possible to establish the inseparable connection of translation activity with the whole life of society, the place and role of translation in the development of cultures. Appealing to the theory of values as a conceptual basis of the research is productive for revealing the cultural creative function of translation, the comprehension of which is relevant in times of socio-cultural mutations caused by the development of digitalisation and signalling the danger of humanitarian crisis.

Keywords: translation axiology, evaluation, value constants, translation, value, digitalisation, translation studies, transdisciplinarity

For citation: *Kostikova O.I. (2024) Axiology of Translation: a Humanitarian Perspective. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda. — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 7–46. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-7-46*

The article was received October 20, 2024;
approved after reviewing November 01, 2024;
accepted for publication November 03, 2024.

Введение

Гуманитарные науки играют ключевую роль в развитии общества. Они закладывают основы нашего понимания мира, направляют развитие культуры, обеспечивают преемственность духовно-нравственных ценностей, помогают осмыслить достижения и ошибки человеческой цивилизации, изучая человека в сфере его духовной, умственной, нравственной, культурной и общественной деятельности.

Каждая эпоха, любые открытия диктуют не только правила поведения общества, общественные нормы, но и вызовы, которые общество осваивает и живёт ими (Садовничий, 2021: 367). В условиях стремительного технологического прогресса, неоднозначных последствий глобализации, быстро меняющейся геополитической ситуации актуальность и значение гуманитарных наук трудно переоценить. Они направляют наше осознание культурных, социальных и этических аспектов жизни, которые не всегда могут объясняться точными науками.

Внимание к гуманитарным наукам — устойчивая традиция Московского университета. Первые 100 лет своего существования Московский императорский университет был по преимуществу гуманитарным. Что касается естественно-математического образования в университете, то оно стало приобретать черты, формы организации и содержание, соответствующее высшему университетскому образованию только с середины XIX века (Садовничий, 2021: 77–78). Важнейшую роль в становлении и развитии Московского университета на первых порах сыграла переводческая деятельность его профессоров, выпускников и студентов¹. Это свидетельствует

---

¹ См. статью Н. Гарбовского в этом номере журнала.

об особой значимости перевода как специфической деятельности человека, способного приносить общественную пользу благодаря своему когнитивному потенциалу и особому коммуникативному дару. Переводческая деятельность и перевод как объект одной из гуманитарных научных дисциплин — науки о переводе — в фокусе внимания данной статьи.

Аксиологический вектор гуманитарных исследований

В современных гуманитарных исследованиях, в частности культурологии, педагогике, лингвистике, чётко прослеживается аксиологический вектор: изучение ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни. Отмечается операциональность такого подхода, его широкая распространённость, способность отразить те трансформации культуры, которые не поддаются исчислениям (см. Костина, 2020: эл. ресурс).

Интерес к данному подходу и его возможностям вызван преобразованиями социокультурного пространства на фоне новых вызовов, обусловленных рядом факторов.

Так, по мнению учёных, распространение в 1990-е годы модели глобализации привело к постепенной утрате интереса к высоким ценностям и смыслам жизни, а также к «процессу институционального расчеловечивания» (Агеев, 2019). Высвобождение низких человеческих инстинктов, формирование различных психологических и физических патологий во многом были вызваны теми принципами, на которых основывалась модель экономики этого периода. Эти тенденции получили своё воплощение в пренебрежении идеальным, его очернении и высмеивании, подмене культуры вплоть до попыток полной ее отмены. Многие плоды глобализации оказались отравлены, и сегодня это проявляется со всей очевидностью.

В процессе глобализации обнаружилось фундаментальное противоречие между нараставшей трансформацией человечества в единое целое в финансово-экономическом и технологическом отношении и сопровождавшим этот процесс углублением и расширением разделения человечества в отношении духовном и культурном. «Прогресс производительных возможностей человека, достигший общепланетарных масштабов и вплотную приблизивший его к тому, чтобы управлять природными основами своего существования... оборачивается ростом культурного изоляционизма, всплеском этнонациональных идентичностей и конфликтов, обра-

щением к «корням», средневековым и даже языческим традициям» (Гусейнов, 2010: 61).

Эти тенденции усугубляются тем, что повсеместная включенность человека в глобальную информационно-коммуникационную сеть обратилась «не только возможностью установления контактов с другими людьми и культурами, но и растущей сетью зависимостей», предоставив инструменты для манипуляции сознанием, для управления человеком, для производства дезинформации в больших масштабах (см. подробнее: Лекторский, 2012: 124).

Переход мирового сообщества к «цифровой» эпохе носит революционный характер, а связанные с ним преобразования касаются самых разных сторон общественной жизни — от развития социальных институтов до организации повседневной жизни личности; они проникают в разные виды искусства, видоизменяют различные виды профессиональной деятельности. Возникают вопросы — как осуществить цифровой переход со всеми вытекающими последствиями для безопасности, суверенитета и качества жизни, и каким может быть результат этого перехода, какое общество возникнет в результате этих перемен и изменится ли человечество. Ещё в начале 80-х годов прошлого века в научных кругах прогнозировалось наступление эры «бесбумажной информатики» и обсуждались возможности творческой системы «человек — искусственный интеллект», которая «позволит изменить во многом структуру человеческой деятельности в направлении резкого повышения уровня интеллектуальной работы» (Пекелис, 2023: 270). Сегодня, оценивая перспективы цифровой трансформации, эксперты констатируют явные изменения человека, культуры и условий жизнедеятельности. И выражаются они в перестройке мышления, восприятия, коммуникации, языка, жизненного пространства, социализации (см. Касавина, 2019).

На фоне этих изменений учёные стремятся выявить, определить, оценить и упорядочить ценности, которые имеют значение для современного человечества и будут ключевыми для его будущего развития.

Перевод как феномен культуры: прогнозы и перспективы

Человек живёт в мире культуры и постигает её, овладевая ею. Культура в самых разных своих воплощениях от культурного ландшафта до духовной культуры, не является производным жизнедеятельности представителей какой-то одной цивилизации,

достоянием какой-то одной нации или одного этноса. В мире царит культурное разнообразие; каждая культура имеет свои уникальные ценности, традиции, языки и образ мышления, которые оказывают глубокое влияние как на формирование индивида, так и на образовательные процессы. Несмотря на то, что разные культуры с их системами ценностей в разное время так или иначе соприкасались друг с другом, ещё до недавних пор они могли существовать до определённой степени изолированно друг от друга. Но развитие глобализации в самой своей сути предопределило невозможность какой бы то ни было изоляции, а упомянутые выше проявления культурного изоляционизма, фундаментализма и национализма сегодня скорее рассматриваются как «побочные продукты глобализации» (Лекторский, 2012: 124).

В этих условиях на первый план выходит вопрос о манифестации толерантности во взаимоотношениях культур. Такой подход воплотился в идее мультикультурализма, который по признанию исследователей «не срабатывает, так как каждая культура по своей природе является экспансионистской, навязывая свои смыслы другим» (Лекторский, 2010: 107). Помочь избежать конфликта или столкновения культур в этой ситуации призван диалог культур, который несмотря на всю очевидную метафоричность понятия, необходимо постоянно налаживать. Задача эта непростая, ведь диалог предполагает наличие взаимопонимания, которое в свою очередь невозможно без общности некоторых ценностных позиций, без взаимного принятия общих способов ведения рациональной дискуссии. Один из путей решения этой задачи — постоянная практика межъязыковой коммуникации, воплощённая в частности в переводческой деятельности. Великая миссия перевода — это то, что дано именно человеку — быть посредником между «своим» и «чужим», стремиться к взаимопониманию на стыке тех различий, которые мы ощущаем наиболее остро.

Между тем, активное развитие когнитивных наук, коммуникационных технологий, возможности автоматизации и распространения цифровизации, открывая широкие перспективы для развития и использования искусственного интеллекта и автоматизации интеллектуального труда, а возможно и повышения его уровня, как мечтали наши предшественники, ставят под сомнение востребованность в будущем услуг, оказываемых билингвами и полиглотами с естественным человеческим интеллектом.

И хотя в краткосрочной перспективе будущее профессии переводчика не вызывает сомнений, содержание профессииграммы

регулярно обсуждается и уточняется с учётом технологических и социально-экономических изменений. Ещё 15 лет назад звучали опасения, что совершенствование технологических инструментов, призванных облегчить работу переводчиков, может поставить под угрозу существование профессии (Ségar, 2009). 10 лет назад в своих прогнозах исследователи определили перевод на 265-е место среди 702 профессий, подверженных полной или частичной автоматизации с коэффициентом вероятности 0,38 (Frey, Osborne 2013: 62). Редакции «Атласа новых профессий», разработанного экспертами инновационного центра «Сколково», демонстрируют явную зыбкость прогнозов относительно будущего перевода, перспектив его роботизации и в то же время однозначную стабильность в оценке значимости *мультиязычности* и *мультикультурности* как *над-профессиональных навыков* в профессиях будущего. (см. Атлас..., 2014, 2015, 2020).

Диверсификация переводческой деятельности, произошедшая относительно недавно и за очень короткий промежуток времени — в контексте общей истории переводческой деятельности, насчитывающей не одно тысячелетие, — свидетельствует о нарастании скорости изменений, свойственных современной культуре в целом: ощущается феномен сжатия времени как постоянного уплотнения временного отрезка событиями (Миронов, 2019: эл. ресурс).

В свете вышеизложенного релевантной для современных исследований по теории, методологии и дидактике перевода, составляющих основу современной науки о переводе, представляется попытка осмысления и оценки роли человеческого фактора в межъязыковой коммуникации. Для этого необходимо разобраться в вопросах деонтологии перевода, построить модели взаимодействия в системе человек — искусственный интеллект, репрезентативные для межкультурной коммуникации и создания многоязычных контентов, а также спрогнозировать социальную востребованность перевода как деятельности в целом и человека-переводчика в частности. В этом направлении ведутся исследования (см. напр.: Gao, 2020; Гарбовский, Костикова, 2019; Фролов, Иовенко, 2021; Cadwell et al., 2018; Hassan et al., 2018; Lee & Yun, 2020; Macken et al., 2020; Massey, 2021; Mossop, 2006; Sánchez, Trigo, 2020; Toral, 2019; Venuti, 2019), множатся дискуссионные форумы, частично или полностью посвящённые этим вопросам².

---

² Среди них: 25-я ежегодная конференция Европейской ассоциации по вопросам машинного перевода (Шеффилд, июнь 2024 г.), международные конференции CIUTI «Искусственный интеллект & межкультурный интеллект. Действие

Общим для этих исследований, дебатов и разысканий оказывается понятие ценности перевода, представление о переводе, как о благе, вопрос о реализации ценности перевода — его полезности, о приемлемости его качества и вариативности оценки.

Ценность и оценка как основные категории аксиологии

Вопросы, связанные с природой ценностей, их структурой и местом в реальности, с тем, как различные ценности соотносятся друг с другом, каково их значение для общества и отдельной личности в контексте её взаимоотношений с окружающим миром, изучаются в рамках одного из разделов философии — *аксиологии*.

С гносеологической точки зрения ценностные отношения являются определённым видом отражения действительности в нашем сознании. Когда мы стремимся что-то осознать, мы можем сделать это двумя способами: или попытаться понять истину о некоем объекте реальной действительности, или определить его ценность, т.е. оценить, какое значение он имеет для нас. Иными словами, отражение действительности в сознании человека осуществляется в двух формах — познавательной либо ценностной: или мы устанавливаем истину о том или ином явлении, или его значимость. Как в познавательном отношении достигается знание либо выявляется истина о свойствах предметов, так в ценностной форме отражения определяется значение предметов с точки зрения их способности удовлетворить какую-либо нашу потребность, интерес, послужить для каких-то целей.

Философское понятие «ценность» отражает именно значение, качественное или количественное, а не товарную стоимость какого-либо объекта. Например, мы говорим о художественной ценности произведения искусства, и это не то же самое, что его цена. Иначе

и взаимодействие в переводе и по ситуации» (Париж, 2020), «Трансформация модели переводческой деятельности: открытость и интеграция» (Шанхай, 2024). В марте 2020 года в Московском университета прошла 6-я международная конференция «Наука о переводе сегодня», посвящённая теме «Перевод и конкуренция интеллектов» (Москва, март, 2020). С 2019 года Российская академия образования совместно с МГУ имени М.В. Ломоносова ежегодно проводит международный семинар «Дидактика перевода в цифровую эпоху». В 2014 году Международная федерация переводчиков предложила специалистам в области межкультурной коммуникации задуматься о будущем своей профессии, посвятив XX юбилейный Конгресс изучению вопроса: «Человек или машина?»; в грядущем 2025 году предложенная для XXIII Конгресса федерации тема развивает заданное направление в оптимистичном ключе: «Взаимодействие с машиной: на пути к интеллектуальному будущему».

говоря, ценность — духовно-эстетическая категория, в то время как цена — экономическое, товарно-денежное понятие.

И познавательные, и ценностные отношения — это вид отражения действительности в сознании человека, индивида. Но если через познание происходит постижение природы самого объекта, его собственной сущности, то в ценностном отношении устанавливается именно значение предмета, его свойств для человечества. Поэтому значение отражает не только свойства объекта, но и свойства того человека, индивида (группы индивидов), которые вступают с этим объектом во взаимодействие, устанавливая его значение, подвергая его оценке. Оценка же есть представление, понятие или суждение о значении. Она может быть как положительной, так и отрицательной, в отличие от ценности, которая всегда положительна. Ценность возникает в структуре ценностного отношения объект — человек (или объект — субъект) как положительное значение объекта для человека с точки зрения его способности удовлетворить какую-либо потребность, возникшую в его жизнедеятельности.

Итак, хотя познавательные и ценностные отношения являются формой отражения действительности в сознании человека, объективное познание и суждение о значении не одно и то же. Объективная истина одна, а значение одного и того же объекта, в том числе и истинно познанного, — значение, которое сильно зависит от психофизических, социальных и прочих установок субъекта, может претерпевать и качественные, и количественные изменения во мнении разных людей в разное время в разных ситуациях.

История перевода свидетельствует, что оценке перевода — одного из самых древних и постоянно востребованных во все века видов интеллектуальной деятельности — свойственна высокая степень вариативности, что отчасти может объясняться множественностью форм и сфер его бытования.

Полиморфизм перевода

Французский теоретик перевода Эдмон Кари высказал мысль, объясняющую, почему попытки оценивать перевод неизбежно обречены на неуспех: «...понятие перевода сложно, потому что оно беспрестанно менялось на протяжении столетий. Возможно, именно это было причиной затруднений для многих авторов, которые, размышляя и соглашаясь с мнением предшественников либо оспаривая его, не замечали, что не всегда говорили об одном и том же» (Cary, 1986: 81). Если это так, то к множественности человеческих

потребностей и способов чувствования, которые объясняют существование разнообразия оценок, добавляется ещё и проблема многообразности или полиморфности самого объекта оценки.

Действительно, слово «перевод» и его производные отсылают к различным и постоянно меняющимся реалиям. Множественность форм и сфер бытования перевода — *полиморфизм* — изрядно осложняют задачу дать единое и всеобъемлющее определение этому явлению.

Где пролегают границы, отделяющие перевод от других видов межкультурного посредничества? Будут ли к нему относиться смежные виды деятельности, такие как составление комментариев, глоссариев, двух- или многоязычных словарей, терминологических справочников и т.п.? Каков в этой связи статус адаптации и подражания? Можно ли, например, рассматривать как перевод творчество Чосера или Жуковского, которое находилось на стыке личного авторства, перевода и адаптации? Показательна в этой связи ремарка Ричарда Бентли о переводе «Илиады» Гомера, выполненном Александром Поупом (1688–1744): «Славные стихи, мистер Поуп, но это не Гомер». Или комментарий В.К. Тредиаковского по поводу «собственных» творений А. Сумарокова, в частности трагедии «Гамлет», опубликованной в 1748 г., где имени Шекспира названо не было: «...Нет, почитай, ничего в сочинениях авторовых, которое не было б чужое... Язвительная его комедия не его, да Голбергова... Гамлет — Шекспиров» (см. Гарбовский, Костинова, 2021: 11). Если первый винит поэта в том, что тот выдаёт собственное творчество за чужое, то второй, напротив, в том, что чужие творения заимствуются при создании своих.

Осуждения творцов-переводчиков за условную верность и явную дерзость или, напротив, за условную самостоятельность и явную подражательность в истории перевода не редкость: камнем преткновения оказываются всё та же неопределённость границ перевода и отсутствие единства в понимании его сути, а точнее, изменения в понимании в зависимости от эпохи, идеологии, состояния словесности и уровня развития принимающей культуры, литературных вкусов и т. п. После появления сумароковского «Гамлета» с середины XVII в. освоение творческого наследия Шекспира в российской словесности шло достаточно активно. Но литературный статус результатов этого освоения как в определениях самих авторов русскоязычных версий, так и в суждениях критиков неоднозначен: «переводы» и «переложения», «перифразы» и «переделки» — большинство этих версий были далеки от оригинала, а

«перевод» осуществлялся с языков-посредников — французского или немецкого, которые пользовались в то время в России большей популярностью, чем английский. Десятилетия спустя М.П. Погодин горестно заметит: «Не стыд ли литературе русской, что у нас до сих пор нет ни одной его <Шекспира> трагедии, переведённой с подлинника?» (Шевырев 1827: 217). Возникают очередные вопросы: плоды межъязыковых и межкультурных контактов, осуществляемых через языки-посредники, — это такие же переводы или они относятся к смежным, но иным явлениям? Нужно ли знать язык, на котором написан текст оригинала, чтобы переводить? Всегда ли переводчик — это двуязычная личность? Живший на рубеже XIX–XX вв. китайский мастер слова Линь Шу открыл публике многих классиков мировой литературы через свои переводы. Но «переводил» он, не зная ни одного иностранного языка.

Перевод существует в устной и письменной формах, причём в отличие от русского языка, где оба вида деятельности обозначены через гипероним «перевод» и различаются через соответствующий квалифицирующий признак «устный», «письменный», в других европейских языках для каждого вида деятельности существует своё наименование. Ещё в XIX в. отмечалась размытость границ этих видов перевода и очевидные различия, связанные главным образом с областями, где эти виды перевода практиковались: «Устный переводчик работает в деловой сфере, настоящий же письменный переводчик — в основном в сфере науки и искусства» (Schleiermacher, 1838: 209).

Наряду с «межъязыковым» переводом — объектом большинства теоретических исследований — существуют также «внутриязыковой» и «межсемиотический», описанные Р. Якобсоном (Якобсон, 1985: 17).

Среди видов деятельности, в основе которых, как в переводе, лежит интерпретация смыслов, выраженных в одной знаковой системе средствами другой знаковой системы сурдоперевод и тифлокомментирование. Сурдоперевод — перевод речи на жестовый язык — это и в самом деле перевод текста из одной системы знаков в другую, в нём задействованы разные семиотические системы: если в звуковых языках план выражения имеет акустическую основу, то в жестовых — кинетическую. Тифлокомментирование (иногда называемое аудиодескрипцией) — перевод для людей с ограниченными возможностями зрения, позволяющий им получать информацию, зашифрованную для передачи по визуальному каналу, на слух. Есть и другие виды деятельности, связанные с пе-

реводом, такие как транскреация, локализация, востребованные в области рекламы, индустрии интерактивных развлечений и т.п. С переводом непосредственным образом связано всё то, чем занимается многоязычная лексикография и терминография: создание глоссариев, многоязычных словарей и справочников.

Сегодня профессия переводчика подвержена серьёзным мутациям: появляются новые области, связанные с технологической поддержкой переводческой деятельности, контролем качества, управлением. Наряду с традиционными профессиями переводчика (устного / письменного), редактора и терминолога возникают инженеры по локализации, техники по обслуживанию и эксплуатации оборудования, операторы систем машинного перевода. Да и собственно переводческая деятельность профилируется и превращается в веер специализаций: аудиовизуальный переводчик, коммунальный переводчик (*community interpreter*), переводчик жестового языка, синхронный переводчик, переводчик технической литературы, переводчик-дактилолог, переводчик-дефектолог, переводчик-консультант, переводчик-конфликтолог, переводчик-локализатор, переводчик-референт, переводчик-субтитровщик, письменный переводчик, постредактор машинного перевода, специалист по межкультурной коммуникации, переводчик-тифлокомментатор, устный переводчик и т.п. Очевидно, что полиморфизм перевода находит своё отражение и в профессиональной диверсификации.

Таким образом, перевод можно квалифицировать как явление полиморфное, т.е. многообразное, многовидное и многоформенное. Само слово «перевод» и его производные отсылают к различным и постоянно изменяющимся во времени и пространстве реалиям.

Определить сущность перевода в разное время стремились философы и историки, писатели и поэты, литературоведы и лингвисты. От метафизических воззрений философов, признающих перевод единственной и основной способностью человеческого ума (Schlegel, 1884: 32), понимание — онтологической сущностью перевода (Steiner, 1975) до воззрений лингвистов и переводоведов, определяющих перевод максимально скрупулёзно и рельефно, но, как правило, фрагментарно, т.е. высвечивая ту или иную сторону определяемого объекта, в дефинициях просматривается полиморфное явление, которое справедливо было названо «самым сложным процессом из всех возникших когда-либо в ходе эволюции космоса» (Richards, 1976: 250). Т. Сэйвори подтвердил этот тезис на примере известных шести парадоксов (Savory, 1957: 50).

Генезис видов перевода доказывает неравномерность темпов эволюции этого вида деятельности в разные исторические эпохи и даёт богатый материал для осмысления закономерностей его существования и развития. Однако для познания сущности самого явления и возможности смоделировать различные варианты его трансформации в перспективе аксиологический подход оказывается ключевым.

Аксиология перевода в трансдисциплинарной науке о переводе

Сегодня аксиологический подход выходит за рамки философии и применяется для решения множества задач в таких областях, как социология, психология, педагогика, политология, экономика, культурология и других научных дисциплинах. Он постепенно становится основным методологическим ориентиром современной науки, а ценности рассматриваются как особая объективная среда, существующая наряду с природной и социальной реальностью. В последнее время исследователи всё чаще обращаются к этому подходу в контексте нового этапа гуманистической парадигмы, которая рассматривает человека как высшую ценность и цель общественного развития на фоне кризисных явлений в обществе и изменений в социокультурной сфере.

Начиная с 50-х годов прошлого века перевод становится объектом особой самостоятельной трансдисциплинарной научной дисциплины — науки о переводе, которая, систематизируя методы многих наук и накопленные ими знания, используя их категории и понятия, стремится к синтезу научных данных с целью построения единой теории объекта. Задача трансдисциплинарной науки о переводе — синтезировать различные предметные стороны переводческой деятельности как некой системы (Гарбовский, 2023: 223). Подчёркивается необходимость «сводного системно-синергетического анализа» сильных и слабых сторон известных на сегодняшний день «традиционных» и «инновационных» моделей перевода, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции (Мишуров, Новикова, 2020: 46–47). «Очевидно, — считает Н.К. Гарбовский, — что множество моделей, теорий перевода, отражающих и объясняющих тот или иной аспект этого сложнейшего явления, а также разрозненные, часто даже весьма интересны эмпирические наблюдения, полезные сами по себе для развития переводческой практики, нуждаются в синтезе для построения науки о переводе» (Гарбовский, 2016: 579). Тем более, что и «современный метаязык

переводоведческих штудий» — сложный, многообразный, стилистически усложнённый и неоднозначный — «в значительной мере усложняет задачу научного описания и теоретически точно выраженной интерпретации искомой теоретико-методологической проблематики» (Мишкурлов, Новикова, 2024: 9).

В качестве возможного пути построения «методологического» ствола науки о переводе в начале 2000-х годов Н.К. Гарбовским был предложен системологический метод интеграции научных знаний о переводе, накопленных разными научными дисциплинами (Гарбовский, 2004). В учебнике «Теория перевода», где был представлен данный метод, предпринята и попытка описания истории переводческого опыта в аксиологической перспективе: переводческая деятельность и отдельные персоналии рассматривались в связи со значимыми событиями в истории общественной жизни и человеческого общества и с точки зрения их влияния на развитие мировой культуры. Эффективность такого подхода очевидна, так как различные многообразные факты мировой истории перевода предстают не в виде упорядоченного диахронического перечня, а сопоставляются и структурируются в их взаимосвязи: а) внутренней — между собой, б) внешней — с важнейшими вехами развития человеческой цивилизации. В дальнейшем этот подход, выявляющий значимые для развития человеческой цивилизации события в истории перевода, и позволяющий высветить категорию ценности перевода как общественного явления, получил своё развитие в монографии «История перевода. Практика, технологии, теории» (Гарбовский, Костикова, 2021).

Обращение к теории ценностей в качестве концептуальной основы для переосмысления цивилизационного значения перевода, определения природы ценности перевода как герменевтического, творческого, «преобразующего бытие посредством созидательного познания» акта в диахронии и синхронии, в том числе в свете новых вызовов, затрагивающих самые разные сферы жизни общества, искусства и профессиональной деятельности — может оказаться плодотворным, обогатить науку о переводе новыми данными, расширить ее предметную область, спрогнозировать развитие перевода в связи с технологическими новациями, социальными установками и динамикой геополитической обстановки, а также позволит по-новому взглянуть на традиционные проблемы оценки качества перевода.

Человечество всегда искало нечто постоянное, константное, обеспечивающее устойчивость социальной жизни и своего бытия

(Зейналов, 2011: 52). Системное изучение формирования и функционирования в общественном сознании ценностных доминант в отношении переводческой деятельности направлено на выявление ценностных приоритетов в обществе и переменных оценки перевода, а также того, что может сказаться на поведении, мировоззрении, бытии получателей перевода, определение постоянных, непреходящих ценностей, так называемых «ценностных констант», имманентных переводу, независимо от пространственно-временного континуума его бытования.

Подчеркнём в этой связи, что аксиология перевода в нашем понимании обращена не только (и не столько) к категории качества перевода, к критериям оценки перевода и разработке проблем переводческой эрратологии, как это видится другими исследователями (см. напр.: Иванова и др., 2015; Кушнина и др., 2023), а направлена на выявление и описание ценностных констант перевода в исторической перспективе.

Таким образом, определение ценностных констант переводческой практики — одна из задач *аксиологии перевода* — актуального и определяющего современную науку о переводе вектора исследования.

В русле системологической парадигмы науки о переводе аксиология перевода нацелена на изучение противоречивости перевода на основе анализа причин социального, культурного, исторического, этического, идеологического, нравственного характера — противоречивости, возникающей из столкновения «своего» и «чужого» в когнитивной деятельности переводчика, который при целеполагании создать нечто подобное, создаёт иное (Гарбовский, 2016: 579).

Для исследований по аксиологии перевода основополагающими представляются три предпосылки:

1. Социальные связи играют важнейшую роль в профессиональной жизни переводчиков, а перевод является деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее, его конкретными представителями.

2. В результате переводческой деятельности создаются объекты особого рода — вторичные тексты. Эта онтологическая сущность перевода — вторичность — влечёт за собой неизбежность общественной оценки перевода. Оценка одного и того же перевода в частности и переводческой деятельности в целом может варьироваться в пространственно-временном континууме и не совпадать с его ценностью в исторической перспективе.

3. С одной стороны, постоянно возникает вопрос о соответствии этого «вторичного» продукта «первичному», то есть оригиналу. Являясь «вторичным», перевод потенциально оказывается хуже оригинала, в нём всегда можно обнаружить изъяны и дефекты. С другой стороны, переводческий труд, насчитывающий несколько тысячелетий, не раз явил коммуникативные достоинства своих результатов, их роль в межкультурной коммуникации, их вклад в развитие национальных языков и литератур, в формирование эстетических ценностей, эволюцию науки и технологий.

На основе трёх составляющих ценностных отношений, связанных с переводческой деятельностью — перевод и общество; перевод и оригинал, перевод и переводчик — нами выделено три константы: 1) перевод — необходимое условие научного, технического прогресса; 2) перевод — искусство как элемент ценностно-нормативной системы общества; 3) перевод — инструмент саморазвития и самосовершенствования человеческой личности. Все они являются составными частями ценностной доминанты перевода, которую можно было бы определить как культуротворческую функцию перевода. Далее мы обратимся к её рассмотрению, сопоставив с вариативностью оценки перевода, как деятельности гуманистической по своей природе, социально востребованной и технологически обусловленной.

Культуротворческая функция перевода как ценностная доминанта

С незапамятных времен переводами с одного языка на другой занимались люди. Презрев Вавилонское проклятие, переводчики приходят на помощь человечеству. Они беспрестанно наводят мосты между народами, расами, культурами и континентами, преодолевая разобщённость, оказываясь жизненно важным связующим звеном в длинной цепи передачи знаний между народами, разделёнными языковыми барьерами. Между прошлым и настоящим. Переводчикам подвластны пространство и время. Благодаря им ключевые тексты — научные, философские, художественные — обретают универсальность. Многоязычие и культурное разнообразие оказывается не возмездием свыше роду человеческому, возгордившемуся своими именно *технологическими* возможностями, а ценнейшим даром. Ведь, как утверждал Н.С. Трубецкой, «единая, общечеловеческая, лишённая всякого индивидуального, национального

признака культура чрезвычайно односторонняя: при громадном развитии науки и техники полная духовная бессодержательность и нравственное одичание», но благодаря закону многообразия национальных культур «становится возможным возникновение у разных народов культурных ценностей, морально положительных и духовно возвышающих человека» (Трубецкой, 1995: 328–330). Эту возможность и дарят человечеству переводчики: открывая новые горизонты и расширяя кругозор, они помогают обходить препоны языковых и культурных различий и лучше понимать мир, ценить его многообразие.

Д.С. Лихачёв справедливо полагал, что интерес и доброе отношение к чужой культуре возникает только из «любви к родному», которая «постепенно расширяясь... переходит в любовь к своей стране — к её истории, её прошлому и настоящему, а затем ко всему человечеству, к человеческой культуре». Именно поэтому, — подчёркивает учёный, — «воспитание любви к родному краю, к родной культуре, к родному селу или городу, к родной речи — задача первостепенной важности» (Лихачев, 2015: 485). Очевидно, что только человек, проникнутый любовью к родному слову и родной культуре в состоянии с успехом выполнять важнейшую миссию переводчика, о которой было сказано выше.

Вместе с тем, если любовь к родному учит любить и принимать чужое, то верно и то, что через чужое происходит осознание себя: «самобытность в своей историчности строится через контакт с иным» (Meschonnic, 2007: 120). Об этом писал ещё Лейбниц, размышляя о возможностях родного языка: «перевод хороших книг оказывается истинным пробным камнем, на котором проверяются богатство или бедность языка, по тому, насколько он гибок для перевода» (Leibniz, 1772: 229). Лихачев подчёркивает, что мир русской культуры необычайно богат именно благодаря её восприимчивости: богатство русского языка обусловлено тем, «что он создавался на громадной территории, чрезвычайно разнообразной по своим географическим условиям, природному многообразию, разнообразию соприкосновений с другими народами, наличию второго языка — церковно-славянского... В русское языковое сознание, в мир, увиденный русским языковым сознанием, вошли понятия и образы *мировой* литературы, *мировой* науки, *мировой* культуры — через живопись, музыку, переводы, через языки греческий и латинский» (Лихачев, 2015: 27–28). В другой работе он приводит пример иного рода, подтверждающий живительную роль межкультурных кон-

тактов для укрепления своей идентичности: некогда запрещённые произведения русских авторов становились сначала достоянием зарубежья и оттуда, признанные и прославленные возвращались на Родину. «Наша литература, наше искусство обогатили мировую культуру, стали катализатором общественной и духовной жизни. Так литература и искусство зарубежных стран воздействуют на нашу культуру, обогащая нас духовно, эстетически», — заключает учёный (Лихачев, 2015: 510).

Развитие науки и техники как важнейших составляющих человеческой культуры в разное время и в разных геополитических ареалах, этнических средах, при разных формах организации общества во многом было связано с переводческой деятельностью, в результате которой осуществлялся трансфер знаний от одной цивилизации к другой. Перевод служил не только инструментом добычи, переноса и освоения знаний, полученных извне, но и мощным средством развития автохтонной науки. «Перевод — ключ к научному прогрессу, поскольку он открывал для каждого последующего поколения исследователей и изобретателей знания и инновации предшественников, выраженные на другом языке» (Fishbach, 1992: 194). Так, высказывая благодарность французскому «принцу переводчиков» Жаку Амио за находку и выбор «столь достойной и ценной» для французского читателя книги³, философ Мишель де Монтень тем самым подчёркивает одну из важнейших социальных функций переводчика — вводить в принимающую культуру «полезное чужое», которое следует заимствовать в интересах развития собственной культуры (Монтень, 1992, эл. ресурс).

Но главная ценность перевода, сделанного Амио, заключалась не столько в том, что он дал французскому читателю энциклопедию жизни, написанную греческим философом, а в том, что он сумел изложить эту энциклопедию на французском языке, доказав тем самым, что французский язык способен описать всё разнообразие сцен, ситуаций, моралей и размышлений Плутарха, а значит, по уровню выразительных способностей не уступает греческому языку. Монтень в «Опытах» (1588), вобравших его размышления о литературе и жизни, восхищался прежде всего литературным даром Амио: «Среди всех французских писателей я отдаю пальму первенства — как мне кажется, с полным основанием — Жаку Амио <...> Мы, невежды, были бы обречены на прозябание, если бы эта

---

³ Речь идёт о переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, который увидел свет в 1559 г. и приобрёл большую популярность у французских читателей.

книга не извлекла нас из тьмы невежества, в которой мы погрязли. Благодаря его труду мы в настоящее время решаемся и говорить, и писать по-французски; даже дамы состязаются в этом с магистрами. Амио — это наш молитвенник» (Там же).

Европейские философы и учёные прошлого прекрасно осознавали роль перевода в передаче научных знаний и обогащении языков новыми понятиями, облечёнными в новые языковые формы. Французский учёный-энциклопедист Жан Лерон д'Аламбер (1717–1773) утверждал: «Хорошо сделанные переводы есть самый надёжный и самый быстрый способ обогащения языков» (D'Alembert, 1763: 19).

Аналогичные идеи высказывал и русский просветитель, основатель первого российского университета М.В. Ломоносов. В известной работе «Предисловие о пользе книг церковных» (1757) он писал: «При сем, хотя нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остеречься, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные через долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительным, то нам ныне стало приятно и полезно» (Ломоносов, 1986: 473–474).

Культуротворческая сущность перевода, таким образом, очевидна, а над её воплощением трудятся сами люди — переводчики — «почтовые лошади просвещения», как запечатлено в ёмком образе великого русского поэта.

Вариативность оценки перевода

Однако исторический опыт позволяет убедиться в том, что в переводе, в подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, что одни и те же решения в разные эпохи могли оцениваться по-разному, а иногда и противоположно. Переводческая практика зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется перевод, в конкретную историческую эпоху, от общественного мнения о красивом и уродливом, верном и неверном, нужном и ненужном.

На протяжении многих веков человеческое общество, регулярно потребляя плоды переводческой деятельности во всех сферах общественной жизни — в политике и дипломатии, в науке и религии, в искусстве и военном деле, — не уставало упрекать переводчиков в неточности, неверности и даже предательстве.

Уильям Блейк замечает, что под маской переводчиков лишь низвергают гениев⁴, Джон Денем сетует, что «за переводы, как на грех, берутся те, кто пишет хуже всех» (Английские поэты-кавалеры XVII века, 2010: 231), а Владимир Набоков аккумулирует сразу несколько негативных образов, говоря о переводе: обезглавленный поэт, от которого на блюде осталась лишь бледная и скорченная в гримасе голова, горланящий попугай, бормочущая мартышка и надругательство над усопшими (Набоков, 1999: 37). “Traduttore traditore” — «предатель-перелагатель» — пожалуй, наиболее часто повторяемый афоризм, определяющий отношение общества к труду переводчика.

Не следует забывать, что наряду с этими суждениями о переводе существуют и иные, выраженные в целом ряде образов. Перевод — это и мост между народами, поколениями и культурами (В. Юго, А. Бенсуссан, П. Давио), и «душа цивилизации» (И. Башевис-Зингер), и «средство векового общения между культурами и народами» (Б. Пастернак), и «инструмент распространения гуманизма, укрепления мира и развития прогресса» (П.-Ф. Каёе). Переводчики — «благодетели» (Х.Л. Борхес), «пророки» (И.-В. Гёте), «творцы универсума» (П. Казанова).

Противоречие, возникающее при оценке деятельности переводчиков, пронизывающее всю её историю, можно объяснить как онтологической дихотомией переводческой деятельности, так и противоречием *общего* и *частного* — двух сторон категории качества. Именно основные переводческие дихотомии автор/читатель, переводимость/непереводимость, своё/чужое, историзация/модернизация и имманентный дуализм буква/дух⁵ являются той движущей силой, которая способствуют развитию критики, практики и теории перевода.

---

⁴ “It appears to me that the Men are hierd to Run down Men of Genius under the Mask of Translators” — рукописный комментарий, оставленный Блейком на полях первого тома перевода «Божественной Комедии» Данте, выполненного Генри Бойдом (Boyd, 1785). Копия с рукописными комментариями Блейка хранится в коллекции Кембриджской университетской библиотеки.

⁵ Во втором послании к Коринфянам апостола Павла говорится: «...Буква убивает, а дух животворит» (2 Кор, 3:6). К этому наставлению не раз обращались, переосмысливая его позднее на протяжении всей истории перевода. У Вольтера в философских письмах по поводу собственного переложения из Шекспира читаем: «Не думайте, что я передал здесь английский текст слово в слово. Горе тем, кто переводит буквально и, передавая каждое слово, обескровливает смысл. Именно в этих случаях следует сказать, что буква убивает, а дух даёт жизнь» (Вольтер, 2011).

Что касается категории качества, то благодаря именно ей перевод можно отличить от иных видов речевой деятельности, межкультурной коммуникации, а также межличностного международного и межкультурного посредничества. В то же время эта категория позволяет увидеть перевод во всём многообразии его проявлений и свойств независимо от условий реализации, пространственной и исторической специфики.

Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жёсткой критике, удачные переводческие решения вызывали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как *частные* случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь *общее* представление о переводе и его социальной значимости.

Переводческая деятельность *в общем* действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация, как одно из важнейших средств существования общества, без перевода часто оказывается весьма затруднённой или даже невозможной.

В этой связи негативные суждения о переводчиках представляют интерес не столько как характеристика переводческой деятельности *в общем*, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому *частному* акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических замечаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечёт за собой. Онтологически перевод представляет собой «вторичный» объект, что, с одной стороны, порождает вопросы о его соответствии «первичному» объекту, а с другой, априори накладывает на него печать второсортности. «Все переводы, которые я когда-либо читал, значительно уступают их оригиналам», — подкрепляет этот тезис английский *переводчик* Абрахам Коули (1618–1667) в своём предисловии к собственным переводам (Cowley, 1881: 4). В том же русле, но глядя на проблему со своих позиций, высказывается средневековый переводчик Иоанн из Тревизы (1342–1402): «Клирики хорошо знают, что ни один грешник не может сделать того, что не может быть сделано лучше, нельзя сделать такой перевод, который не может быть улучшен» (Trevisa, 1903: 207).

Это противоречие *общего* и *частного* во взгляде на переводческую деятельность особенно отчётливо проявляется при обращении к истории перевода. Мировая история хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие

человеческой цивилизации. Римский оратор Цицерон, богослов и библеист Иероним Стридонский, немецкий гуманист Мартин Лютер, французский типограф Этьен Доле, китайский философ Янь Фу и многие другие оставили неизгладимый след в истории перевода. Что показывает эта история? То же противопоставление общего частному.

Цицерон, внёсший огромный вклад в развитие мирового ораторского искусства, в предисловии к собственному переводу с греческого языка речей Эсхина и Демосфена оправдывался перед современниками за свой ораторский подход в частном случае перевода конкретного произведения.

Иероним, оказавший неоценимую услугу католической церкви переводом Библии на латинский язык, канонизированным более чем через тысячу лет после его создания, в своём трактате, известном как «Письмо Паммахию», оправдывается перед современниками, обвинявшими его в переводческих ошибках, неточностях и искажениях в одном конкретном, частном акте перевода. Он откровенно признает: «Трудно, следуя за чужими строчками, ничего не пропустить, и нелегко сделать так, чтобы хорошо сказанное на другом языке сохранило свою красоту в переводе»⁶.

Лютер, сыгравший огромную роль в становлении современного немецкого языка, объясняет и оправдывает свои конкретные переводческие решения в частных случаях перевода библейских текстов.

Доле, впервые попытавшийся вывести правила хорошего перевода на основании законов ораторского искусства, был сожжён на костре инквизиции за конкретную, частную переводческую вольность.

Французский писатель XVI в. Жак Амио, которого современные французы называют «французским Лютером», отдавая дань почтения его выдающейся роли в развитии французской словесности, подвергался резкой критике Французской академии за добавления, опущения и неточности в конкретном акте перевода — в переводе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха.

Китайский общественный деятель и публицист Янь Фу вошел в историю прежде всего как непревзойдённый переводчик-просветитель и комментатор западной философской и общественно-

---

⁶ “Difficile est alienas lineas insequentem, non alicubi excidere: et arduum, ut quae in alia lingua bene dicta sunt, eumdem decorem in translatione conservent” (пер. Н. Холмогоровой; под ред. М. Касьян и Т. Миллер, цит. по: Гарбовский, Костикова, 2009: 18–19).

политической литературы. Он сформулировал на основе своей переводческой практики три критерия хорошего перевода: достоверность (信 / синь), доходчивость (达 / да), изящность (雅 / я), которые стали основополагающим для китайской классической теории перевода. При этом, несмотря на колоссальный успех переводов в Китае в конце XIX — начале XX в., он впоследствии не раз подвергался критике за излишнюю усложнённость «изящного» языка, а также за вольности и искажения, допущенные в своём «слишком доходчивом» переводе, которые обнаруживались при детальном сопоставлении тех или иных частных фрагментов (см. Huang, Wang, 2020; Yu, 2003). История показывает нам множество подобных примеров.

Сегодня, как и прежде переводчик в общественном мнении нередко расценивается как человек, осуществляющий некую вспомогательную деятельность по предоставлению «коммуникативных услуг». Для выполнения этой функции якобы не требуется много интеллектуальных усилий, собственных мыслей, способности принимать самостоятельные решения. Рассуждая о значении перевода для современного пространства культуры, исследователи констатируют «теневое, оттеснённое, отверженное и подсобное положение перевода» вплоть до «подозрительного», которое отражается и на положении переводчиков (Berman, 1984: 6). Такая позиция в купе с активными разработками в области искусственного интеллекта представляет угрозу для искусства перевода, как рода творческой деятельности человека и источника его существования.

В конкурентной борьбе с искусственным интеллектом переводчик-человек может проиграть, ведь у него меньший объём оперативной памяти, нет возможностей сиюминутного доступа к большим базам данных, но даже если бы такая возможность и была, то обработка данных заняла бы гораздо больше времени, чем у машины. К тому же обучение и постоянное совершенствование навыков переводчика-человека — процесс крайне ресурсозатратный. Автоматический перевод со всеми изъятиями оказывается экономически более выгодным.

Человек-переводчик

Кто такой переводчик — заурядный билингв, буквалист, покорно следующий букве в отсутствие писательского дара, предатель-перелagатель, искажающий текст оригинала, уничтожающий его дух в силу своей убогой компетенции, или всесторонне образованный интеллектуал, лингвист, этнограф, философ, психолог, историк

и мастер слова, «который от творца лишь именем разнится», необходимое и незаменимое звено в цепи межкультурной коммуникации?

Синтезируя признаки, выраженные в разных определениях перевода, принадлежащих известным учёным современности, Н.К. Гарбовский подчёркивает, что речь идёт об особой интеллектуальной деятельности человека по реализации сложнейшей «общественной функции коммуникативного посредничества» в условиях лингвистического дискомфорта, когда **передача информации** от одного коммуниканта к другому напрямую невозможна из-за использования ими разных языковых систем. (Гарбовский, 2004: 214). Для нас ключевыми в этом определении видятся два момента.

Во-первых, речь идёт о передаче информации, а передача информации предполагает наличие канала информации и носителя информации, то есть некой материальной основы. Осознание того, что перевод — это способ обработки и передачи (а также хранения и накопления) информации, происходящих по определённым каналам и с использованием определённых носителей, имеет принципиальное значение, поскольку позволяет *увидеть и принять* тот факт, что всё развитие переводческой деятельности связано с прогрессом носителей информации, каналов передачи информации, способов её фиксации, то есть с прогрессом различных информационно-коммуникационных технологий (см. подробнее: Костикова, 2016). Технологический прогресс изменял и продолжает изменять облик профессии. Он сказывается на самом процессе перевода, его качественных и количественных характеристиках. Это значит, что сегодня мы переживаем очередной поворотный момент в истории переводческой деятельности, как это уже случалось, когда возникали языки, появлялась письменность, постепенно «облегчались» носители информации, автоматизировались способы тиражирования, изобретались способы усиления и передачи аудио и видеосигнала на расстоянии и т.п. Осмысление истории переводческой деятельности в таком ключе дало нам основания предложить информационно-технологический подход к её периодизации (см.: Гарбовский, Костикова, 2021).

Во-вторых, социальная функция перевода состоит в «утолении информационного голода» и преодолении «коммуникативного дискомфорта», вызванного невозможностью понять другого в силу различия коммуникативных кодов в условиях двуязычной коммуникации. Но переводчик не имеет этического права вести себя как обыкновенный «коммуникант» (читатель или слушатель). Пере-

водчик — это психолог, исследователь, историк, этнограф, литературовед, философ, который должен увидеть в тексте, в сообщении именно то, что зашифровал в знаках языка автор. (Гарбовский, 2016: 593). «Где знак — там и идеология, — писал Бахтин, — мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т.д. Слово всегда наполнено идеологическим или жизненным содержанием и значением» (Бахтин, 2000: 406). Для перевода это одновременно и вызов, и возможности. Какова бы ни была степень переводимости материала, с которым работает переводчик, это никогда не освобождает его от функции критика, которая обуславливает качество его работы.

Эта функция включает в себя две задачи: помимо анализа собственно *содержимого* (воплощённого в единстве формы и содержания) того, что переводится и во что это затем выливается, переводчик должен определить *точку зрения* на каждый из этих текстов в соответствии с той сферой социальной практики в рамках которой и для которой осуществляется перевод (техническая, правовая, медицинская, образовательная, политическая и т.д.). Точка зрения, основное понятие герменевтики, предполагает обязательное для критической позиции *дистанцирование*. Залогом же ограничения субъективной предвзятости, своего рода *гарантией*, в таком случае становится опора на предшествующие корпусы ценных и значимых текстов на двух языках. Дуализм точки зрения и гарантии, обеспечивающей её непредвзятость, определяет ценность перевода, превращая его в подлинное творение (Rastier, 2016: 7).

Конечно, тенденция сводить текст оригинала к «источнику», а текст перевода — к «цели» по-прежнему распространена среди адептов информационной проблематики, как и стремление видеть в переводе своего рода диалог или компромисс между двумя существующими системами ценностей — среди последователей коммуникативной парадигмы. Но перевод не просто переход от одной системы представлений или убеждений к другой, от одной идеологии к другой: он отстоит от них на равной дистанции и открывает новое пространство, обогащая корпус обоих задействованных языков. Если же переводчик отказывается от своей функции критика и не выдерживает необходимой дистанции, то он лишь конкретизирует уже сложившуюся систему убеждений: такой перевод Растье называет идеологическим (Там же).

Проблема соотношения содержимого и ценности перевода проявляется с очевидностью, когда речь заходит о недостатках ма-

шинного перевода: ограниченность лишь содержимым текста в отсутствие точки зрения и гарантий, о которых было сказано выше, лишает такой перевод ценности. Обратная сторона медали — тенденциозные переводы, которые стремятся навязать некритическую точку зрения: независимо от степени её политической корректности, она есть не что иное, как насилие над текстом оригинала и истощение его перевода.

«Неуловимая» идеология вездесуща, её особенность в том, что у неё нет каких-либо специальных маркеров, как иногда полагают, анализируя различные типы дискурсов. Конечно, можно приводить в пример слова, наполненные символическим смыслом или образностью, но не менее важным оказывается то, что смысл того или иного текста — зачастую формируется не словами — слова может перевести и машина — а их отсутствием. Отсутствие тех или иных слов в тексте говорит о многом, и объясняться может и тем, что автор их избегает, и рядом других факторов. Так, рассуждая о культурном смысле, культурном опыте, без которых невозможно создание произведений искусства, А.С. Запесоцкий высказал принципиальное важное для методологии перевода предположение: «возможно, концептосферы и конкретно взятого художественного текста, и его автора, и читателя состоят из множества отдельных концептов, каждый из которых есть не только «изречённое» нечто, нашедшее конкретное словесное воплощение на национальном языке, но и «подразумеваемое» — потенциально заложенное, но не вполне осмысленное, возможно даже самим автором, для чего и слова-то просто может быть не найдено.» (Запесоцкий, 2022: 138). Для перевода значимо и сказанное, и не высказанное: ценность текста сообразна его «де-онтологии».

В книге «Против инструментализма» Венути рассматривает два подхода к переводу: герменевтический и инструменталистский. Герменевтический подход требует от переводчика творческого переосмысления текста с учётом культурного и политического контекстов, как исходного текста, так и аудитории, которой адресован перевод. Венути утверждает, что в этом случае переводной текст должен сохранять «чуждость», чтобы читатель осознавал его принадлежность к другой культуре. Инструментализм же проявляется в механической передаче слов без учёта контекста. Венути указывает, что инструменталистская модель проявляется в таких формулах оценки, как «верность» и «компромисс». «Всякий раз, когда для описания перевода используется понятие “компромисс”, речь идет об инструментализме: предполагается существование инварианта

исходного текста, который перевод может приблизить, но не воспроизвести в точности» (Venuti, 2019: 67). Роль переводчика оказывается маргинальной, заменимой или даже избыточной, а перевод всегда неудачным, в чём-то уступающим оригиналу. Инструментализм в переводе лишает тексты их исторического, политического, языкового и социального контекстов, благодаря которым тексты обретают смысл и осмысливаются. Инструментализм «концептуально обедняет», вырывая текст из среды его бытования (Venuti, 2019: 59).

Между тем, известно, что переводческая практика зависит от состояния словесности народа, на язык которого осуществляется перевод, в конкретную историческую эпоху, от общественного мнения о красивом и уродливом, верном и неверном, нужном и ненужном. В подходах к оценке качества перевода, верности и точности существуют цикличность и мода, одни и те же решения в разные эпохи могли оцениваться по-разному, а иногда и противоположно. Противоречие, возникающее при оценке деятельности переводчиков, пронизывающее всю её историю, можно объяснить как онтологической дихотомией переводческой деятельности, так и противоречием общего и частного — двух сторон категории качества. Конкретные ошибки переводчиков во все времена подвергались жёсткой критике, удачные переводческие решения вызывали восхищение. Но переводческие ошибки и удачи в историческом освещении предстают как частные случаи. С течением времени о них забывают, и в общественном сознании сохраняется лишь общее представление о переводе и его социальной значимости.

Таким образом, вариативность оценки перевода противопоставлена его ценностным константам.

Добавленная ценность перевода

Переводческая деятельность действительно представляется как одна из важнейших общественных функций, обеспечивающих жизнедеятельность многоязычного и поликультурного человеческого общества. Коммуникация, как одно из важнейших средств существования общества, без перевода часто оказывается весьма затруднённой или даже невозможной.

В этой связи негативные суждения о переводчиках представляют интерес не столько как характеристика переводческой деятельности в общем, сколько как отражение прочно укоренившегося критического отношения к каждому частному акту перевода, как напоминание о неизбежности комментариев и критических заме-

чаний, разборов и рассуждений, которые он неизбежно влечёт за собой. Онтологически перевод представляет собой «вторичный» объект, что, с одной стороны, порождает вопросы о его соответствии «первичному» объекту, а с другой, априори накладывает на него печать второсортности. Это противоречие общего и частного во взгляде на переводческую деятельность особенно отчётливо проявляется при обращении к истории перевода, которая хранит имена великих людей, оказавших весьма существенное воздействие на развитие человеческой цивилизации (Гарбовский, 2021).

Личность переводчика играет ключевую роль: именно благодаря сложнейшей интеллектуальной психофизической деятельности человека в переводе возникает, то, что можно было бы назвать *добавленной ценностью* — положительное значение для человека, общества, культуры, появившееся в результате переводческой деятельности с точки зрения её способности удовлетворить латентные или скрытые потребности, порождать инновации, быть катализатором прогресса. И ценность перевода, и его добавленная ценность — это та роль, которую играет или может играть перевод в жизнедеятельности человека и общества с точки зрения его потребностей, интересов и целей. Однако если ценность перевода связана с удовлетворением конкретных потребностей и ожиданий от перевода, с точки зрения его непосредственной функции, осознаваемой обществом, то добавленная ценность — связана с эффектом неожиданности, оцениваемой положительно и не связанной непосредственно с задачами коммуникативного посредничества, решаемыми в каждом конкретном акте перевода. Добавленная ценность — всегда сопутствующее, но зачастую первостепенное свойство перевода, которое проявляется в виде констант перевода в историческом осмыслении, не как конкретного акта межкультурной коммуникации, а как явления, способствующего установлению диалога или разрешению конфликта культур.

К добавленным ценностям можно отнести всё то, что составляет великую цивилизаторскую миссию перевода: письмотоворчество, распространение и развитие религий, совершенствование словесности, передачу научных знаний, развитие государственности в условиях двуязычия, умножение очагов культуры, поддержание и распространение духовных ценностей и т.п. В современном мире, переживающем эпоху «больших данных», переводчик оказывается одним из важнейших звеньев общей информационной системы, генерирующим *новые* данные. Благодаря деятельности переводчиков общая мировая информационная систе-

ма пополняется так называемыми межъязыковыми большими данными, т.е. многоязычными образами явлений той или иной культуры.

Ценность и оценка перевода: социальная обусловленность

«Что бы ни говорилось о неудовлетворительности переводческого труда, он был и остается одним из самых значимых и достойных занятий на благо всеобщего взаимодействия», — писал И.-В. Гёте (Goethe, 1883: 257). Похожие мысли высказывал и В. Гюго, рассуждая о цивилизаторской миссии перевода: «Переводчики служат цивилизации. Они переливают духовную субстанцию от одного к другому. Служат распространению идей. Благодаря им гений одной нации встречается с гением другой нации. Плодотворные сочетания. Ведь новая мысль так же необходима, как и новая кровь» (*перевод наш — О.К.*) (Hugo, 2013: эл. ресурс). Хайдеггер же считал, что «суть перевода не в том, чтобы облегчать коммуникацию с говорящими на другом языке, а в том, чтобы помочь в решении насущного для всех вопроса. Он служит взаимопониманию в некотором более высоком смысле; и каждый шаг в этом направлении — благосложение для народов» (*перевод наш — О.К.*) (Heidegger, 1938: 8).

Важнейшая миссия переводчиков оценена сегодня в мировом сообществе на самом высоком уровне: 24 мая 2017 года Генеральной Ассамблеей ООН приняла специальную резолюцию, где подтверждается «роль профессионального перевода в сближении народов, укреплении мира и содействии взаимопониманию и развитию». Эта роль в высшей степени ответственна и чрезвычайно актуальна сегодня, ведь как гласит статья 6 «Декларации прав культуры», разработанной коллективом учёных СПбГУП под научным руководством Д.С. Лихачёва: «Культурное сотрудничество, диалог и взаимопонимание народов мира являются залогом справедливости и демократии, условием предотвращения международных и межэтнических конфликтов, насилия и войн» (Лихачев, 2015: 503).

Перевод всегда был деятельностью социальной *sui generis* в том смысле, что она востребована, осуществляется и оценивается обществом, вернее, его конкретными представителями. Социальные связи играют важнейшую роль в профессиональной жизни переводчиков. Функция перевода не определяется формальным анализом исходного текста; она прагматически задаётся целью межкультурной коммуникации (Nord, 2005: 11), а качество перевода

определяется помимо лингвистической эквивалентности многими иными факторами, и прежде всего социальным контекстом, в значительной степени направляющим и регулирующим переводческую деятельность (Робинсон, 2007: 160). Именно от общественных установок будет во многом зависеть что, как, когда и с какой целью будет перенесено из одной культуры в другую, станет достоянием языка и литературы, развивая и обогащая их или, наоборот, максимально приспособляясь к ним. А быть может, канет в Лету, так и не получив общественного признания, или замрёт в ожидании смены культурных ориентиров, общественных установок, политической конъюнктуры и т.п.

Заключение

Владение языком и умение толковать — ценнейшие дары, обретенные человеком. Как верно заметил К.Д. Ушинский, «сознание распределено между людьми равномерно; разница же, замечаемая нами столь ясно в силе и развитии рассудка, заключается не в самом рассудке или сознании, но в количестве, в качестве и в переработке фактов, над которыми сознание работает» (Ушинский, 1950: 617). Переводческая деятельность — сложный процесс восприятия и воспроизведения, анализа и переработки, накопления и сохранения информации. Владение мастерством перевода, обучение этому мастерству и регулярная его практика развивает рассудок, расширяет сознание, обогащает духовно, прежде всего, самого человека, вовлечённого в этот процесс, а также тех, для кого на протяжении тысячелетий трудятся переводчики-люди.

Сегодня с развитием цифровой эпохи перевод представляет собой сложную систему противоречивых отношений в «бинеоме человек — искусственный интеллект». Делегируя искусственному интеллекту ряд функций по работе с информацией, человек освобождает свой разум от осуществления некоторых когнитивных операций, что в процессе эволюции может вести либо к ослаблению человеческого интеллекта вплоть до полной деградации, либо, напротив, к заполнению освободившегося интеллектуального пространства новыми, пока не известными познавательными способностями, что позволит переводчикам, как и много веков подряд, способствовать сохранению и приращению интеллектуального наследия, умножению очагов культуры, поддержанию и распространению духовных ценностей.

Не терять из виду эту гуманитарную перспективу крайне важно сегодня в эпоху господства цифр и технологий, когда необходимо

осознать место человека — не ради попыток уйти в прошлое, и с ностальгией вспоминать былые «человечные» времена и не для того, чтобы с тоской смотреть в будущее, опасаясь технологической безработицы на том или ином поприще. Ценности, воспитание профессиональное и духовное, слово и смыслы — всё это актуально в цифровую эпоху, когда человек должен найти своё место, твердо занять его, не сомневаясь, что именно он создаёт, организует и направляет технологии на решение своих задач, которые нужно уметь, осознать, поставить и разрешить.

Таким образом, аксиология перевода является актуальным и определяющим современную науку о переводе вектором исследования.

Список литературы

Агеев А.И. К «цифре» готов? Оценка адаптивности высокотехнологичного комплекса России к реалиям цифровой экономики. Итоговый доклад / А.И. Агеев, Е.А. Асанова, О.В. Глибенко, М.В. Ремизов, В.А. Смирнова. Москва, ИНЭС, 2018. 61 с.

Агеев А.И. Насколько Россия подготовлена к вызовам XXI века // Независимая газета, 14.01.2019.

Атлас новых профессий 3.0. / Под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М.: Альпина ПРО, 2021. 472 с.

Атлас новых профессий. Вторая редакция / П. Лукша, К. Лукша, Д. Варламова, Д. Судаков, Д. Песков, Д. Коричин. М.: Агентство стратегических инициатив, 2015. 287 с.

Атлас новых профессий. Первая редакция / П. Лукша, К. Лукша, Д. Песков, Д. Коричин. М.: Агентство стратегических инициатив, 2014. 164 с.

Бахтин М.М. Бахтин под маской: Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: изд-во «Лабиринт», 2000, 640 с.

Вольтер Ф.М.А. Философские повести. Философские письма. Статьи из «Философского словаря» / пер. с фр. Н. Дмитриева и др. М.: АСТ; Астрель, 2011. 748 с.

Гао Ц. Влияние цифровизации общества и культуры на перевод // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 3. С. 3–25.

Гарбовский Н.К. О переводе / Н.К. Гарбовский. М.: «Форум», 2016.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004, 2021.

Гарбовский Н.К. История перевода. Практика, технологии, теории. Очерки по истории перевода / Н.К. Гарбовский, О.И. Костикова. М.: Изд-во Московского университета, 2021. 318 с.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Исповедь великого переводчика, или Первый европейский трактат о переводе // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода, 2009. № 3. С. 3–36.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. Интеллект в цифровом переводе: искусственный или искусный? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2019. № 4. С. 3–23.

Гусейнов А.А. Как возможна глобальная общность людей? // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачёвские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 61–63.

Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева / А.С. Запесоцкий, 3-е изд. СПб.: СПбГУП, 2022. 528 с.

Зейналов Г.Г. Философское значение концепции устойчивого развития // Гуманитарные науки и образование, 2011. № 1 (5). С. 51–55.

Иванова, О.А. Аксиологическая парадигма перевода: к вопросу о субъективных и объективных критериях оценки качества перевода / О.А. Иванова, А.И. Криворучко, Н.Г. Погорелая // Современные проблемы науки и образования, 2015. № 1–1. С. 1267.

Касавина Н.А. Цифровизация как предмет междисциплинарных исследований // Эпистемология и философия науки, 2019. Т. 56. № 4. С. 251–259.

Костикова О.И. Эволюция информационно-коммуникационных технологий в истории перевода // Роль современных информационных технологий в повышении качества перевода и развитии эффективных коммуникаций: сборник материалов конференции 26 февраля 2016 г. / Президент. б-ка; [науч. ред. А.А. Погорелов]. СПб.: Президентская библиотека, 2016. С. 1.

Костина А.В. Аксиологическая концепция в гуманитарных науках. Школа неокантианства // Учёный совет, 2020. № 3. Режим доступа: <https://panor.ru/articles/aksiologicheskaya-kontseptsiya-v-gumanitarnykh-naukakh-shkola-neokantianstva/35123.html#> (дата обращения 05.09.2024).

Кушнина Л.В., Аликина Е.В., Енбаева Л.В. Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология: [Электронный ресурс] коллективная монография / под общ. ред. Л.В. Кушпиной. М.: Флинта, 2020. 336 с.

Лекторский В.А. Глобализация и культурное разнообразие // Диалог культур и партнёрство цивилизаций: становление глобальной культуры: X Международные Лихачёвские научные чтения, 13–14 мая 2010 г. СПб.: СПбГУП, 2010. С. 107–108.

Лекторский В.А. Мировое единство и культурное разнообразие // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачёвские научные чтения 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб.: СПбГУП, 2012. С. 121–124.

Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и науч. ред. А.С. Запесоцкий. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 485.

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных // Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 473–474.

Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/platon-i-sovremennaya-peschera-big-data (дата обращения 05.08.2020).

Мишкурое Э.Н. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении / Э.Н. Мишкурое, М.Г. Новикова. М.: Флнта, 2020. 300 с.

Мишкурое Э.Н. Переводимость — непереодимость: Былое и думы... / Э.Н. Мишкурое, М.Г. Новикова. М.: Флнта, 2024. 248 с.

Монтень М. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2, пер. с фр. М.: Голос, 1992. Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/MONTEN/monten2.txt> (дата обращения 17.11.2020).

Набоков В.В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Перевод с английского. СПб., «Искусство-СПб»; «Набоковский фонд», 1999. 928 с.

Пекелис В.Д. Твои возможности, человек! М.: Ленанд, 2023. 312 с.

Робинсон Д. Как стать переводчиком. Введение в теорию и практику перевода. М.: Кудиц-пресс, 2007. С. 160.

Садовничий В.А. Размышления математика и ректора. Избранные выступления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 392 с.

Английские поэты-кавалеры XVII века / сост. и пер. М. Бородицкая. Санкт-Петербург: «Наука», 2010. 380 с.

Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: «Прогресс», «Универс», 1995. С. 327–338.

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. Том 2 / К.Д. Ушинский. Собрание сочинений. Том 9. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1950. 776 с.

Фролов, В.И., Иовенко В.А. Переводчики под микроскопом. Ещё раз о роли переводчика в переводе и о необходимости разработки концепции переводчика в переводевании // Мосты. Журнал переводчиков, 2021. № 4 (72). С. 7–15.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

Berman A. (1984). L'Epreuve de l'étranger. Paris: Editions Gallimard. 313 p.

Boyd H. (1785). A Translation of the Inferno of Dante Alighieri in English Verse with Historical Notes, and the Life of Dante, to which is added, a Specimen of a New Translation of the Orlando Furioso of Ariosto, Dublin: Printed by P. Byrne.

Cadwell P., O'Brien S., Teixeira C.S. (2018). Resistance and accommodation: Factors for the (non)adoption of machine translation among professional translators. In Perspectives, No. 26, pp. 301–321. Available at: doi: 10.1080/0907676X.2017.1337210 (accessed 1 September 2024).

Cowley A. (1881). Preface to Pindarique Odes. In The Complete Works in Verse and Prose now for the first time collected and edited by The Rev. A.B. Grosart in Two Volumes. Vol II. Verse and Prose. Blackburn, Lancashire: Chertsey Worthie's Library, pp. 4.

D'Alembert J. (1763) Observations sur l'art de traduire. In Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie. Vol. 3. Amsterdam: Zacharie Chatelain & Fils.

Fishbach H. (1992). Translation, the Great Pollinator of Science. In *Babel*, Vol. 38 (4), pp. 193–202.

Frey C.B., Osborne M.A. (2013). The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? September 17, available at: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Accessed 1 September 2023).

Goethe J.-W. (1833). German Romance. Vol. IV, Edinburgh 1827. In *Goethe's werke*. Vol. 46. Stuttgart, Tübingen: J.C. Cotta.

Hassan H., et al. (2018). Achieving Human Parity on Automatic Chinese to English News Translation, In arXiv preprint arXiv:1803.05567. Available at: https://arxiv.org/abs/1803.05567?source=post_page (accessed 30 September 2021).

Heidegger M. (1938). Qu'est-ce que la Métaphysique? Gallimard, Coll. Les Essais. No. 7.

Huang CR., Wang X. (2020) From Faithfulness to Information Quality: On $\emptyset$ in Translation Studies. In Lim L., Li D. (eds.) Key Issues in Translation Studies in China. New Frontiers in Translation Studies. Springer, Singapore. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-15-5865-8_6 (accessed 30 September, 2021).

Hugo V. (2013). *Proses philosophiques 1860–1865* (Online edition). Stare-books éditions.

Lee H., Yun S. (2020). How Can We Improve the Codes of Ethics for Translators? In *Babel*, Vol 66, No. 4/5, pp. 706–718.

Leibniz G.-W. (1772). Considérations sur les Langues en général & sur la culture de la Langue Allemande en particulier. In *Esprit de Leibniz ou Recueil de pensées choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophie, & c. Extraites de toutes ses œuvres Latines et Françaises*. Vol. 2. Lyon: Jean-Marie Bruyset, Imprimeur Libraire. Avec Approbation & Privilège du Roi.

Macken L., Prou D., Tezcan A. (2020). Quantifying the effect of machine translation in a high-quality human translation production process. In *Informatics*, Vol. 7, No. 2. available at: <https://doi.org/10.3390/informatics7020012> (accessed 1 September 2024).

Massey G. (2021). Re-framing conceptual metaphor translation research in the age of neural machine translation: Investigating translators' added value with products and processes. In *Training, Language and Culture*, Vol. 5, No 1, pp. 37–56.

Meschonnic H. (2007). *Étique et politique du traduire*. Lagrass: Éditions Verdier.

Mossop B. (2006). Has Computerization Changed Translation? In *Meta*, Vol. 51, No. 4, pp. 787–805, available at: <https://doi.org/10.7202/014342ar> (accessed 1 September+ 2023).

Nord Ch. (2005). *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application*. 2nd ed. Amsterdam, New York: Rodopi.

Rastier F. (2016). Préface. In *Idéologie et traduction*. Sous la direction d'Astrid Guillaume. Paris: L'Harmattan, pp. 5–9.

Richards I.A. (1976 [1953]). *Towards a Theory of Translation*. In *Studies in Chinese Thought* ed. by A.F. Wright. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Sánchez Trigo, E. (2020). Deontología y traducción: elementos para el análisis de la profesión. In *Meta*, Vol. 65, No. 3, pp. 573–593.

Savory Th. (1957). *The Art of Translation*. London: Jonathan Cape.

Schlegel A. W. (1884). *Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst. Dritter Teil (1803–1804) Geschichte der romantischen Litteratur*. Heilbronn: Henninger. 252 p.

Ségard V. (2009). Le traducteur professionnel: une espèce menacée, ou la robotisation du monde, available at: http://www.cttic.org/Opinions/VSegard0809_FR.pdf (accessit: 1 Septembre, 2018).

Steiner G. (1975). *After Babel. Aspects of language and translation*. New York, London: Oxford University Press. 520 p.

Toral A. (2019). Post-editese: an Exacerbated Translationese. *Proceedings of Machine Translation Summit XVII: Research Track*. Vol. 1. Dublin, pp. 273–281.

Trevisa J. (1903). Dialogue between a Lord and a Clerk upon Translation. In *Fifteenth Century Prose and Verse: An English Garner*; introd. A.W. Pollard. Westminster: Archibald Constable, pp. 203–208.

Venuti L. (2019). *Contra Instrumentalism: A Translation Polemic*, Lincoln: University of Nebraska Press.

俞政 (2003) 严复著译研究 苏州市 : 苏州大学出版社 366 p. = Юй Чжэн Янь Фу Чжу И Янь Цзю. Сочинения и переводы Янь Фу. Сучжоу: Изд-во Сучжоуского ун-та, 2003, 366 с.

References

Ageyev A. (2019). Naskol'ko Rossiya podgotovlena k vyzovam XXI veka = How prepared Russia is for the challenges of the 21st century. *Nezavisimaya gazeta*, 14.01.2019 (In Russian).

Ageyev A., Asanova E., Glibenko O., Remizov M., Smirnova V. (2018). K “tsifre” gotov? Otsenka adaptivnosti vysokotekhnologichnogo kompleksa Rossii k realiyam tsifrovoy ekonomiki. Itogovyy doklad = Are you ready for “digital” era? Assessing the adaptability of Russia’s high-tech complex to the realities of the digital economy. Final report. Moscow: Institute for Economic Strategies. 61 p. (In Russian).

Bakhtin M. (2000). Bakhtin pod maskoy: Freydizm. Formal'nyy metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yazyka. Stat' I = Bakhtin in disguise: Freudianism. The formal method in literary studies. Marxism and the philosophy of language. Articles. Moscow: Labirint, 640 p. (In Russian).

Berman A. (1984). *L'Épreuve de l'étranger*. Paris: Editions Gallimard. 313 p.

Boroditskaya M. (2010). Angliyskiye poety-kavaleri XVII veka = English cavalier poets of the 17th century. St Petersburg: “Nauka”. 380 p. (In Russian).

Boyd H. (1785). *A Translation of the Inferno of Dante Alighieri in English Verse with Historical Notes, and the Life of Dante, to which is added, a Specimen of a New Translation of the Orlando Furioso of Ariosto*, Dublin: Printed by P. Byrne.

Cadwell P., O'Brien S., & Teixeira C.S. (2018). Resistance and accommodation: Factors for the (non)adoption of machine translation among profes-

sional translators. In *Perspectives*, No. 26, pp. 301–321. Available at: doi: 10.1080/0907676X.2017.1337210 (accessed 1 September 2024).

Cowley A. (1881). Preface to *Pindariques Odes*. In *The Complete Works in Verse and Prose now for the first time collected and edited by The Rev. A.B. Grosart in Two Volumes*. Vol II. — Verse and Prose. Blackburn, Lancashire: Chertsey Worthie's Library, p. 4.

D'Alembert J. (1763) *Observations sur l'art de traduire*. In *Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie*. Vol. 3. Amsterdam: Zacharie Chatelain & Fils.

Fishbach H. (1992). Translation, the Great Pollinator of Science. In *Babel*, Vol. 38 (4), pp. 193–202.

Frey C.B., Osborne M.A. (2013). The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? September 17, available at: http://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Accessed 1 September 2023).

Frolov V., Iovenko V. (2021). Perevodchiki pod mikroskopom. Yeshche raz o roli perevodchika v perevode i o neobkhodimosti razrabotki kontseptsii perevodchika v perevodovedenii In *Mosty. Zhurnal perevodchikov*. Vol 4, No. 72, pp. 7–15 (In Russian).

Gao J. (2020). Vliianie tsifrovizatsii obshchestva i kul'tury na perevod = The Impact of Digitalization of Culture and Society on Translation, In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda*, No. 3, 3–25.

Garbovskii N., Kostikova O. (2019). Intellect dlia perevoda: iskusstvennyi ili iskusnyi? = Intelligence in Translation: Artful or Artificial? In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriia perevoda*. No. 4, pp. 3–23.

Garbovskiy N. (2016) *O perevode = On Translation*. Moscow: Forum, 752 p. (In Russian).

Garbovskiy N. (2021) *Teoriya perevoda = Theory of Translation*. Moscow: Moscow University Press, 591 p. (In Russian).

Garbovskiy N., Kostikova O. (2021). *Istoriya perevoda. Praktika, tekhnologii, teorii. Ocherki po istorii perevoda = History of translation. Practices, technologies, theories. Essays on the History of Translation*. Moscow: Moscow University Press. 318 p. (In Russian).

Garbovskiy N., Kostikova O. (2009). Ispoved' Velikogo perevodchika, ili pervyy Yevropeyskiy traktat o perevode = Confessions of a Great Translator, or the first European treatise on translation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, No. 3, pp. 3–36 (In Russian).

Goethe J.-W. (1833). *German Romance*. Vol. IV, Edinburgh 1827. In *Goethe's werke*. Vol. 46. Stuttgart, Tübingen: J.C. Cotta.

Guseynov A. (2010). Kak vozmozhna global'naya obshchnost' lyudey? = How is a global community of people possible? In *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovleniye global'noy kul'tury: X Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauchnyye chteniya = Dialogue of Cultures and Partnership of Civilisations: Becoming a Global Culture Proceedings of X International Likhachov Scientific Conference, May 13–14 2010*. St Petersburg, St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, pp. 61–63 (In Russian).

Heidegger M. (1938). Qu'est-ce que la Métaphysique? Gallimard, Coll. Les Essais. No. 7.

Huang CR., Wang X. (2020) From Faithfulness to Information Quality: On in Translation Studies. In Lim L., Li D. (eds.) Key Issues in Translation Studies in China. New Frontiers in Translation Studies. Springer, Singapore. Available at: https://doi.org/10.1007/978-981-15-5865-8_6 (accessed 30 September 2021).

Hugo V. (2013). Proses philosophiques 1860–1865. Online edition. Starebooks éditions.

Ivanova O., Krivoruchko A., Pogorelaya N. (2015) Aksiologicheskaya paradigma perevoda: k voprosu o sub'yektivnykh i ob'yektivnykh kriteriyakh otsenki kachestva perevoda = The axiological paradigm of translation: the question of subjective and objective criteria for assessing the quality of translation In Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya, No. 1–1, p. 1267. EDN VIEVRX (In Russian).

Jakobson R. (1985) O lingvisticheskikh aspektakh perevoda = On Linguistic Aspects of Translation in Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike. Moscow, pp. 16–24 (In Russian).

Kasavina N. (2019). Tsifrovizatsiya kak predmet mezhdistsiplinarnykh issledovaniy = Digitalisation as a subject of interdisciplinary research. In *Epistemologiya i filosofiya nauki*. Vol. 56. No. 4. pp. 251–259 (In Russian).

Kostikova O. (2016). Evolyutsiya informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v istorii perevoda = Evolution of information and communication technologies in the history of translation. In Rol' sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy v povyshenii kachestva perevoda i razvitiy effektivnykh kommunikatsiy: sbornik materialov konferentsii 26 fevralya 2016, ed. by A. Pogorelov. St Petersburg: Presidential Library, pp. 75–81 (In Russian).

Kostina A. (2020). Aksiologicheskaya kontseptsiya v gumanitarnykh naukakh. Shkola neokantianstva = The axiological concept in the humanities. The school of neo-Kantianism. In *Uchenyy sovet*. No. 3, available at: <https://panor.ru/articles/aksiologicheskaya-kontseptsiya-v-gumanitarnykh-naukakh-shkola-neokantianstva/35123.html#> (accessed: 05.09.2024) (In Russian).

Kushnina L., Alikina E., Yenbayeva L. (2020). Teoriya perevoda v klassicheskoy i sovremennoy issledovatel'skoy paradigme: ontologiya, metodologiya, aksiologiya = Translation theory in the classical and modern research paradigm: ontology, methodology, axiology. Electronic edition.. Moscow: Flinta, 336 p. (In Russian).

Lee H., Yun S. (2020). How Can We Improve the Codes of Ethics for Translators? In *Babel*, Vol 66, No. 4/5, pp.706–718.

Leibniz G.-W. (1772). Considérations sur les Langues en général & sur la culture de la Langue Allemande en particulier. In *Esprit de Leibniz ou Recueil de pensées choisies sur la religion, la morale, l'histoire, la philosophie, & c. Extraites de toutes ses œuvres Latines et Françaises*. Vol. 2. Lyon: Jean-Marie Bruyset, Imprimeur Libraire. Avec Approbation & Privilège du Roi.

Lektorskiy V. (2010). Globalizatsiya i kul'turnoye raznoobraziye = Globalisation and cultural diversity. In *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovleniye global'noy kul'tury*. X Mezhdunarodnyye Likhachevskiy nauch-

nyye chteniya, 13–14 maya 2010. St Petersburg: St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, pp. 107–108 (In Russian).

Lektorskiy V. (2012). Mirovoye yedinstvo i kul'turnoye raznoobraziye = World unity and cultural diversity. In *Dialog kul'tur v usloviyakh globalizatsii: XII Mezhdunarodnyye Likhachevskiye nauchnyye chteniya 17–18 May 2012. Vol. 1. Doklady. Dialogue of cultures in the context of globalization, Proceedings.* St Petersburg, St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, pp. 121–124 (In Russian).

Likhachov D. (2022). Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture = Selected works on Russian and world culture, A. Zapesotskiy (ed.). St Petersburg, St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences, 544 p. (In Russian).

Lomonosov M. (1986). Predisloviye o pol'ze knig tserkovnykh = Preface on the usefulness of the church books. In *Izbrannyye proizvedeniya.* Leningrad: Sovetskiy pisatel', pp. 473–474 (In Russian).

Luksha P., Luksha K., Peskov D., Korichin D. (2014). Atlas novykh professiy. Pervaya redaktsiya = Atlas of New Professions. First edition. Moscow: Agentstvo strategicheskikh initsiativ, 164 p. (In Russian).

Luksha P., Luksha K., Varlamova D., Sudakov D., Peskov D., Korichin D. (2015). Atlas novykh professiy. Vtoraya redaktsiya = Atlas of New Professions. Second edition. Moscow, Agentstvo strategicheskikh initsiativ, 287 p. (In Russian).

Macken L., Prou D., Tezcan A. (2020). Quantifying the effect of machine translation in a high-quality human translation production process. In *Informatics*, Vol. 7, No. 2, available at: <https://doi.org/10.3390/informatics7020012> (accessed 1 September 2024).

Massey G. (2021). Re-framing conceptual metaphor translation research in the age of neural machine translation: Investigating translators' added value with products and processes. In *Training, Language and Culture*, Vol. 5, No 1, pp. 37–56.

Meschonnic H. (2007). *Étique et politique du traduire.* Lagrasse: Éditions Verdier.

Mironov V. (2019). Platon i sovremennaya peshchera big-data = Plato and the modern cave of big-data In *Vestnik of Saint Petersburg University. Filosofiya i konfliktologiya.* No. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/platon-i-sovremennaya-peschera-big-data> (accessed: 05.08.2024) (In Russian).

Mishkurov E., Novikova M. (2020). Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshchenii = Cognitive-hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology. Moscow, Flinta, 300 p. (In Russian)

Mishkurov E., Novikova M. (2024) *Perevodimost' — neperevodimost': By-loye i dumy... = Translatibility — Untranslatibility: Yesteryears and Thoughts.* Moscow: Flinta, 248 p. (In Russian).

Montaigne M. (1992). *Opyty. Izbrannyye proizvedeniya: v 3 vol. Vol. 2.* Moscow: Golos, available at: <http://lib.ru/FILOSOOF/MONTEN/monten2.txt> (accessed: 17.11.2023) (In Russian).

Mossop B. (2006). Has Computerization Changed Translation? In *Meta*, Vol.51, No 4, pp. 787–805, available at: <https://doi.org/10.7202/014342ar> (accessed 1 September 2023).

Nabokov V. (1999) Kommentariy k romanu A.S. Pushkina “Yevgeniy Onegin”, perevod s angliyskogo = Commentary on Pushkin’s novel Eugene Onegin, translation from English. St Petersburg, “Iskusstvo”; “Nabokovskiy fond”. 928 p. (In Russian).

Nord Ch. (2005). Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application. 2nd ed. Amsterdam, New York: Rodopi.

Pekelis V. (1986). Tvoi vozmozhnosti, chelovek! = Your possibilities, man! Moscow, Lenand. 312 p. (In Russian).

Rastier F. (2016). Préface. In *Idéologie et traduction*. Sous la direction d’Astrid Guillaume. Paris: L’Harmattan, pp. 5–9.

Richards I.A. (1976 [1953]). Towards a Theory of Translation. In *Studies in Chinese Thought* ed. by A.F.Wright. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Robinson D. (2007). Kak stat’ perevodchikom. Vvedeniye v teoriyu i praktiku perevoda = Becoming a Translator. An Introduction to the Theory and Practice of Translation. Moscow, Kudits-press. 304 p. (In Russian).

Sadovnichiy V. (2021). Razmyshleniya matematika i rektora. Izbrannyye vystupleniya = Reflections of a Mathematician and a Rector. Selected speeches. Moscow: Moscow University Press, 392 p. (In Russian).

Sánchez Trigo, E. (2020). Deontología y traducción: elementos para el análisis de la profesión. In *Meta*, Vol. 65, No. 3, pp. 573–593.

Savory Th. (1957). The Art of Translation. London: Jonathan Cape.

Schlegel A.W. (1884). Vorlesungen über schöne Litteratur und Kunst. Dritter Teil (1803–1804). Geschichte der romantischen Litteratur. Heilbronn: Henninger. 252 p.

Ségard V. (2009). Le traducteur professionnel: une espèce menacée, ou la robotisation du monde, available at: http://www.cttic.org/Opinions/VSegard0809_FR.pdf (Accessed 1 September 2018).

Steiner G. (1975). After Babel. Aspects of language and translation. New York, London: Oxford University Press. 520 p.

Toral A. (2019). Post-editese: an Exacerbated Translationese. Proceedings of Machine Translation Summit XVII: Research Track. Vol. 1. Dublin, pp. 273–281.

Trevisa J. (1903). Dialogue between a Lord and a Clerk upon Translation. In *Fifteenth Century Prose and Verse: An English Garner*; introd. A.W. Pollard. Westminster: Archibald Constable, pp. 203–208.

Trubetskoy N. (1995). Vavilonskaya bashnya i smesheniye yazykov = The Tower of Babel and the mixing of languages. In *History. Culture. Language*. Moscow: Progress — Unvers, pp. 327–338 (In Russian).

Ushinskiy K. (1950) Chelovek kak predmet vospitaniya. Opyt pedagogicheskoy antropologii. Vol. 2 = The human being as a subject of education. Experience of pedagogical anthropology. Vol. 2. In *Collected Works*. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences Publishing House. 776 p. (In Russian).

Varlanova D., Sudakova M. (2021). Atlas novykh professiy 3.0 = Atlas of New Professions 3.0. Moscow: Al'pina PRO. 472 p. (In Russian).

Venuti L. (2019). *Contra Instrumentalism: A Translation Polemic*, Lincoln: University of Nebraska Press.

Voltaire F.M.A. (2011). *Filosofskiye povesti. Filosofskiye pis'ma. Stat'i iz "Filosofskogo slovary"* = Philosophical Novels. Philosophical letters. Articles from the "Philosophical Dictionary". Moscow: AST; Astrel, 748 p. (In Russian).

Yu Zheng (2003). *Yan Fu zhu yi yan jiu* = Yan Fu's Writings and Translations. Suzhou: Suzhou daxue chubanshe. 366 p.

Zapesotskiy A. (2022). *Kul'turologiya Dmitriya Likhacheva* = Cultural Studies of Dmitry Likhachev. ed. 3. St Petersburg: St Petersburg University of The Humanities and Social Sciences. 528 p. (In Russian).

Zeynalov G. (2011). *Filosofskoye znachenie kontseptsii ustoychivogo razvitiya* = Philosophical significance of the concept of sustainable development. *In Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye*. No. 1 (5), pp. 51–55 (In Russian).

Hassan H. et al. (2018). *Achieving Human Parity on Automatic Chinese to English News Translation*, In arXiv preprint arXiv:1803.05567. Available at: https://arxiv.org/abs/1803.05567?source=post_page (accessed 30 September 2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Костикова Ольга Игоревна — доцент, кандидат филологических наук, заместитель директора Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; olga.kostikova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Olga I. Kostikova — Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Deputy Director of the Higher School of Translation (Faculty) of Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Moscow State University, GSP-1, building 1/51; olga.kostikova@list.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-47-74

О ФИЛОСОФИИ ПЕРЕВОДА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАНСЛАТОЛОГИИ

Эдуард Николаевич Мишкuroв

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: e.mishkurov@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье впервые в систематизированном виде представлена философская картина современной отечественной транслатологии. Отмечается, что как отечественная философия во всех её отраслях, так и отечественное переводоведение по разным основаниям ныне не имеют статуса самостоятельных наук. При этом философия на объективно-субъективных экзистенциальных основаниях проявляет повышенный интерес к феномену перевода в области дискурсивно-люди́ческого поведения носителей языка. В одиннадцати разделах работы последовательно представлена следующая проблематика: марксистско-ленинское учение о лингвистике и переводе как её составной части в виде «ЛТП»; философско-переводческие взгляды таких отечественных учёных, как: С.Л. Фокин, Н.С. Автономова, А.В. Смирнов, Е.С. Тейтельбаум, М.Э. Рябова, К.А. Павлов-Пинус, Е.Н. Шульга, В.В. Миронов и др.; дискурсивно-люди́ческое и когнитивно-герменевтическое учение о переводе; типологическая классификация дискурсов на уровнях переводоведческой, переводческой и переводной трактовок, а также функционирование гибридного теоретико-методологического и дидактического академического дискурса. Акцентируется внимание на появлении облигаторной философской составляющей в корпусе современных вузовских учебно-методических пособий по теории и практике перевода. В качестве примера философско-переводческой критики приводится фундированный анализ С.Л. Фокина неудачного перевода на русский язык «Книги Гостеприимства» французского писателя Эдмона Жабеса, выполненный А. Давыдовым, в частности, по причине уничижительно-пренебрежительного отношения к родному русскому языку. Основным выводом исследова-

ния является максима о том, что философско-интеллектуальный способ мышления лежит в основе дискурсивно-людического, когнитивно-герменевтического, а также лингвокультурологического, этнопсихолингвистического и прочих активно развивающихся отечественных научно-методологических подходов к проблемам транслатологии, которые способствуют созданию оптимальных условий для подготовки переводческих кадров на нынешнем этапе развития человеческого общества.

Ключевые слова: русскоязычная философско-переводческая мысль; переводческая функция «чистого смысла»; дискурсивно-людическое и когнитивно-герменевтическое учение о переводе; переводческий когнитивно-герменевтический методологический стандарт; переводоведческий, переводческий и переводной дискурсы; гибридный теоретико-методологический и дидактический академический дискурс

Для цитирования: Мишкuroв Э.Н. О философии перевода в современной отечественной транслатологии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. №. 4. С. 47–74. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-47-74

Статья поступила в редакцию 28.08.2024;
одобрена после рецензирования 17.09.2024;
принята к публикации 22.09.2024.

ON THE PHILOSOPHY OF TRANSLATION IN RUSSIAN TRANSLATOLOGY TODAY

Eduard N. Mishkurov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: e.mishkurov@mail.ru

Abstract. The paper deals with a philosophical picture of modern domestic translation studies presented for the first time systematically. It is noted that for various reasons both philosophy in all its branches and domestic translatology do not have the status of independent sciences. At the same time, philosophers are currently interested in the phenomenon of “translation”, because of some objective-subjective existential reasons for native speakers’ discursive-ludic behavior. The following problems are consistently presented in eleven sections of the work: the Marxist-Leninist doctrine of linguistics and translation as its integral part; philosophical and translation views of such Soviet/Russian scholars as: S.L. Fokin, N.S. Avtonomova, A.V. Smirnov, E.S. Teitelbaum, M.E. Ryabova, K.A. Pavlov-Pinus, E.N. Shulga, V.V. Mironov and others; discursive-ludic and cognitive-hermeneutic doctrine of translation; typological classification of dis-

courses including “translation studies discourse”, “translator’s discourse” and “translated discourse”, as well as the functioning of a hybrid theoretical-methodological and didactic “academic discourse”. The emergence of an obligatory philosophical component in the corpus of modern university teaching aids on the theory and practice of translation is emphasized. An important practical part of the paper includes S.L. Fokin’s in-depth analysis of the Edmond Jabès’s “Book of Hospitality” translation from French into Russian made by A. Davydov who had a derogatory and dismissive attitude towards his native Russian language.

The main conclusion of the study is the maxima that the philosophical-intellectual way of thinking is the basis for discursive-ludic, cognitive-hermeneutic, as well as linguacultural, ethnopsycholinguistic and other actively developing domestic scientific-methodological approaches to the problems of translation studies. Such approaches contribute greatly to the creation of optimal conditions for the translators’ training at the current stage of human society’s development.

Keywords: Russian philosophical and translation thought; translation function of “pure meaning”; discursive-ludic and cognitive-hermeneutic doctrine of translation; translation cognitive-hermeneutic methodological standard; “translation studies discourse”, “translator’s discourse” and “translated discourse”; hybrid theoretical-methodological and didactic academic discourse.

For citation: *Mishkurov E.N. (2024) On the philosophy of translation in Russian translatology today. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 4. P. 47–74. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-47-74*

The article was received on August 29, 2024;
approved after reviewing received on September 17, 2024
accepted for publication on September 22, 2024.

Существование перевода является серьёзным
вызовом лингвистической теории и философии...

Джон Р. Фёрс
(John R. Firth)

Введение

1. Для обретения официального статуса самостоятельной научной / академической дисциплины отечественному переводоведению крайне необходимо приобрести своё собственное современное «философское лицо». До сих пор наука о переводе в России официально находится в лоне лингвистики (Мишкурлов, 2024).

Парадоксально звучит, но в контексте темы нашего исследования напомним, что философия, ставшая ещё с древних времен праматерью многих наук, ныне сама по себе наукой не считается: «Философия — особая форма общественного сознания и познания мира, вырабатывающая систему знаний о фундаментальных принципах и основах человеческого бытия, о наиболее общих сущностных характеристиках человеческого отношения к природе, обществу и духовной жизни во всех их основных проявлениях» (Философия, 2006: 909).

В рамках общей трактовки объекта, предмета, целей и задач философии существует множество «отраслевых философий», в том числе: «Философия науки», «Философия культуры», «Философия политики», «Философия религии», а также «Философская антропология», «Философская логика» и др.

В числе «и др.» научный интерес для нас представляют такие отрасли «Философии», как-то: «Философия языка», «Философия перевода» и иные коррелятивно связанные с последними разнообразными аспекты философски ориентированных социально-гуманитарных наук, в числе которых находим герменевтику, дискуртологию, синергетику и пр.

Любопытно схожими и сопоставимыми, тесно связанными являются судьбы философов и переводчиков. Их — учёных-носителей, порождавших знания о судьбах человечества и гонцов-передатчиков их учений другим народам на различных ином языках то возносили до небес, пуская слезу, то безжалостно сжигали на кострах. Моральные (дисциплинарные) гонения на них нередки и в наше время!

О значимости философии для людей древнегреческий мудрец Эпикур (341–270 до н.э.) мудро изрёк: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устаёт заниматься философией! Кто говорит, что ещё не наступило или не пришло время для занятий философией, тот похож на тех, кто говорит, что для счастья ещё не наступило или не пришло время!».

Об исторических параметрах отечественного переводоведения

2. Немного истории о теоретических параметрах научной деятельности советских учёных-лингвистов и переводоведов. Их научные трактаты в обязательном порядке включали в себя три составляющие части — философский «марксистско-ленинский зачин», общенаучную составляющую рассматриваемой в работе проблемы и затем её частные конкретные аспекты исследования.

К примеру, в статье-отчёте видного советского филолога В.И. Кодухова «Развитие лингвистической теории в Академии наук СССР» находим неперенную соответствующую философско-идеологическую отсылку: «Теория советского языкознания базируется на прочных марксистско-ленинских философских основах и на практике языкового строительства в нашей стране <...> оно едино по своим философским основаниям, по вниманию к социальному аспекту и разнообразию конкретного материала, по интересу к содержательной и функциональной стороне языка при учёте его формальных и системных особенностей, по постоянным поискам доказательных и эффективных приёмов и методик исследования» (Кодухов, 1974: 27, 37).

Ныне научные исследования зиждутся на пунктах 2 и 3, т.е. на общенаучной и частнонаучной составляющих искомой проблемы. Философский марксистско-ленинский аспект в научных исследованиях лингвистов и переводоведов в настоящее время практически исключён.

Цель нашего исследования заключается в доказательстве необходимости восстановления обязательной философской константы в переводоведческих трудах, но на основе постулатов новейших философских отечественных и зарубежных учений о языке и переводе в ином научно-теоретическом и практическом ракурсах.

Напомним, что отечественное переводоведение с момента выхода книги А.В. Фёдорова «Введение в теорию перевода...» и поныне рассматривается многими учёными или по крайней мере официально как прикладная часть к лингвистике.

В значительной степени этому феномену способствовал авторитет выдающегося учёного Р. Якобсона, который в своей работе “On Linguistic Aspects of Translation” категорически настаивал на том, что “Any comparison of two languages implies an examination of their mutual translability; *widespread practice of interlingual communication, particular translating activities, must be kept under constant **scrutiny** by linguistic science*” (Jakobson, 1966: 234).

Существуют минимум три варианта перевода данного высказывания в монографии В.Н. Комиссарова «О лингвистических аспектах перевода» и в сборнике трудов зарубежных учёных под его редакцией, ср.: «...широко распространённая практика межкультурной коммуникации, **в частности** переводческая деятельность, должна постоянно находиться под **приспальным** (в других редакциях: **неусыпным, постоянным**) наблюдением лингвистической

науки» (Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике, 1978: 18–19; Комиссаров, 1990: 21; Комиссаров, 1999: 34).

Тем не менее, даже в это время узкоспециальные философские вопросы находили в трудах учёных своё место с целью решения соответствующих прагматико-теоретических вопросов. Освещались такие вопросы, как «свобода и необходимость», «абсолютное и относительное», «сознательное и бессознательное», «образное и безобразное», диалектика абстрактного и конкретного. Далее стали подниматься вопросы аксиологии, а также проблемы интерпретации, герменевтики и других теоретико-практических направлений. Однако широких научно-теоретических философских обобщений и специальных трудов в отечественном лингво-переводоведении ещё не было.

Решение вопросов философии лингвистики и философии перевода, т.е. изучение сходств и различий в данной проблематике, осложняется следующими обстоятельствами: 1) в период, когда перевод рассматривался как прикладная часть к лингвистике, философские проблемы лингвистики и перевода шли как бы в одном русле. Однако с выделением перевода в самостоятельную науку неизбежно возникло размежевание собственно философско-языковых проблем и философско-переводческих проблем. С другой стороны, возникает вопрос: 2) если переводоведение и лингвистика разные дисциплины, то означает ли это, что они находятся под «разными философскими зонтиками»?

Прежде всего следует опровергнуть существующее мнение, что русские философы вообще не занимались проблемами перевода и его корреляцией с соответствующими разделами философии.

Современные переводоведческие концепции отечественных философов

3. В этой связи обратимся к трудам известного советского и российского философа, литературоведа и переводчика С.Л. Фокина, который много сделал, в частности, для популяризации переводоведческих трудов А.В. Фёдорова.

Так, в своей статье «К философии перевода: будущее одной науки» учёный констатирует, что «русская философия (длительное время) не воспринимает перевод как свою институциональную задачу». Наряду с рассмотрением проблемы языка философии он выдвигает основополагающий тезис о крайней необходимости «осмыслить понятие “философия перевода” в различных институциональных аспектах.

Он считает, что «философия жить не может без перевода, хотя далеко не всегда даёт себе труд осознать свой “переводящий характер” и что философ философу, — шутит он, — не столько волк, сколько переводчик». В сущности, подчёркивает учёный, «онтологическая проблема перевода заключается в том, что всякий раз, когда мы думаем, что мы, наконец, думаем, мы просто забываем, что только и делаем, что переводим, забываем, кого переводим и с какого языка».

С.Л. Фокин пеняет русской философии «за то забвение, которому она предала перевод», в отличие, например, от немецкой или французской философских традиций, которые «потрудились над тем, чтобы дублировать свой мыслительный опыт сколько-нибудь развитой философией перевода»¹.

В сущности, резюмирует учёный, «философия, которая не ставит перед собой задачу Перевода, обрекает себя на жизнь без Языка». Свою задачу он видит в том, «чтобы на основе метафизического родства наметить очертания **новой науки, в которой философия и перевод соединились бы в живых прениях о философии перевода**». При этом подчёркивается, что «с самого начала следует принять такую мысль, что философия перевода не есть только деятельное признание философией своего родства с переводом; нет, философия перевода заключает в себе историческое становление идеи перевода в тесной связи с идеей философии, как она развивается в той или иной национальной культуре».

По большому счёту вопрос о переводе в рефлексии учёного возникает в национальной культуре исключительно в кризисные, или пороговые, моменты исторического становления, когда нация сталкивается с необходимостью помыслить самоё себя, что прямо соответствует вопросу: что такое нация. И оба этих вопроса немислимы без вопроса, что такое язык». Вопрос о статусе перевода и его роли в жизни общества приобретает в учении Фокина уровень «взаимодействия или даже дуэль национального и инационального». Учёный указывает, что «источником и движущей силой перевода должно быть не **филологическое начётничество**, а политический или национальный разум — политика философии вообще».

---

¹ Парадокс «переводческой ситуации в России заключается в том, что именно великие русские писатели и поэты, как правило, обязательно занимались в той или иной степени переводами». Перевод развивался через литературу (Тредиаковский, Жуковский, Пушкин, и др. — См.: *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе от древности до наших дней. 2-е изд. М.: Флинта, 2008). А философия отставала, занимаясь богоискательством.

Таким образом, автор усматривает свою важнейшую задачу в том, чтобы **«наметить очертания новой науки, в которой философия и перевод соединились бы в живых прениях о философии перевода»** (Фокин, 2010(а)).

И на этом пути есть уже определённые успехи, пишет С.Л. Фокин в другой статье, приветствуя появление работы Н.С. Автономовой «Познание и перевод» (2008), публикация которой «знаменует начало вхождения современной русской философии в век перевода, в пространство европейской философии перевода» (Фокин (б), 2010: 112).

4. Н.С. Автономова как философ-переводовед, специалист в области западноевропейской философии вполне аргументированно констатирует, что «перевод — почтенное и почётное занятие. Это вечная профессия в мире, где есть торговля и дипломатия, наука и литература, философия и устройство повседневной жизни, словом, — потребность в общении людей разных языков и разных культур. Проблема перевода, некогда воспринимаемая как вопрос филологической техники, приобретает ныне философский статус».

Перевод, считает она, можно рассматривать как один из последних этапов на пути так называемого *лингвистического поворота* — после понимания, диалога, коммуникации. Перевод постепенно превращается в исследовательскую парадигму гуманитарного познания. Однако в хаотических ситуациях современной глобальной коммуникации на первый план часто выходит **идея непереводимости**... не отрицание самой возможности перевода, но скорее констатация трудностей переводческого процесса, который не может опираться на заранее существующие общности мысли и культуры, но сам создаёт их в своём развёртывании <...> У нас различные условия жизни, наши языки не взаимозаменяемы, они не накладываются один на другой. Их звуковая материя (означающая сторона) различна, они по-разному членят реальность. Причём чтобы показать это, нам не требуется даже обращаться к экзотическим языкам. Например, государственное сосуществование английского и французского в двуязычной Канаде подчас порождает большие проблемы: так, в области права сосуществование англоязычного (прецедентного) права и французского права (наполеоновского кодекса), имеющих свою, закреплённую в этих языках терминологию, серьёзно затрудняет правовое терминологическое взаимодействие. Перевод — это, прежде всего, разные опыты — исследовательские, переводческие, это испытания, которые претерпевают и оригинал, и язык переводчика, и сам переводчик, ответственный перед дву-

мя своими господами — оригиналом и родным языком, которые могут предъявлять к нему разные требования. <...> Как выйти из этой апории? Сложность в том, что любить всё в равной мере невозможно, а если блюсти немножко оригинал и немножко родной язык, это ни к чему хорошему не приводит». Автономова приводит следующий пример: «Если известный арабист или, скажем, философ из Китая, заинтересованный в общении с Россией, каждый со своей стороны, подчёркивают неперево́димость текстов (арабских или китайских, т.е. текстов своей культуры или изучаемой культуры), это, как правило, значит: учите арабский, учите китайский, пользуясь одними переводами, вы не получите доступа к самому, быть может, существенному. Тут, наверное, стоит развести два пути обсуждения проблемы неперево́димости, соответствующие цеховым разделениям: переводчики, которые ежедневно, если не ежечасно, сталкиваются с неперево́димым, переводят, несмотря ни на что, а теоретики могут строить по этому поводу любые конструкции, с которыми потом непонятно, что делать. Если же идти от опыта переводчика, то нам всегда есть, что обсуждать, есть, куда продвигаться. А потому поставленный вопрос стоило бы, наверное, переформулировать так: дело не в неперево́димости, но именно в переводе как проблеме» (Автономова, 2012: 7–10; подробнее см.: Мишкурин, Новикова, 2024).

Констатируя наличие различных подходов к переводу, автор считает, что «самые привычные и распространённые — *лингвистические* и *культурологические*, но есть и другие. *Социологические подходы* выясняют: кому выгодно, чьи интересы проводятся в выборе тех или иных произведений или стратегиях перевода. *Культурно-антропологические* рассматривают владение языком (а значит, и некоторые рудиментарные формы перевода) — эту одну из определяющих черт человека как вида — наряду с использованием орудий и погребением мёртвых; впрочем, *современная философская антропология* нередко трактует язык (и перевод) в негативном модусе — как нечто внешнее, несущественное, мёртвое, скрывающее внутреннюю динамику человеческого сознания и жизни. Выбираемый мной подход к переводу — *эпистемологический*, мне наиболее интересны перевод как познание и познание как перевод. Тем самым я ставлю во главу угла не художественный перевод..., но перевод в философии и социально-гуманитарном познании. <...> в переводе как практике неизбежно присутствуют интуиция, искусство, личностная вовлечённость, однако я подчёркиваю здесь познавательные, дискурсивные, интересубъективно значимые аспек-

ты перевода и вижу в нём прежде всего помощника работающей мысли — рефлексивный ресурс, позволяющий по аналогии понять и другие механизмы научно-гуманитарного познания».

В итоге, Н.С. Автономова в плане *историко-философском* рассматривает перевод как последнюю во времени *форму проблематизации языка*: «После того, как главная тема философии — сознание, мыслящее само себя, — сменилось темой языка, последовали стадии того, что называют *лингвистическим поворотом*; на первый план последовательно выходили понимание, диалог, коммуникация, а вот теперь — перевод» (Автономова, 2012: 7–8).

5. Известный философ-арабист, переводчик средневековых арабоязычных философских трактатов А.В. Смирнов пишет: «Если Н.С. Автономова, исследуя проблемы языка философии и перевода философских текстов, отмечает, какие трудности встречаются на этом пути, то я пытаюсь решить немного другую проблему: благодаря чему перевод вообще возможен и какова роль «чистого смысла» в его реализации».

Он в статье «Философия перевода и перевод философии» в полемически заострённой форме представляет оригинальную точку зрения на сущность переводческой деятельности как логико-философского феномена на уровне выявления «чистого смысла»² как основы построения итогового переводного дискурсивного высказывания.

Автор пишет: «Есть внешний объективный и общий для нас всех мир, есть ситуации в этом мире, к которым *равно отсылает* и тот и другой язык. Этот общий мир, точнее, каждая конкретная ситуация в нём и служит посредником между языками, их общим знаменателем и мерилем, позволяющим приравнять высказывание на одном языке к высказыванию на другом. Вот почему мы можем понять и выучить незнакомый язык, а потом и переводить с одного языка на другой».

Учёный полагает, что «данное действо (перевод) возможно заключается в том, что они (фразы на ИЯ и ЯП) имеют один и тот же смысл». При этом необходимо объяснить, благодаря чему возможен перевод языкового выражения в некую ситуацию внешнего мира, — такую, какой она дана нам в нашем сознании». Сама «воз-

---

² Ср.: «В философии возможна и самостоятельная — *чистая теория перевода* при понимании языка как хаоса и относительно не зависящая от философских подходов и даже, наоборот, проясняющая их. Эта теория предполагает более глубокий для философии анализ перевода, так как выясняет сами условия его возможности» (Тейтельбаум, 2007).

мжность перевода обусловлена тем, что два выражения на разных языках (имеют) *равную отсылку к внешнему миру*», а поэтому «можно перевести исходное языковое выражение в результирующее через отсылку к ситуации внешнего мира».

Автор считает, что «если мысль действительно выполняет роль посредника в переводе, она должна иметь *внеязыковую природу и не может носить языковой характер* ... в переводе используются не естественные языковые формы конкретного языка, соответствия к которым мы ищем в языке перевода, а то, что в переводе мы опираемся на некий *универсальный язык мысли*, не имеющий прямого отношения ни к ИЯ, ни к ЯП».

В итоге автор подводит к выводу о наличии мысли, «не имеющей языковой формы», т.е. это некая «чистая мысль» — «чистый смысл», не имеющий языковой природы, «который лежит в основе всякого выражения». Перевод, если это подлинный перевод, а не подстановка слов по выученным алгоритмам, — проходит стадию чистого смысла». Исходный чистый смысл не дискурсивен по своей природе, и лишь потом обретает итоговую дискурсивную (переводную) форму.

Данный тезис автора, если его перевести на профессиональный переводоведческий дискурс, заключается в том, что переводчику на первом этапе не следует извлекать смыслы из языкового арсенала оригинала (ср. с методологией ЛТП), а сразу стремиться овладеть неким чистым смыслом, исходящим от оригинала и исходно понятным носителям других языков, на один из которых его следует облечь в дискурсивной форме на требуемом ЯП.

По ходу авторской рефлексии заметим, что его подход *de facto* коррелирует с теорией Р. Барта о «смерти автора» текста оригинала и переводческой манипуляцией, направленной на фактическое «забвение» исходных смыслов ИТ. Спору нет, если теория «чистого смысла» относится только к переводам как современных, так и древних философских текстов, то конечно без поисков «чистого смысла» трудно обойтись. Когда же А.В. Смирнов возвращается к общим проблемам перевода, то он констатирует, что перевод «проходит через ту стадию, когда в голове переводящего образуется что-то, что мы не можем выразить дискурсивно. Это — то, к чему мы приходим, когда слышим исходную фразу на языке оригинала и пытаемся её осмыслить: совершив усилие осмысления, придать этим словам смысл <...> Перевод со всей силой показывает нам неизбежность этой стадии чистого смысла, когда развёрнутость сворачивается в некоторую целостность — в некую свёрнутость,

которая таится у нас в душе и которая потом разворачивается как высказывание на результирующем языке. Так делается хороший перевод: почему такой перевод хороший? Потому, что в таком случае фраза на результирующем языке строится так, как если бы она была оригинальной, т.е. как если бы переводчик и был оратором (sic?! — Э.М.), высказывающимся на этом языке, как если бы он это сказал, а не переводил». Здесь у профессионального переводчика в реальной деятельности так и напрашивается ассоциация с философией Ф. Шлеермахера («Мы переводим либо ближе к автору, либо ближе к читателю»?) или Л. Венути («Мы переводим путём форенизации или доместикации»?). С другой стороны, возникает вопрос: совпадает ли «чистый смысл» у разных переводчиков одного и того же произведения в одно и то же или разное время перевода? Другими словами, если одно и то же произведение переводится по-разному в разное время и разными переводчиками, можно ли предположить, что «чистый смысл» у них был одинаков?

Сопоставим два вывода, сделанных А.В. Смирновым: (1) «Хороший перевод осуществляется тогда, когда переводчик не осознаёт, как же он происходит (sic!) и (2) «Понять, как происходит перевод — значит овладеть тайной чистого смысла».

Автор разъясняет свой тезис — «Благодаря чему возможен перевод?»: перевод возможен благодаря тому, что связность исходного высказывания, пройдя стадию чистого смысла, превращается в связность результирующего высказывания. Это операция перехода через чистый смысл, операция развязывания и завязывания связности совершается переводчиком. <...>. Здесь автор как бы оговаривается, что «подтверждение истинности его исследования может быть доказана конкретной практикой перевода арабских философских текстов» (Смирнов, 2012: 40–58).

6. В качестве альтернативы вышеизложенному приведём точку зрения на проблему перевода другого философа — М.Э. Рябовой, которая в своих работах представляет несколько иное видение искомой проблемы.

Так, в своих статьях «Философские основы перевода» и «Философские основания перевода: «между Сциллой и Харибдой» она поднимает ряд полемических вопросов, в том числе: «Может ли перевод стать в наши дни философской проблемой?», «Может ли модель отношений философии и перевода рассматриваться, с одной стороны, как воплощение индивидуальной неповторимости, с другой — всеобщности?», «Возможна ли в философии самостоятельная, чистая теория перевода?».

По её мнению, «большинство философских исследований, посвящённых переводу, анализируют перевод с точки зрения философской герменевтики (теории понимания и интерпретации), теории познания (часто — теории отражения), философии коммуникации и т.п., которые исследуют материал психологии, психолингвистики, семиологии, культурологии т.д.».

При этом М.Э. Рябова толкует сущность перевода не только как техническое, утилитарное средство решение повседневных задач, но и как «глубочайшее творчество, важнейшую форму интерпретации культур, их специфики, нормы, логики, пронизывающей всю интерпретацию как таковую». Важность перевода она видит в том, что «он создаёт базис для объединения людей на новой культурной основе... Перевод — всегда на грани культур и, следовательно, создаёт некоторую возможность взаимопроникновения культур в возрастающем количестве его сторон и аспектов... Повышается культурный потенциал человека, что в конечном итоге даёт новый стимул развития личности и общества в целом».

Рассматривая проблему соотношения языка и перевода, М.Э. Рябова соотносит специфику системы языка со спецификой национального мировосприятия, при этом подчёркивается, что адекватность понимания, как и точность перевода, есть вопрос репрезентации общего в частном. Этот неоднозначный процесс пронизан диалектической идеей: во-первых, происходит индивидуальное изменение и, во-вторых, через индивидуальное развивается коллективное, массовое. Тем самым вхождение человека в социокультурные контексты жизни даёт в конечном счёте новый стимул исторической динамике личности и общества в целом и формирует его взгляд на мир сквозь призму философии и перевода.

По поводу третьего вопроса философ отвечает вполне положительно: «Думается, что в философии возможна и самостоятельная, **чистая теория перевода**, относительно не зависящая от вышеуказанных философских подходов и даже, наоборот, проясняющая их. Эта теория предполагает более глубокий для философии анализ перевода, так как выясняет сами условия его возможности» (Рябова, 2017: 61–62).

От себя напомним, что данная идея адекватно была отражена ещё в высказывании Ж.-Р. Ладмираля: “Au lieu d’être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion” (Ladmiral, 1981: 4), т.е. будучи «**дисциплиной знания**», современное переводоведение приобретает статус «**дисциплины рефлексии**» (Мишкурлов, 2018: 874).

О типологии дискурсов в отечественной транслатологии

7. Поясним на конкретном примере, как лингвофилософские исследования позволяют реально использовать их результаты в переводческом теоретико-прикладном плане.

Так, например, теория «языковых игр» позднего Л. Витгенштейна, концептуально базирующаяся на понятийном двуединстве феномена «языковая игра», которая тесно связана с искомыми формами речевой деятельности и соответствующими «формами жизни», т.е. их социокультурный статус реализуется во взаимопереплетении лингвистической и нелингвистической активности людей» (см.: Философия: энц. словарь, 2006: 938). «Языковые игры» в трактовке философа — «это живые мыслительные речевые акты, вплетённые в сложную ткань многообразных форм человеческой деятельности» Номо Ludens («человека играющего») в различных его ипостасях — смеющегося, бранящегося, молящегося и т.д., а также **«переводящего с одного языка на другой»**.

Исходя из известных определений Н.Д. Арутюновой: «Дискурс <...> текст, взятый в событийном аспекте» и «Дискурс — это речь, “погружённая в жизнь”» (Арутюнова, 1990: 136–137), мы интерпретируем философскую идею «языковых игр» Л. Витгенштейна как **«дискурсивные игры»** (Wittgenstein, 2009; Витгенштейн, 2011: 30–31).

Теория «языковых / дискурсивных игр» нашла своё отражение в разработанной нами «Дискурсивно-игровой когнитивно-герменевтической парадигме перевода», содержащей в себе дискурсивно-переводоведческое, переводческое и переводное триединство (см.: Мишкуров, Новикова, 2020: 2024).

Предлагаем триединую дискурсивно-философскую матрицу, включающую в себя **«переводоведческий дискурс»**, **«переводческий дискурс»** и **«переводной дискурс»**.

«Переводоведческий дискурс» с философской точки зрения трактуется как гибридный теоретико-риторический конструкт, базирующийся на классификации дискурсов известного философа К.А. Павлова-Пинуса, оперирующего оппозицией «теоретический дискурс»: «риторический дискурс». Разъясняя эту антиномию, учёный констатирует, что «целью теоретического дискурса является он сам и та понятность, которую он формирует; целью же риторического дискурса является что-то иное и внешнее по отношению к нему» (см.: Павлов-Пинус, 2017: 110).

Применительно к переводоведению данное разделение означает разграничение соответствующих дискурсов на два класса — *тео-*

речевые / научные и риторические. Теоретическая часть является собой научно-трансдисциплинарную, концептуально-когнитивную область познания сущности перевода как двуязычного посредничества в соответствующей сфере межкультурной коммуникации. В неё включается всё разнообразие стратегий и тактик перевода, которые обеспечивают прагматическую реализацию институциональных и других видов дискурсов на базе дискурсивно-игровой методологии в виде соответствующих речевых актов, тесно связанных с соответствующими формами жизнедеятельности.

Риторические дискурсы реализуются в социуме в виде соответствующих *институциональных дискурсов* — политического, дипломатического, военного, делового, художественного, юридического и др., а также *личностно-ориентированных* — бытовых, бытовых и т.п.

Переводоведческий дискурс является теоретико-методологическим базисом для профессиональной деятельности переводчика в рамках так называемого «*переводческого дискурса*».

Некоторые зарубежные и отечественные учёные, пишет К.И. Леонтьева, выражают мнение о том, что так называемая “Translation Studies” (наука о переводе, переводоведение) ныне трансформируется в “Translator Studies” (науку о переводчике) (см., наприм.: Леонтьева, 2022: 5). Идея не нова — это не более чем частный взгляд отдельных квазипереводоведов, разуверившихся по тем или иным причинам в адекватности науки о переводе. Такой подход является не более чем субъективно-ориентированным архиантропоцентрическим подходом к профессиональной переводческой деятельности. Давно не секрет, что лучшими переводчиками оказывались именно ведущие переводоведы — «несть числа примерам»!

Терминопонятие «*переводческий дискурс*» впервые в русле когнитивно-коммуникативного подхода к процессу перевода был введён в отечественный научный оборот в 2004 г. Г.Д. Воскобойником. Его сущность трактуется учёным как разновидность *аргументативного дискурса*, в рамках которого переводчик как «комментатор / критик» использует адекватные способы и приёмы двуязычной коммуникации с целью убеждения «антагониста-читателя» в корректности / некорректности своего или чужого перевода» (Воскобойник, 2004: 71, 136 и др.).

В свою очередь Э.Ю. Новикова и А.П. Наумова, характеризуя роль *переводчика* в создании *переводческого дискурса*, констатируют: «Переводчик выступает *агентом дискурса*, он наделён дис-

курсивным мышлением, как любая языковая и коммуникативная личность, и координирует коммуникативный сценарий конкретного дискурса», неся персональную ответственность за конечный результат работы (Новикова, Наумова, 2021: 6).

Схожую идею развивает К.И. Леонтьева в своей докторской диссертации, помещая личность переводчика в центр антропоцентрической концепции перевода, в которой он является активным «субъектом дискурсивной деятельности» и в сознании которого отражаются соответственно «биологическое, психическое, социокультурное и семиотическое измерения дискурса». При этом понятие дискурса рассматривается как «опосредованная языком и текстом форма (область и процесс) когнитивного взаимодействия переводчика с миром произведения и социокультурной реальностью», осуществляемого при помощи когнитивных механизмов — «способов обработки информации сознанием в процессе (с целью) смыслообразования, схематизации опыта, образования знания и оперирования им в деятельности» по переводу, в частности, на материале англоязычных художественных произведений XIX–XX веков (Леонтьева, 2022: 4).

Подводя итог научной дискуссии, выскажем наше собственное мнение по данной проблеме. Полагаем, что терминопонятие **«переводческий дискурс»**, следует интерпретировать как *фатическую (контактоустанавливающую), этнопсихокультурную речевую персональную деятельность*³ *билингва-посредника по обеспечению взаимопонимания разноязычных коммуникантов посредством разнообразных способов и форм общения — устных или письменных, личностных или технически опосредованных, результатом которой является «переводной дискурс».*

«Переводной дискурс» — это ситуативно порождённый переводческий контент, материально зафиксированный на бумажных или традиционных звуко-технических носителях, или репрезентируемый в виде текстового интернет-контента и т.п. Как правило, переводной дискурс представляет собой заказное, целевое, вторично-знаковое в когнитивно-коммуникативном измерении речевое произведение — конструкт, порождённый переводчиком на ином языке в устной или письменной форме с большей или меньшей степенью контекстно-смысловой аппроксимации по отношению к оригиналу.

---

³ При определённых условиях (например, при необходимости срочного перевода значительных массивов исходных текстов) может осуществляться коллективный перевод (см.: так называемый ‘crowdtranslation’ / ‘crowdsourcing’ in translation).

Резюмируя вышеизложенные теоретико-прагматические максимы о типологии дискурсов в современной транслатологии, отмечаем, что переводчики в рамках переводческого дискурса, используя стратегии и тактики, способы и приёмы, наработанные в рамках переводоведческого дискурса, применяют их в структуре переводного дискурса. В результате порождается квалифицированный перевод, оптимально построенный на переводческих языковых соответствиях, а при отсутствии оных — на использовании дискурсивно-игровых манипулятивных способах и приёмах построения целевого текста при помощи вольного/свободного переложения оригинала, желательно в приемлемой для реципиента форме (подробнее см.: Мишкур, Новикова, 2024).

О переводческом когнитивно-герменевтическом методологическом стандарте

8. Теоретико-методологический функционал означенного дискурсивного триединства практически реализуется в рамках *переводческого когнитивно-герменевтического методологического стандарта*, на уровнях когнийций *предпонимания, понимания, интерпретации и принятия переводческого решения*.

Когниция **предпонимания**, как аксиологически важное философско-методологическое понятие, «ассоциируется нами с тем, что предшествует ясности понимания чего бы то ни было: текста, слова, отдельной формы, реплики, жеста, знака, наконец, подтекста, кроющегося в этих знаках, жестах или фразах». Кроме того, «философская герменевтика использует понятие “предпонимание” также и в более широком контексте, для обоснования методологии понимания» (Шульга, 2004: 1, 3, 9).

Когниция предпонимания представляет собой расширенный трансдисциплинарный анализ ИТ с целью перехода к более развёрнутой части переводческого процесса — к стадии *понимания* ИТ. С помощью предпонимания устанавливаются оптимальные «горизонты понимания», т.е. степень осмысления глубин и границ проникновения в ИТ.

Когниция **понимания** являет собой базис любого языкового и межкультурного посредничества. Понимание — это преодоление «чуждости» ИТ, уяснение и усвоение его смысла, расшифровка недосказанных и невыраженных скрытых интенций автора, вживание в суть его «языковых игр», осмысление культурных, лингвоэтических структур контекста, подтекста и затекста, представление пропозиционной аксиологической характеристики авторского

дискурса по критерию достоверности, истинности / неистинности смыслов, его нормированности и измерения по шкале «форенизации / доместикации».

Фаза **интерпретации** является предпоследней архиважной когницией в преодолении переводчиком «когнитивного диссонанса» — иноязычной «заградительной когнитивно-культурной самости» исходного текста, осмыслении на языке перевода его затекста, контекста, подтекста и глубинной концептосферы образно-символической картины мировидения автора. Задача интерпретации также заключается в выборе переводчиком рабочей стратегии и тактики по «форенизации» или «доместикации» перевода, в переборе вариантов перевода закономерных переводческих соответствий и преодоления «когнитивной непереводаемости» с помощью соответствующих двуязычных тематических скриптов (фреймов), а также выборе единственного оптимального варианта как базы для принятия итогового «переводческого решения» на эквивалентно-адекватное уподобление транслята оригиналу.

В отличие от философско-герменевтической трактовки понятия «интерпретация смыслов» одноязычных штудий в качестве завершающего этапа их феноменологической редукции, в переводческой деятельности интерпретация предшествует заключительной стадии — *«принятию переводческого решения»*.

Когниция **принятия переводческого решения** есть свидетельство выбора оптимального, по мнению переводчика, текста для данного оригинала в заданных хронотопных условиях варианта, полученного путём выбора наиболее редуцированного подхода к стратегии и тактике решения проблемы «нереводаемости», преодоления чуждости ИТ на соответствующих когнитивно-коммуникативных и прагмалингвистических уровнях взаимовосприятия ИТ и ТП. Переводческое решение — это порождение окончательного результирующего «дискурсивно-игрового / адекватного, прагматического или вольного» переводного текста, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии. Переводческое решение символизирует творческую победу по преодолению чуждости ИТ и презентации ТП как «иноязычного шедевра» на иноязыке читательской аудитории (см.: Мишкурое, Новикова, 2020, 2024).

Об опыте философско-переводческой критики

9. А в ситуации с «философским переводом как особым производением, пишет В.В. Миронов, вполне допустима ситуация, когда авторский текст после интерпретационно-адаптационной работы

над ним переводчика может значительно отличаться от своего изначального варианта с позиций передачи смысла и значения при сохранении внешней схожести с ним. <...>. Многие философские тексты — подчёркивает учёный — представляют огромную проблему для переводчиков. Перевод философских текстов всегда представляет его *интерпретацию и адаптацию* к воспринимающей культуре». Таким образом, констатирует учёный, «в основе философской рефлексии как наиболее общего метода рассуждения лежит герменевтическая интерпретация, осуществляющая нахождение и конструирование общекультурных и личностных смыслов бытия и человеческого существования» (Миронов, 2008: 13–28).

Иное дело мы наблюдаем при ничем не оправданном уничтожительном отношении переводчика к рабочему ЯП. В качестве примера приведём неудачный перевод А. Давыдова с французского языка «Книги Гостеприимства» Эдмона Жабеса на русский язык, прокомментированный С.Л. Фокиным. Читаем: «Переводчик почему-то сомневается, что русский язык готов к встрече с Жабесом <...>. Создаётся такое впечатление, пишет С.Л. Фокин, что «вслед за М. Хайдеггером, А. Давыдов всерьёз полагает, что язык есть дом бытия, если вообще не дача оното, то есть нечто данное, уже готовое или ещё не готовое, недостроенное и недоделанное». Его переводной словарь явно упрощён, как если бы «он ставил перед собой поистине толстовскую задачу: опростить русский язык, сделать родную речь такой простой, что проще не бывает». Для переводчика кажется неприемлемым использование слов типа «номад» вместо «кочевник».

Фокин недоумевает, почему «многие хоть сколько-нибудь замысловатые фразы Жабеса выливаются в какие-то инфантильные переложения, где теряется рисунок, ритм, само дыхание французского текста. Оригинал: «Tu parviendras, une seule fois, à l'exprimer, au cours de ton existence et ce sera lors de ton ultime tête-à-tête avec la mort». Филологический перевод: «В ходе твоего существования единожды дойдёшь ты до того, чтоб это выразить, и будет это во время твоего лобового столкновения со смертью». В переводе А. Давыдова: «Только один раз тебе удастся это выразить — во время последних посиделок со смертью», что сбивает приподнятый слог повествования на напев русской частушки и т.д.

Тем не менее, деликатно подчёркивает Фокин, «крайне важно, что одна из лучших книг Э. Жабеса дошла до русского читателя. Наряду со многими промахами и упущениями в переводе А. Давыдова встречаются замечательные находки, свидетельствующие

о том, что **современный русский язык вполне способен** оказать достойный приём этой поэзии странничества и изгнанничества при том, правда, условии, что переводчик рискнёт попытаться счастья вне того языка, что воспринимается как дом родной, рискнёт выйти на порог и за порог родной речи, словом, не побоится стать номадом, чтобы провести современный русский язык к новым живительным источникам» (Фокин, 2012).

Философия дидактики перевода

10. Отрадно, что только в одном 2020 г. в разных университетах страны — в Новосибирском государственном техническом университете и в Пермском государственном национальном исследовательском университете были опубликованы два учебных пособия, соответственно «Теория перевода (онтологические основания)» О.Г. Шевченко и «Современные теории перевода: тенденции развития отечественной транслятологии» Н.В. Шутёмовой, в первом из которых автор в заострённой форме ставит вопрос: «Почему мы начинаем разговор о переводе с философии?». Ответ таков: «Потому, что переводческая практика, существующая уже более 20 веков, доросла до науки о переводе не более полувека назад. Тот факт, что возникновение науки о переводе на 20 веков отстаёт от практики, при всей парадоксальности объясняется вполне объективными причинами. Теория перевода не могла появиться до тех пор, пока не были созданы предпосылки в области ряда наук, которые можно считать фундаментальными в сфере переводоведения».

Проследивая историю философской переводческой мысли, автор абрисом характеризует динамику развития философского направления в переводе от господства лингвистической теории перевода до современных трудов Н.С. Автономовой, Г.Д. Воскобойника, В.В. Биbihина, В.И. Фролова и др. В центре внимания автора пособия стоят такие проблемы, как апория «переводимости — непереводимости», смысловая основа перевода, философско-герменевтические проблемы перевода, концепция преломления философии и перевода и другие не менее философски релевантные вопросы, которые в учебной литературе традиционного направления должного научно-дидактического освещения не получали (Шевченко, 2020: 5–6).

Как обычно задаётся сакраментальный вопрос: «Нужно ли переводчику знать теорию перевода», ведь (якобы) «долгое время переводчики без неё обходились и как-то не особенно страдали. Они и до сих пор предаются иллюзии, что знания конкретных при-

ёмов на каждый случай и личного опыта достаточно, чтобы быть профессионалом <...>. Это действительно иллюзия. Современная теория перевода показывает, что у сложных случаев и сложное объяснение, но оно есть. Знание теории поможет переводчику убедиться, что его решение объективно. Многие известные переводчики (они же чаще всего являются и выдающимися переводоведами! — Э.М.) занимаются сейчас теоретическими обобщениями!»

Автор считает, что «роль философии должна заключаться в разработке терминологии и понятийной базы для помощи в выборе конкретного варианта перевода. А одной из задач теории перевода стала бы интерпретация и адаптация философских идей. Другая взаимосвязь перевода и философии — в предписывающем характере действий переводчика. Если мы хотим предписывать, т.е. открыто принимать сторону того или иного подхода (преподавание чаще всего к этому обязывает), то без философии уже не обойтись» (Там же: 6–10).

Несколько иной подход к проблеме у Н.В. Шутёмовой: после содержательной авторской преамбулы о путях и методах развития современного переводоведения, она на примере ряда работ известных российских учёных представляет квинтэссенцию их теоретико-методологических разысканий, а далее формулирует для обучаемых соответствующие вопросы / задания для самостоятельного изучения репрезентированных научных источников. В общей сложности список цитируемых авторов насчитывает 8 имён, в их числе А.Г. Минченков, разработавший оригинальную когнитивно-эвристическую модель перевода; Г.Д. Воскобойник, исследовавший философскую трактовку понятий общей когнитивной теории перевода; М.Г. Новикова, представившая оригинальную теорию «меры смысла», которая определяет минимальное количество элементов высказывания, необходимое и достаточное для репрезентативного понимания ИТ в дискурсивной динамике перевода; Е.Ю. Куницина, разработавшая лингвистические основания юридической теории художественного перевода; Л.В. Кушнина, создавшая теорию гармонизации с гештальтсинергетических позиций, ключевым понятием которой является «переводческое пространство»; Н.М. Нестерова, раскрывшая в теории перевода понятие «вторичности» в русле философии постмодернизма как проявление интертекстуальности, на котором базируется интертекстуальная модель перевода; Т.А. Казакова, объединившая при переводе содержательно-смысловые категории художественного текста посредством ключевой категории художественной информации и др.

Указанные труды отечественных учёных представляют собой существенную часть современных научных штудий, адекватно отражающих современное состояние российского переводоведения.

Во второй части работы также рассматривается такая доминанта переводческого процесса, как *типология переводимых текстов*, исследуемая в трудах ряда видных отечественных и зарубежных переводоведов — имярек: Алексеева, Галеева, Юзманов, Bassnett, Finnegan, Hunt, Weissbort и др. (Шутёмова, 2020: 61–88 и др.)

Таким образом, вышеназванные авторы учебных пособий представили фактически прообраз так называемого ныне активно развиваемого «академического дискурса (АД)».

11. Как отмечает Л.А. Манерко, «академический дискурс отражает некий реальный мир на основе экспериментального, теоретического или другого вида знаний. Он основан на понятиях, фактах, теориях, которые трактуются учёными-специалистами в соответствующей области интеллектуально-прагматической деятельности». При этом академический дискурс реализуется как в устной, так и в письменной формах выражения и передачи информации с использованием когнитивной и коммуникативной функций миропонимания (Манерко, 2013: 114–116).

Таким образом очевидно, что академический дискурс — это органический философско-интеллектуальный способ коммуникативного взаимодействия членов общества в сфере науки, высшего образования и соответствующей практической деятельности.

Применительно к проблемам перевода АД можно трактовать как триединство дискурсов «переводоведческого», «переводческого» и «переводного», репрезентирующих соответствующие теоретико-методологические области знаний о переводе, его реализацию в когнитивно-переводческой деятельности переводчика, обученного по стандартам отечественного переводоведения, которые позволяют ему порождать переводной дискурс как ситуативно созданный переводческий контент, материально зафиксированный на бумажных или традиционных звуко-технических носителях, или репрезентируемый в виде текстового интернет-контента и т.п.

Подытожим: в трактовках академического дискурса отечественными и зарубежными учёными указывается как его теоретическая, так и его вторая очень важная прикладная сторона, заключающаяся, в частности, в формировании соответствующих метаязыков обучения, которые служат, с одной стороны, для «создания устных и письменных текстов различных научных жанров в академических контекстах у определённого дискурсивного сообщества», и, с дру-

гой стороны, для разработки основ овладения конкретной учебной дисциплиной — в нашем случае — теорией и методологией перевода — с целью формирования у обучаемых академическо-образовательных компетенций, необходимых для успешной научно-образовательной и практической деятельности (Стеблецова, 2020: 12).

Заключение

В заключение нашего исследования констатируем, что дискурсивно-людические, философско-эпистемологические и когнитивно-герменевтические, а также лингвокультурологические, этнопсихолингвистические и прочие научно-методологические подходы гарантируют успешное всестороннее развитие современной отечественной и зарубежной транслатологии, а также соответствующих им дидактико-методических способов и приёмов подготовки переводческих кадров на нынешнем этапе развития человеческого общества.

P.S. Использованием автором в качестве эпиграфа высказывание видного английского учёного философа и переводоведа Джона Р. Фёрса (1890–1960) подчёркивается неразрывная связь отечественной и зарубежной транслатологии. Но это уже тема другого исследования...

Список литературы

- Автономова Н.С.* Перевод и непереводаемость: европейская перспектива // Вестник РУДН. Серия Филология, 2012. № 4. С. 6–16.
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011.
- Воскобойник Г.Д.* Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода. Автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2004. 41 с.
- Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Под редакцией В.Н. Комиссарова. М.: Международные отношения, 1978. 232 с.
- Кодухов В.И.* Развитие лингвистической теории в академии наук СССР // Вопросы языкознания, М. 1974. № 3. С. 27–37.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС. 1999. 192 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Леонтьева К.И.* Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков). Автореф. дисс... д. филол. н. Тверь, 2022. 46 с.

Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 1. С. 100–118.

Миронов В.В. Интерпретация как выражение гуманитарной сущности философии // Вестник Московского университета. Сер. 22 Теория перевода, 2008. № 1. С. 13–28.

Мишуров Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой? // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. Изд-во Моск. ун-та, 2024. № 1. С. 7–31.

Мишуров Э.Н. О когнитивно-герменевтических пролегоменах к современной теории и методологии перевода // Когнитивные исследования языка в современном глобальном мире. Вып. XXXIV. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова; Неолит, 2018. С. 874–877.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость — непереводимость: Былое и думы... М.: ФЛИНТА, 2024. 248 с.

Мишуров Э.Н., Новикова М.Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: ФЛИНТА, 2020. 300 с.

Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе от древности до наших дней. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, 2008. 416 с.

Новикова Э.Ю., Наумова А.П. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2021. Т. 20, № 3. С. 5–17.

Павлов-Пинус К.А. Дискурс научности и научные дисциплины // Нетерина С.С. и др. Апории дискурса. М.: ИФ РАН, 2017. С. 107–117.

Рябова М.Э. Философские основания перевода: «между Сциллой и Харибдой» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. №3 (39), 2017. С. 56–63.

Рябова М.Э. Философские основы перевода. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://study-english.info/article033.php>

Смирнов А.В. Философия перевода и перевод философии // Философский журнал. № 1 (8). М.: ИФ РАН, 2012. С. 40–58.

Стеблецова А.О. Академический дискурс в западных исследованиях на рубеже XX–XXI вв.: эволюция направлений и концепций // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание, 2020. Т. 19. № 5. С. 5–13.

Тейтельбаум Е.С. Философия перевода: попытка построения чистой теории // Теория познания и логика, 2007. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://tempusetmemoria.ru/article/view/359>

Фёдоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 376 с.

Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 2006. 1072.

Фокин С.Л. Гостеприимство и перевод // «Синий диван», 2012. № 16. (Электронный ресурс). Режим доступа: <https://morebook.ru/tema/kritika/item/%D0%B3%>

Фокин С.Л. (а) К философии перевода: будущее одной науки // Вестник Ленинградского гос. университета им. А.С. Пушкина, 2010. (Электрон-

ный ресурс). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofii-perevoda-buduschee-odnoy-nauki>

Фокин С.Л. (б) Перевод как незадача русской философии: к критике концепции мимесиса В.А. Подороги // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология, 2010. № 2 (8). С. 109–125.

Шевченко О.Г. Теория перевода (онтологические основания). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. 223 с.

Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М., 2004. (Электронный ресурс). Режим доступа: https://iphras.ru/elib/Shulga_Predponimanie.html

Шутёмова Н.В. Современные теории перевода: тенденции развития отечественной транслатологии. Учебное пособие. Пермь, 2020. 106 с. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/shutyomova-sovremennye-teorii-perevoda-tendencii-razvitiya-otechestvennoj-translyatologii.pdf>

Jakobson R. (1966) On Linguistic Aspects of Translation. R.A. Broder (ed), On Translation. New York. 234 p.

Ladmiral J.-R. (1994) Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Galimard, 1994.

Wittgenstein L. (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

References

Avtonomova N.S. (2012) Perevod i neperevodimost: evropejskaya perspektiva = Translation and Untranslatability: A European Perspective. *Vestnik RUDN. Seriya Filologiya*. No. 4, pp. 6–16 (In Russian).

Arutyunova N.D. (1990) Diskurs = Discourse. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar*. Moscow, pp. 136–137 (In Russian).

Jakobson R. (1966) On Linguistic Aspects of Translation. R.A. Broder (ed.), On Translation. New York. 234 p.

Ladmiral J.-R. (1994) Traduire: théorèmes pour la traduction. Paris: Galimard, 1994.

Koduhov V.I. (1974) Razvitie lingvisticheskoy teorii v akademii nauk SSSR = Development of linguistic theory in the USSR Academy of Sciences. *Voprosy yazykoznaniya*, Moscow. No. 3, pp. 27–37 (In Russian).

Komissarov V.N. (1999) Sovremennoe perevodovedenie. Kurs lekcij = Modern Translation Studies. Lecture Course. Moscow: ETS. 192 p. (In Russian).

Komissarov V.N. (1990) Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) = Translation theory (linguistic aspects): Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moscow: Vyssh. shk. 253 p. (In Russian).

Leonteva K.I. (2022) Kognitivno-semioticheskaya model perevoda: dominanty, perspektiva, diskurs (na materiale russkih perevodov proizvedenij angloyazychnoj literatury XIX–XX vekov) = Cognitive-semiotic model of translation: dominants, perspective, discourse (based on Russian translations

of works of English-language literature of the 19th–20th centuries). Avtoref. diss. ... d. filol. n. Tver. 46 p. (In Russian).

Manerko L.A. (2013) *Struktury znanij, predstavlennye v hudozhestvennom i akademicheskom diskursah* = Knowledge structures presented in artistic and academic discourses. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 100–118 (In Russian).

Mironov V.V. (2008) Interpretaciya kak vyrazhenie gumanitarnoj sushnosti filosofii = Interpretation as an expression of the humanitarian essence of philosophy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22 Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 13–28 (In Russian).

Mishkurov E.N. (2024) Byt ili ne byt otechestvennomu perevodovedeniyu akademicheskoy naukoj? = To be or not to be Russian translation studies as an academic science? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 7–31 (In Russian).

Mishkurov E.N. (2018) O kognitivno-germenevticheskikh prolegomenah k sovremennoj teorii i metodologii perevoda = On cognitive-hermeneutic prolegomena to modern theory and methodology of translation. Kognitivnye issledovaniya yazyka v sovremennom globalnom mire. Issue XXXIV. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova; Neolit, pp. 874–877 (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2024) Perevodimost — neperevodimost: Byloe i dumy... = Translatability — untranslatability: Past and thoughts... Moscow: FLINTA. 248 p. (In Russian).

Mishkurov E.N., Novikova M.G. (2020) *Teoriya i metodologiya perevoda v kognitivno-germenevticheskom osveshenii* = Theory and methodology of translation in a cognitive-hermeneutic light. Moscow: FLINTA. 300 p. (In Russian).

Nelyubin L.L., Huhuni G.T. (2008) *Nauka o perevode ot drevnosti do nashih dnei* = The Science of Translation from Antiquity to the Present Day. 2-e izd. Moscow: FLINTA. 416 p. (In Russian).

Novikova E.Yu., Naumova A.P. (2021) *Perevodcheskij diskurs 4.0: raznoobrazie formatov, zhanrov i trendov* = Translation Discourse 4.0: Diversity of Formats, Genres and Trends. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 20. No. 3, pp. 5–17 (In Russian).

Pavlov-Pinus K.A. (2017) Diskurs nauchnosti i nauchnye discipliny = Discourse of scientificity and scientific disciplines. Neterina S.S. i dr. Aporii diskursa. Moscow: IF RAN, pp. 107–117 (In Russian).

Ryabova M.E. (2017) *Filosofskie osnovaniya perevoda: «mezhdru Scilloj i Haribdoj»* = Philosophical basis for translation: “between Scylla and Charybdis”. *Gumanitarij: aktualnye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya*. No. 3 (39), pp. 56–63 (In Russian).

Ryabova M.E. *Filosofskie osnovy perevoda* = Philosophical foundations of translation. (Electronic resource). URL: <https://study-english.info/article033.php>

Smirnov A. V. (2012) *Filosofiya perevoda i perevod filosofii* = Philosophy of translation and translation of philosophy *Filosofskij zhurnal*. No. 1 (8). Moscow: IF RAN, pp. 40–58 (In Russian).

Steblecova A.O. (2020) Akademicheskij diskurs v zapadnyh issledovaniyah na rubezhe XX–XXI vv.: evolyuciya napravlenij i koncepcij = Academic discourse in Western studies at the turn of the 20th–21st centuries: the evolution of trends and concepts. *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie*. Vol. 19. No. 5, pp. 5–13 (In Russian).

Tejtelbaum E.S. (2007) *Filosofiya perevoda: popytka postroeniya chistoj teorii* = Philosophy of Translation: An Attempt at Constructing a Pure Theory. *Teoriya poznaniya i logika*. (Electronic resource). URL: <https://tempussetmemoria.ru/article/view/359>

Fyodorov A.V. (1958) *Vvedenie v teoriyu perevoda* = Introduction to Translation Theory. Moscow: Izdatelstvo literatury na inostrannyh yazykah. 376 p. (In Russian).

Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar = Philosophy: Encyclopedic Dictionary Moscow: Gardariki, 2006. 1072 p. (In Russian).

Fokin S.L. (2012) *Gostepriimstvo i perevod* = Hospitality and translation. “Sinij divan”. № 16. (Electronic resource). URL: Rezhim dostupa: <https://morebook.ru/tema/kritika/item/%D0%B3%>

Fokin S.L. (2010) (a) *K filosofii perevoda: budushee odnoj nauki* = Towards the Philosophy of Translation: The Future of One Science. *Vestnik Leningradskogo gos. universiteta imeni A.S. Pushkina*. (Electronic resource). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-filosofii-perevoda-budushee-odnoy-nauki> (In Russian).

Fokin S.L. (2010) (b) *Perevod kak nezadacha russkoj filosofii: k kritike koncepcii mimesisa V.A. Podorogi* = Translation as a Failure of Russian Philosophy: Towards a Critique of V.A. Podoroga’s Concept of Mimesis. *Vestnik Samarskoj gumanitarnej akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. No. 2 (8), pp. 109–125 (In Russian).

Shevchenko O.G. (2020) *Teoriya perevoda (ontologicheskie osnovaniya)* = Translation theory (ontological foundations). Novosibirsk: Izd-vo NGTU. 223 p. (In Russian).

Shulga E.N. (2004) *Problematika predponimaniya v germenevtike, fenomenologii i sociologii*. (Electronic resource). URL: https://iphras.ru/elib/Shulga_Predponimanie.html

Shutyomova N.V. (2020) *Sovremennye teorii perevoda: tendencii razvitiya otechestvennoj translatologii* = Modern theories of translation: trends in the development of domestic translatology. *Uchebnoe posobie*. Perm, 106 p. (Electronic resource). URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/uchebnie-posobiya/shutyomova-sovremennye-teorii-perevoda-tendencii-razvitiya-otechestvennoj-ranslyatologii.pdf>

Jakobson R. (1966) *On Linguistic Aspects of Translation*. R.A. Broder (ed.), *On Translation*. New York. 234 p.

Ladmiral J.-R. (1994) *Traduire: théorèmes pour la traduction*. Paris: Galimard.

Vitgenshtejn L. (2011) *Filosofskie issledovaniya* = Philosophical Research. Moscow: AST: Astrel (In Russian).

Voskobochnik G.D. (2004) *Lingvofilosofskie osnovaniya obshej kognitivnoj teorii perevoda* = Linguistic and philosophical foundations of the general

cognitive theory of translation. Avtoref. diss... d. filol. n. Moscow. 41 p. (In Russian).

Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike = Translation Theory Issues in Foreign Linguistics. (1978) Pod redakciej V.N. Komissarova. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 232 p. (In Russian).

Wittgenstein L. (2009) Philosophical investigations. The German text, with an English translation by G.E. Anscombe, P.M.S. Harker and Joachim Schulte. Blackwell Publishing Ltd.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Мишкурлов Эдуард Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; axmed1232@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Eduard N. Mishkurov — Dr. Sc. (Philology), Professor, Honorary Figure of Russian Higher Education; Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; axmed1232@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-75-107

В ПОЛЬЗУ И СЛАВУ РОССИИ (к истории перевода в истории Московского университета)

Николай Константинович Гарбовский

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Аннотация. В работах, посвящённых различным сторонам 270-летней истории Московского университета, встречаются упоминания о переводческой деятельности его профессоров и преподавателей, студентов и выпускников. Однако только упоминаний недостаточно для того, чтобы понять стратегии и принципы перевода, характер и причины тех или иных переводческих решений, вызовы переводчикам Московского университета социального, идеологического и лингвистического порядка в разные исторические периоды. Научный анализ переводческой практики в начальный период истории Московского университета с момента его основания до начала XIX в. не только показывает, как благодаря переводу шло освоение иностранного опыта и приращение научных знаний, формировалась отечественная словесность, совершенствовался русский язык науки, выстраивалась научно-образовательная система, но и даёт представление о том, как складывалась методология перевода, как в переводческих стратегиях отражались не только лингвистические, но и социальные, эстетические и другие факторы, влияющие на переводческие решения.

В славной плеяде тех, кто обращал свои труды к «достохвальнейшему делу» перевода в стремлении к достижению патриотической цели просвещения России, одной из ключевых фигур является ученик Ло-

моносова, первый русский профессор Московского университета Н.Н. Поповский.

Ключевые слова: история перевода, Московский университет, XVIII в., Н.Н. Поповский, переводческая деятельность в Московском университете

Для цитирования: *Гарбовский Н.К.* В пользу и славу России (к истории перевода в истории Московского университета) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 75–107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-75-107

Статья поступила в редакцию 25.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.09.2024;
принята к публикации 29.09.2024.

FOR THE BENEFIT AND GLORY OF RUSSIA (From the history of translation in the history of Moscow University)

Nikolai K. Garbovskiy

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: nikolay.garbovskiy@mail.ru

Abstract. Articles and materials devoted to various aspects of the 270-year history of Moscow University contain references to the translation activities of its professors and teachers, students and graduates. However, references alone are not enough to understand the strategies and principles of translation, the nature and reasons for certain translation decisions, the challenges of Moscow University translators of a social, ideological and linguistic nature in different historical periods. Scientific analysis of translation practice in the initial period of the history of Moscow University from its foundation to the beginning of the 19th century not only shows how, thanks to translation, foreign experience was mastered and scientific knowledge was expanded, domestic literature was formed, the Russian language of science was improved, and the scientific and educational system was built, but also gives an idea of how the methodology of translation was developed, how translation strategies reflected not only linguistic, but also social, aesthetic and other factors influencing translation decisions. In the glorious galaxy of those who turned their efforts to the “most praiseworthy cause” of translation in an effort to achieve the patriotic goal of enlightening Russia, one of the key figures is Lomonosov’s student, the first Russian professor at Moscow University, N.N. Popovsky.

Keywords: history of translation, Moscow University, the 18th century, N.N. Popovsky, translation activities at Moscow University

For citation: *Garbovskiy N.K.* (2024) For the benefit and glory of Russia (from the history of translation in the history of Moscow University). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 4. P. 75–107. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-75-107

The article was received on September 18, 2024;
approved after reviewing received on September 26, 2024;
accepted for publication on September 29, 2024.

Введение

История Московского университета — это история подвигов и свершений «людей Московского университета» (так называет научное и образовательное сообщество профессоров, преподавателей, студентов и научных работников университета ректор МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Садовничий) на благо развития науки и образования.

На фоне великих научных открытий, сделанных людьми Московского университета на протяжении его 270-летней истории, достижений в области математики и биологии, физики и химии, медицины и космонавтики, удостоенных самых престижных международных и национальных премий, труды по переводу на родной язык научных, образовательных, познавательных и художественных произведений, выглядят, на первый взгляд, весьма скромно.

Роль перевода в деле приращения научных знаний очевидна. Во многом именно благодаря переводу были заложены основы для формулирования научной мысли на русском языке, без которых многие последующие великие открытия были бы невозможны.

Перевод выполнял эту просветительскую и когнитивную функцию на протяжении всей истории Московского университета. Особенно важной задача переливания знаний в русское слово была в первые десятилетия существования московского «храма наук». В переводческую деятельность были вовлечены практически все уровни обучающихся и обучавшихся в университете и его гимназиях: директора и кураторы, профессора и сотрудники, студенты и воспитанники гимназий. Поистине, XVIII в. стал «золотым веком» перевода в истории Московского университета.

1. Знания перелить в русское слово

Переводя учебные и научные труды иностранных авторов на русский язык профессора, преподаватели и студенты способствовали выполнению основной миссии университета, лаконично и точно сформулированной профессором российской словесности И.И. Давыдовым в речи «О содействии Московского университета успехам отечественной словесности», произнесённой на торжественном собрании Императорского Московского университета в честь 80-летия со дня его основания 9 июня 1836 г.: «Общее достояние человечества — знания перелить в слово того или другого народа, и содействовать его образованности: таково назначение Университетов» (Давыдов, 1836: 8)¹.

Если академии наук, по словам Давыдова, «разрабатывают науку или искусство, и взаимно сообщают труды свои нередко на языке мёртвом» (Там же), то университеты «храня и умножая вверенное им умственное богатство, делятся им с другими в живом слове» (Там же).

В 1836 г. Давыдов, разделив восьмидесятилетнюю историю развития словесности в Московском университете на три «возраста», или периода, «коим соответствует постепенное развитие умственной его деятельности» (Давыдов, 1836: 6), определил первый период — от основания Московского университета до конца XVIII столетия — как период Словесности *подражательной*» (Там же: 7). Вторым возрастом занимал первую четверть XIX в., третий «наступил с благополучным Царствованием настоящим» (Там же)².

В первый период, по словам Давыдова, «в отношении к Словесности, заметно стремление к приобретению знаний, к подражанию иностранным образцам (там же). В самом деле, подражание — естественный этап развития изящной словесности, выстраивания дискурсивных норм за счёт ассимиляции моделей и некоторых форм более развитых языков. Но «первый возраст» — это ещё и период бурного освоения «чужого» научного опыта, и в этой области главную роль играл перевод. Решая двуединую задачу просвещения — привнесения новых научных знаний и развития русского языка

---

¹ И.И. Давыдову принадлежит заслуга перевода на русский язык Высшей алгебры Франкера, изданной при университетском благородном пансионе в 1824 г. Здесь и далее фрагменты текстов, написанных на русском языке в XVIII–XIX вв., даются в современной орфографии, но с сохранением лексики и синтаксиса оригинала.

² Там же. Царствование Николая I (1825–1855). (Примечание — Н.Г.)

науки — перевод явился основным средством формирования российской научной мысли на русском языке. Именно тогда Николай Поповский, первый русский профессор Московского университета сформулировал призыв к образованным современникам — переводите! Завершая предисловие к своему переводу философской поэмы Попа «Опыт о человеке», переведённой им ещё до открытия Московского университета, он писал: «Но как иностранных книг на Российский язык переведено ещё весьма мало, то усердно желаю, чтобы любители наук и истинные Патриоты, в пользу и славу России, к сему достохвальнейшему делу труды свои обратили» (Опыт..., 1763: 9).

2. Образовательная «рассадница» для перевода

Деятельность людей Московского университета по переливанию знаний в русское слово требовала подготовки переводческих кадров, изучения иностранных языков, как классических, так и современных, воспитанниками гимназий и студентами. Развитию переводческой деятельности способствовала сама образовательная модель первого российского университета и двух его университетских гимназий, представленная И.И. Шуваловым императрице и подготовленная при активном участии Ломоносова. Она предполагала в первую очередь овладение иностранными языками и навыками перевода для освоения научного опыта, накопленного мировой наукой, и последующего распространения научных знаний уже на родном языке, в том числе и путём перевода трудов зарубежных учёных. Всего лишь по прошествии года с момента открытия Указом Императрицы Елизаветы от 5-го Марта 1756 г. Московскому университету позволялось «учредить типографию и книжную лавку для печатанья и продажи сочинений и переводов Университетских писателей на пользу общую» (Шевырёв, 1855: 17), из чего следует, что переводческая деятельность не была обойдена вниманием императрицы, следовавшей по стопам своего великого отца. Для Петра I перевод был способом не только получения новых научных и технологических знаний из иностранных источников, но и построения моделей для создания государственных документов. Так, английские, голландские, французские военные и морские уставы переводились для того, чтобы по их образцу разработать уставы для русской армии и флота, о чём свидетельствуют Указы Петра (см.: Воскресенский, 1945).

Не только для освоения научных знаний из иностранных источников, но и для их распространения на русском языке после перевода книг изучались иностранные языки, главным образом латинский — основной язык науки, — но также французский и немецкий учащимися университетских гимназий. Система изучения иностранных языков в гимназиях была предложена ещё в проекте учреждения университета, представленном императрице Шуваловым. В проекте, в частности, предлагалось иметь в каждой гимназии по четыре школы: российскую, латинскую, первых основных наук и «знатнейших европейских языков», к которым относились французский и немецкий языки (Указ..., 1755). Три из четырёх школ имели, как мы сегодня сказали бы, гуманитарную направленность и были нацелены на изучение языков: в российской школе за изучением грамматики русского языка следовало овладение стилистикой, а затем стихосложением и ораторским искусством; в латинской школе предлагалось не только изучение основ латинского языка, лексики, разговорной речи, но и интерпретация (толкование) латинских авторов, а также развитие навыков перевода с латинского языка на русский и с русского на латинский и сочинение в прозе и в стихах на латинском языке; в школе европейских языков предлагалось «в двух нижних классах обучать первые основания и разговоры с вокабулами немецкого и французского языков; в двух верхних классах обучать чистоте стиля помянутых языков» (Там же).

3. Образовательная модель — обучение на иностранном языке с переводческим посредничеством

Перевод служил и одним из инструментов обеспечения успешности учебного процесса: нередко лекции иностранных профессоров, читавшиеся на латыни, переводились и комментировались по-русски студентами, наиболее преуспевшими в овладении языками. Шевырёв отмечал, что в гимназиях «заботились особенно об успехах в языке французском; назначали в низшие классы учителей уже из студентов для этого языка» (Шевырёв, 1855: 25), где изучение иностранных языков было особенно распространено и шло весьма успешно, «между казённокоштными образовались студенты, которые были в состоянии помогать иностранцам в первоначальном обучении питомцев гимназии» (Там же).

У Шевырёва мы находим и примеры использования перевода на лекциях иностранных профессоров, преподававших свои курсы на латинском или же на современных иностранных языках в универ-

ситете. Повествуя об организации лекционных занятий в первые годы Московского университета, он, в частности, писал: «Рост³ учил математике на латинском языке; но при нём был студент, по-русски объяснявший для не разумеющих то, что профессор говорит по-латыни» (Там ж: 57). Этот пример показывает, что идеальная образовательная модель, разработанная Шуваловым и Ломоносовым и предложенная в проекте к Указу об основании Московского университета и предполагавшая обучение на иностранных языках, смогла быть реализована на практике лишь отчасти. Ломоносов и Шувалов обосновывали предложение открыть гимназии при университете именно тем, что изучение иностранных языков должно предшествовать университетским занятиям: «Всяк желающий в университете слушать профессорских лекций должен наперёд научиться языкам и первым основаниям наук, но понеже в Москве таких порядочно учреждённых вольных школ не находится, где бы молодые люди к вышним наукам надлежащим образом приготовлены и способными учинены быть могли, того ради Её Императорское Величество всемилостивейше не соизволит ли указать, чтобы при Московском университете и под его ведомством учредить две гимназии, одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей» (Указ..., п. 28). Реально на практике складывалась иная образовательная модель, которую я определил бы как обучение на иностранном языке с переводческим посредничеством. Эта модель использовалась, видимо, параллельно с чтением лекций на латинском языке. О том, насколько часто в учебном процессе прибегали к этой модели в первые годы жизни Московского университета, сегодня судить трудно, однако уже с сентября 1768 г., т.е. всего через 13 лет после открытия университета, «для лучшего распространения в России наук начались лекции на всех трёх факультетах природными россиянами на российском языке», о чём сообщалось в «Московских ведомостях 15 января 1768 г. А уже через 80 лет Давыдов писал о переливании знаний на родной язык как о миссии университета. В процессе последовательного вытеснения латыни и других иностранных языков как носителей знаний из сферы образования не могла не сыграть значительную роль модель обучения на иностранном с переводческим посредничеством, которая, на мой

---

³ «Иоганн Иоаким Юлий Рост был выписан из Геттингена и приехал также в половине 1757 года. Два предмета были его назначением: Английский язык, Чистая и особенно прикладная Математика. Он был в Московском Университете первым образователем той части Философского Факультета, которая обнимала Физико-Математические науки» (Шевырёв, 1855: 35).

взгляд, может быть как промежуточная между преподаванием на иностранном языке и преподаванием на родном в процессе международного образования, каким оно было в Московском университете на первом этапе его развития.

Впоследствии модель обучения на иностранном языке с переводческим посредничеством стала весьма популярной при обучении иностранных студентов в нашей стране и за рубежом, например, в период интенсивной образовательной помощи, оказывавшейся Советским Союзом развивающимся странам, а также на лекциях приглашённых иностранных профессоров.

Каталоги занятий и лекционных курсов, представленных, в частности, в работе Шевырёва, не дают каких бы то ни было сведений о том, проводились ли в университете какие-либо специальные занятия по обучению переводу. О развитии навыков перевода говорится прямо лишь в проекте латинской школы в составе гимназии: «Вторая школа латинская: в ней обучать в нижнем классе первые основания латинского языка, вокабулы и разговоры, в среднем толковать нетрудных латинских авторов и обучать переводам с латинского на русский и с русского на латинский язык, в верхнем толковать высоких авторов и обучать сочинениям в прозе и в стихах» (Указ..., п. 29). Об обучении переводу переводческие навыки студентов Московского университета формировались, по-видимому, в процессе практической деятельности студентов и учеников гимназий под руководством более опытных коллег и преподавателей по переводу материалов для университетской типографии, выпускавших периодические издания с переводными статьями. «Московские ведомости» сообщали о событиях в зарубежных странах, что предполагало изучение информации, поступавшей из иностранных источников и её представление на русском языке. Переводные литературные произведения занимали значительную часть журнала «Полезное уведомление», издававшегося М.М. Херасковым с 1760 по 1762 г., и других литературных периодических изданий Московского университета, в подготовке которых активно участвовали студенты. Таким образом, в Московском университете с первых лет его жизни начала формироваться школа перевода, накапливавшая опыт перевода произведений разного содержания и разной функциональной направленности: научные труды, учебная литература, публицистика, философская проза и поэзия. Но никаких дидактических материалов, руководств или учебных пособий, развивающих навыки перевода, а тем более работ по теории перевода в тот период не было. Переводческая

наука даже не вошла ещё в своё зачаточное состояние, и обучение переводу, скорее всего, опиралось лишь на опыт.

Одним из ярких примеров решения переводческой практикой в Московском университете двуединой задачи просвещения — передачи научных знаний на родном языке и формирования родной словесности — является переводческая деятельность профессора Московского университета Николая Никитича Поповского.

4. Николай Никитич Поповский

4.1. За образование на русском языке

Поповский — талантливый переводчик и поэт, ученик М.В. Ломоносова, первый российский профессор Московского университета, член первой университетской Конференции, один из первых редакторов «Московских ведомостей», магистр философии, ординарный профессор кафедры красноречия философского факультета.

В Московском университете Поповский с первых дней его основания. В день открытия университета 26 апреля 1755 года Поповский был одним из тех, кому доверено было произнести торжественную речь. С.П. Шевырёв так описывал это событие: «В 8-м часу утра учителя с учениками собрались в обновлённом доме. Через печатные программы приглашены были к торжеству знатные особы, родители учеников, иностранцы, именитое купечество. Первые молитвы Богу принесены были Наставниками и юношеством университетским, перед началом учения, в церкви Казанской Богоматери.

По возвращении из храма, в большой зале говорили речи: русскую магистр Барсов, латинскую магистр Поповский, французскую учитель Лабом, немецкую учитель Литкен» (Шевырёв, 1855: 17).

Из перечня речей, приведённого Шевырёвым, видно, какое значение в университете с первых дней его существования придавалось изучению иностранных языков, именно языков, а не одного единственного языка, хоть и доминировавшего в научной коммуникации в мировом сообществе учёных. Образовательная политика Московского университета, предполагающая развитие многоязычия в образовании, оказалась весьма прозорливой, и очень быстро, в исторической перспективе, латинский язык был полностью вытеснен из научной коммуникации новыми языками.

Однако в истории Московского университета Поповский прежде всего славен не тем, что произнёс речь на латинском языке при

открытии университета, а тем, что отстаивал право русского языка быть языком образования и науки в России. В летописи Московского университета имеется текст речи магистра Поповского, произнесённой перед студентами Московского университета в августе 1755 г. в качестве вступительной лекцией к курсу философии. В том же месяце речь была напечатана в журнале «Ежемесячные сочинения, пользе и увеселению служащие». Молодой магистр философии убеждал слушателей в том, что русский язык столь же богат и развит, как латинский: «Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русийски изъяснить было невозможно» (Поповский, 1952: 91). Способом же обогащения специального философского лексикона на русском языке новыми терминами Поповский называл перевод и прямые заимствования с толкованием их смысла (знаменования и силы), ссылаясь на опыт латинян: «Что ж до особливых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, те просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем. У логиков есть некоторые слова, которые ничего не значат, например: *Barbara*, *Celarent*, *Darii*. Однако силу их всякий разумеет; таким же образом поступим и мы с греческими и латинскими словами, которые перевести будет трудно; оставя грамматическое рассмотрение, будем только толковать их знаменование и силу» (Там же). В преподавании философии на родном языке Поповский усматривал возможность массового просвещения: «начнём философию не так, чтобы разумел только один из всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться» (Там же). Преподавание на родном языке делает доступным, по мнению Поповского, даже самое сложное знание с раннего возраста, если преподавать его системно и осторожно, с частым повторением: «Самые отроки могут чрез частое повторение привыкнуть и [к] глубочайшим предложениям, когда они им порядочно и осторожно от учителей внушаемы бывают, только лишь бы на известном языке предлагаемы им были» (Там же: 92).

В описании истории Московского университета С.П. Шевырёва отмечается, что и в 1758 г. Поповский предлагал читать курс философии на русском языке, «для тех, которые не хотят учиться по-Латыни, или выросли уже из лет и потому не могут сделать успехов в этом языке» (Шевырёв, 1855: 57), но конференция так

и не приняла это предложение, боясь, что это окажется прецедентом для отказа «от изучения Латинского языка, которое составляет главную цель учреждения Университета и основание всех наук и к которому большая часть не имеет никакой склонности» (Там же)⁴.

«Поповский желал, как видно, — заключал Шевырёв, — таким путём достигнуть исполнения той же самой мысли, которую уже выразил в своей вступительной лекции 1755 года. Но время ещё не созрело для того, чтобы ей прийти в исполнение» (Там же).

4.2. «Переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо»

Поповский прожил короткую, но яркую жизнь, в которой переводческой деятельности уделялось значительное место.

Склонности к переводу проявились у Поповского ещё в бытность его студентом Академического университета в Санкт-Петербурге, куда он был отобран В.К. Тредиаковским и переведён в 1748 году по распоряжению Академии наук из Московской славяно-греко-латинской академии для пополнения состава Академического университета.

Уже через два года преподаватели университета обратили внимание на исключительные способности Поповского к переводу с латинского языка на русский и с русского языка на латинский. Советский историк литературы Л.Б. Модзалевский, ссылаясь на «Материалы для истории императорской Академии наук» (т. IX, 1897: 124–125), приводит «особое мнение», вынесенное по итогам экзамена университетской комиссией профессоров в феврале 1750 г. и записанное профессором Г.Ф. Миллером, по отношению к студенту Поповскому: «в математике и философии имеет успех посредственной <...> Он переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо» (Цит. по: Модзалевский, 1958: 117).

В 1751 г. по распоряжению президента Академии наук Поповский определён к Ломоносову слушать «стихотворческие лекции». Ломоносов упоминал о них в одном из своих отчётов, особо выделяя именно Поповского: «давал приватные лекции студентам

---

⁴ «Mrs les autres Professeurs nonobstant qu'ils croient aussi que cela sera utile a ce petit nombre des écoliers craignent, que la facilite qu'il y aura d'entendre les leçons philosophiques n'entraîne tous les autres écoliers et ne les détourne de l'étude de la langue latine, qui est le but principal de l'institution de l'Université et le fondement de toutes les sciences, et pour laquelle la plupart n'ont point d'inclination» (протоколы Конференции тогда писались по-французски) (Шевырёв, 1855: 78).

в российском стихотворстве, а особенно Поповскому, который ныне профессором; диктовал студентам сочинённое мною начало третьей книги красноречия о стихотворстве вообще» (Модзалевский, 1958: 119). Ломоносов смог разглядеть в молодом человеке истинный поэтический талант и в дальнейшем внимательно следил за его творчеством и оказывал ему всяческую поддержку как своему любимому ученику в стихотворстве. В одном из своих «доношений» в январе 1753 г. Ломоносов писал: «Порученный прошлого 1752 года мне студент Николай Поповский от канцелярии Академии наук, чтоб он от меня получал в стихотворстве наставления, показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливою способности» (Цит. по: Пекарский, 1952: 508). Выделение Поповского из общего списка студентов, слушавших его лекции, говорит об особом внимании Ломоносова к этому ученику.

Можно предположить, что одним из объединяющих начал профессора Ломоносова и студента Поповского была преданная любовь к родному языку, уверенность в его потенциальных выразительных возможностях. Его известная фраза о изобилии русского языка, превосходящим богатство латинского, из вступительной речи к курсу философии, повторяла мысль, высказанную Ломоносовым в посвящении «Е. и. в. пресветлейшему государю, великому князю Петру Федоровичу», к «Краткому руководству по красноречию», где Ломоносов выражал уверенность, что «язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по её могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сомнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся» (Ломоносов, 1952: 92).

4.3. *Ars poetica* Горация. История одной цитаты

Объединяла ученика и Учителя и любовь к поэтическому слогу. Ломоносов распознал в Поповский поэтический талант. Он высоко оценил стихотворный перевод Поповского од и знаменитого «Письма к Писонам» (*Ars poetica*) Горация и хлопотал о скорейшем опубликовании перевода. «В последних месяцах минувшего 1752 г. подал он мне свой перевод Горациевых стихов о стихотворстве (*ars poetica*) и некоторых од, который так хорошо сделан, что напечатания весьма достоин» (Цит. по: Пекарский, 1873: 509), — писал он Шувалову. Перевод был напечатан в Санкт-Петербурге в Им-

ператорской Академии наук в 1753 году под названием «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам»⁵ Существует мнение, что инициатором перевода «Письма к Писонам» был сам Ломоносов, преследовавший определённую цель — противопоставить стихотворный перевод «Письма» Горация прозаическому переводу этого поэтического произведения, сделанному Тредиаковским и опубликованному незадолго до выхода в свет перевода Поповского, и таким образом представить весомый аргумент в дискуссии о возможностях стихотворного перевода поэтических произведений (см.: Алексеева, 2006: 28). Это предположение придаёт истории с переводом «Письма» особую значимость для исторической области науки о переводе.

Судьба «Письмо к Писонам» Горация в мировой истории перевода весьма интересна. Две строчки из этого произведения вызвали множественные споры в европейской истории перевода задолго до того, как Поповский и Тредиаковский предложили русскому читателю свои варианты перевода, и продолжаются до сих пор. В основе дискуссии — различие между переводом и подражанием, как способом овладения поэтическим искусством, возможное смешение или умышленная подмена одного понятия другим. Начало спорам положил трактат-послание «О наилучшем способе переводить» (*De optimo genere interpretandi*) римского переводчика Св. Иеронима, одного из отцов христианской Церкви, автора выдающейся латинской версии Библии — Вульгаты, канонизированной в 1546 г. на Тридентском соборе, почитаемого сегодня как небесного покровителя переводчиков⁶. В этом трактате, известном также под названиями послания № 57, а также «Письма Паммахию», Иероним, провозглашая основной принцип перевода — не слово переводить словом, а смысл смыслом (*non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*), ссылается на своих главных Учителей — Цицерона и Горация — и в качестве подтверждения своих мыслей приводит фразу из «Письма Писонам»: “*Nec verbum verbo curabis reddere, fidus Interpres*”.

---

⁵ *Ars poetica* Горация переводилась на русский язык неоднократно, до Поповского прозаический перевод был сделан Тредиаковским (1751). Наиболее популярны сегодня переводы А.В. Артюшкова и М.Л. Гаспарова. Во всех переводах название трактата переведено по-разному в зависимости от переводческих тенденций времени и вкусов переводчиков.

⁶ В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2017 г. 30 сентября, отмечаемый католической Церковью как день памяти Св. Иеронима, объявлен Международным днём перевода.

“Siquid inexpertum scaenae committis et audes
 personam formare nouam, seruetur ad imum
 qualis ab incepto processerit et sibi constet.
 Difficile est proprie communia dicere, tuque
 rectius Iliacum carmen deducis in actus
 quam si proferres ignota indictaque primus.
 Publica materies priuati iuris erit, si
 non circa uilem patulumque moraberis orbem,
*nec uerbo uerbum curabis reddere **fidus***
***interpret** nec desilies imitator in artum,*⁷
 unde pedem proferre pudor uetet aut operis lex”.

Иероним трактует фразу так, будто римский поэт обращался к переводчикам и наставлял их: «Не передавай слово словом, верный переводчик». Однако у переводчиков более поздних периодов и у других читателей «Письма» Горация возникали сомнения, действительно ли Гораций обращался к переводчикам, ведь всё произведение называется «Поэтическим искусством» и адресовано начинающим стихотворцам. Скорее, речь идёт о наставлении начинающим стихотворцам избегать в подражании слепого копирования подобно тому, как слепо копирует слова оригинала переводчик-буквалист. Смущала латинская форма *fidus Interpret*. Была ли она прямым обращением, или же могла трактоваться как сравнение⁸?

В истории перевода противоречивость интерпретаций фразы Горация встречалась неоднократно и вызывала живые дискуссии переводчиков текста Горация и историков перевода (Жак Пелетье дю Ман, 1545; Пьер-Даниель Юэ, 1661; Копанев, 1972; Оргелен, 1981; В. Гарсия Йебра, 1984; и др.)⁹. Можно предположить, что Иероним умышленно использовал двусмысленное высказывание римского поэта, признанного мастера красноречия, чтобы сослаться на его авторитет и убедить оппонентов в несостоятельности буквального перевода.

Тредиаковский в прозаическом переводе, опубликованном в 1751 г., интересующий нас фрагмент трактуется широко, он интерпретирует фразу Горация как порицание и буквального перевода, и слепого копирования оригинала при подражании: «Общая материя имеет быть собственно вашею, когда в её просторном округе искусно станете обращаться, когда не от слова до слова верно переводить имеете и когда подражанием и в такую тесноту не

⁷ Выделено мной. — Н.Г.

⁸ См. подробнее: *Гарбовский*, 2004: 73–77.

⁹ См.: Там же.

зайдёте, от которых вам отстать стыд запрещает или закон принятого дела» (Тредиаковский, 2009: 56).

У русских поэтов XX века опасность уподобления при подражании переводчику-буквалисту, а не обращение к нему очевидно.

А.В. Артюшков передаёт этот фрагмент следующим образом:

«Общий же станет предмет твоим достоянием полным,
Если не будешь в кругу вращаться избитом и плоском,
Если не будешь идти переводчиком верным другого,
Слово за словом, в тупик попадая, откуда обратно
Выбраться стыд не позволит тебе и закон сочиненья...»
(Гораций, 1965).

Подобную интерпретацию встречаем и у М.Л. Гаспарова:

«Общее это добро ты сможешь присвоить по праву,
Если не будешь ты с ним брести по протоптанной тропке,
Слово в слово долбя, как усердный толмач-переводчик,
Но и не станешь блуждать подражателем вольным, покуда
Не заберёшься в тупик, где ни стыд, ни закон не подмога»
(Гораций, 1970).

Двойственность интерпретации фрагмента поэтического трактата Горация и в наше время позволяет некоторым, даже весьма авторитетным, историкам и теоретикам перевода следовать версии Иеронима и вычитывать из текста Горация завет переводчикам.

Так, американский исследователь Дж. Стайнер, автор книги «После Вавилонского столпотворения» (Стайнер, 2020; Steiner, 1975), в предложенной им периодизации истории перевода, принимает трактат Горация за некую точку отсчёта в истории переводческой мысли.

Выделяя в истории перевода четыре периода, границы между которыми, по его собственному признанию, вовсе не абсолютны, Стайнер соотносит начало первого периода именно с «Письма Писонам» Горация: «Первый период, — пишет он, — начинается с известного предписания Цицерона не переводить *verbum pro verbo* [слово словом], сформулированного в 46 году до н.э. в его *Libellous de optimo genere oratorum* («О лучшем роде ораторов»), и воспроизведения Горацием этой же формулы в *Ars poetica* («Наука поэзии») двадцать лет спустя» (Стайнер, 2020: 308).

Известный французский историк перевода М. Балляр в книге «История перевода. Исторические и культурные вехи» также не проходит мимо данного фрагмента в произведении Горация. Но Балляр отмечает, что ни Цицерон, ни Гораций трактатов о пере-

воде не писали, а в «Письме Писонам», говоря о подражании поэтам древности, Гораций определяет перевод как антипод личного творчества и его тормоз.¹⁰

Поповский в своём стихотворном переводе обходит сравнение с переводчиком и представляет фрагмент как предостережение поэтам, избравшим подражание способом овладеть поэтическим искусством:

«Хотя другому в чём ты будешь подражать.
Однако за твоё всяк станет почитать,
Когда во всём его не будешь ты держаться,
И чтобы ни на пядень не отступить, стараться;
Но вольность в разуме своём употребишь,
Одно отбросишь прочь, другое отменишь.
И следуя за ним его стезями точно; и
Не зайдёшь в тесноту такую не нарочно,
Чтоб отступить назад иль стыд не попускал,
Или всех общий дел закон не позволял» (Гораций, 1753).

Сегодня трудно строить гипотезы о том, была ли известна Поповскому версия Иеронима и её опровержения, сделанные французами Жаком Пелетье дю Маном в 1545 или Пьером-Даниелем Юэ в 1661 г., но сравнивая его стихотворный перевод с латинским оригиналом, можно говорить о том, что смысл данной части произведения Горация передан верно.

Перевод Письма Писонам, сделанный Поповским и Тредиаковским представляет интерес ещё и потому, что даёт почву современным исследователям для построения различных гипотез о переводческом климате той поры в России. Н.Ю. Алексеева, исследовавшая полемику середины XVIII в. по поводу стратегий перевода поэзии, отмечала: «По-видимому, в полемике о переводе не столь явственно, как вопрос о точности перевода, а в связи с ним и о самой возможности перевода ставился вопрос о способе передачи стихотворной речи стихами или прозой» (Алексеева, 2006: 27). По мнению исследователя, прозаический перевод поэзии следовал французской переводческой манере, уже сформировавшейся к тому периоду, в то время как сохранение стихотворной формы в переводе могло быть подражанием немецкой манере перевода. «Спор русских поэтов о переводе, — пишет Алексеева, — приобретал, таким образом, от-

---

¹⁰ «Pas plus que Cicéron, Horace n'a écrit de traité de traduction, mais dans son Epître aux Pisons ou Art poétique (-13), lorsqu'il traite de l'imitation des poètes anciens, il pose la traduction comme repoussoir, comme frein à la création personnelle».

тенок спора о выборе веры. К чему склониться, к французским нормам перевода или к немецким» (Там же: 33). Нельзя не согласиться с автором исследования, нарисовавшим довольно подробную, но, разумеется, гипотетическую, картину дискуссий вокруг переводов «Письма», и других произведений классической литературы, осуществлённых Третьяковским и Поповским, в оценке значимости перевода для развития литературы: «В этой связи, — продолжает Алексеева, — вопрос о переводе, имеющий, на первый взгляд, чисто практическое значение, выявлял, как мы пытались показать, фундаментальные основания самого понимания литературы. Разность позиций в решении вопроса о точности перевода была связана с разностью понимания слова как такового и значения его в произведении литературы» (Там же).

Таким образом, переводческий опыт будущего профессора Московского университета студента Николая Поповского оказался одним из первых камней в фундаменте российской школы поэтического перевода античной классики.

4.4. Перевод «Опыта о человеке» Александра Попа. Ещё одно соревнование

Особый интерес в переводческом творчестве Поповского представляет его поэтический перевод «Опыта о человеке» английского философа и поэта Александра Попа (Поупа), представленный в рукописи Ломоносову в 1754 г. и опубликованный в типографии Московского университета в 1757 г. уже после того, как Поповский стал профессором Московского университета.

По мнению Л.Б. Модзалевского, исследовавшего творчество Ломоносова и его учеников, «Поповский взялся за перевод поэмы А. Попа под воздействием Ломоносова, для которого в большей, чем для Рихмана, степени важна была пропаганда гелиоцентрических идей в России. Помимо стремления к выдвиганию своего любимого ученика, Ломоносовым в данном случае руководило и сознание огромной научной пользы от издания этого перевода и уверенность в том, что Поповский хорошо справится с поставленной перед ним задачей» (Модзалевский, 1958: 138).

Однако помимо поистине космической цели — пропаганды гелиоцентрических идей — Поповский решал и задачу развития методологии перевода. Его перевод можно представить как эксперимент с целью выявления выразительных способностей русского стихосложения. Это было и своеобразное поэтическое состязание с английским поэтом, чьи стихотворные переводы Гомера вызвали

в Европе восторги и бурную дискуссию. Поповский в Предисловии писал: «Его перевод Гомера на английский язык считается совершеннейшим, нежели самый оригинал Гомеров» (Поп, 1763: 3). Английский поэт смог средствами английского языка и английского стихосложения передать сложность философских рассуждений о человеке, Поповский решает проверить, способны ли на это русский язык и русское стихосложение, которому его учил Ломоносов.

«Опыт о человеке» переводился Поповским не с английского оригинала, а с текста французского перевода: в российском просвещённом обществе той поры французский язык был более распространён, нежели английский и изучался наравне с латынью. Н.И. Новиков, отметив в своём «Опыте исторического словаря о российских писателях», что Поповский «был человек острый, учёный и совершенно искусный в стихотворстве» (Новиков, 1951: 337) об этой работе молодого учёного писал: «Опыт о человеке» славного в учёном свете Попия перевёл он с французского языка на русский с таким искусством, что по мнению знающих людей гораздо ближе подошёл к подлиннику и не зная английского языка, что доказывает как его учёность, так и проникание в мысли авторские. Содержание сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести её трудно: но он перевёл с французского, перевёл в стихи, и перевёл с совершенным искусством, как философ и стихотворец» (там же).

Поповский к оценке своего опыта стихотворного перевода текста, написанного в прозе на языке-посреднике, относился более сдержанно. В предисловии к переводу, разъясняя свою переводческую концепцию, и осознавая все сложности не только понимания иноязычного текста, но и выражения на ещё не совершенном отечественном языке науки, он отмечал, что даже несовершенный перевод представляет определённую ценность для развития научного знания: «мое намеренье, услужить обществу сею книжкою, не весьма, как кажется, бесполезною, должно освобождено быть от всякого нареkania. Сверх того, недавно ещё здесь начавшиеся науки должны до всяком произвесть терпение если что неисправно усмотрит. Со временем всё будет совершеннее» (Поп, 1763: 9). И делает важное заключение: «Самым худым переводом гораздо больше можно пользоваться, нежели ничем» (Там же).

Позднее мысль о пользе первых, пусть далёких от совершенства переводов высказывал Гёте. По мнению немецкого поэта, «на первом этапе знакомство с чужими странами осуществляется в рамках первичных представлений и понятий... подобные версии являются

необходимыми и оказывают принимающей культуре огромную услугу, поскольку незаметно входят в привычную «домашнюю» обстановку как нечто новое и прекрасное, поднимая дух читателей и даруя им настоящую радость»¹¹.

В кратком, всего на восьми страницах, предисловии Поповский поднимает вопросы, весьма важные для понимания истории переводческой мысли в России.

Свою задачу переводчика Поповский видел в верности следования оригиналу: «Что касается до моего перевода, будет ли он иметь то счастье, чтобы всем понравиться и показаться вразумительным не знаю. С меня довольно того, что я старался, сколько можно, не отступить от Автора, и яснее изобразить его мысли» (Поп, 1763: 9), писал он в заключительной части предисловия к переводу.

4.4.1. *Текст-посредник*

Источником для перевода Поповскому служил текст поэмы на французском языке, переведённый Этьеном Силуэтом — экономистом, философом и государственным деятелем Франции, главным контролёром над финансами при Людовике XV, автором переводов на французский язык с английского произведений Александра Поупа, Генри Болингброка, Уильяма Уорбертона.

Факт перевода произведения английского автора на русский язык с французского перевода представляется весьма знаменательным. Давыдов в упомянутой выше речи отмечал особую роль Франции в распространении научных знаний и особый статус французского языка в рассматриваемый нами период: «Характер восемнадцатого века выразился преимущественно в том народе, который, и по обольстительной образованности своей, и по всемирности языка, был точным его исполнителем: ему вполне соответствовал характер Французов. Из Франции исходили учения, занимавшие Европу; во Франции совершались новые учёные труды, узаконялись старые, и оттоле повсюду распространялись. Прочие страны, как покорные данницы, в покое безмолвствовали, и подносили наставнице своей дары всех царств природы и все приобретения ума» (Давыдов, 1836: 10).

Научный авторитет Франции и мировой статус французского языка, отразились и в построении образовательной модели Московского университета и его гимназий. Уже в проекте университета, представленном императрице Елизавете, значилось, что в гим-

---

¹¹ Цит. по: Нелюбин, 2018: 142.

назии при университете наряду с русской и латинской школами будет школа французского и немецкого языков (Указ). Мы видели, что изучение иностранных языков было особенно распространено в гимназии. Это была также мысль Шувалова: в познании языков он хотел приготовить для будущих студентов орудия, необходимые к познанию наук в их современном состоянии. Языки шли чрезвычайно успешно. Скоро между казеннокоштными образовались студенты, которые были в состоянии помогать иностранцам в первоначальном обучении питомцев гимназии.

Силуэт предпочёл перевести философскую поэму прозой, обосновав своё решение несколькими причинами. Первая — это асимметрия языков и систем стихосложения. «Хотелось бы сделать перевод в стихах, — писал он в предисловии. — Принципы, максимы, наставления более поражают и легче запоминаются, но богатство языка и гибкие правила английского стиха делают стихосложение на этом языке более лёгким, нежели на французском».¹²

Силуэт воспроизводит здесь строчку из «Замысла» Попа, предваряющего эпистолы¹³ и объясняющего выбор стихотворной формы для своего произведения: «Я мог бы сделать это в прозе, но предпочёл стих и даже рифму по двум причинам. Первая из них очевидна: *принципы, максимы или заповеди в стихах и более поражают читателя сначала, и легче запоминаются потом*¹⁴; другая причина покажется странной, но она тоже истинная; я убедился, что, выражаясь таким образом, достигаю большей краткости, чем в прозе, а нет никакого сомнения: сила, как и изящество доводов и предписаний, во многом зависит от их сжатости»¹⁵.

Подобную мысль через 200 лет повторил советский теоретик стихосложения Георгий Шенгели, проиллюстрировав её фрагментом из «Евгения Онегина» и его интерпретацией в прозе: «Можно ли сказанное стихами выразить прозой? Сравним: «Нет, Онегин, для меня мало привлекательны и окружающая меня роскошь,

---

¹² «Il eut été à souhaiter qu'on eut fait cette Traduction en vers. Les Principes, les Maximes, les Préceptes frapperoient davantage, se retiendroient plus facilement : mais la richesse de la langue, & la flexibilité des règles de la Poésie Angloise rendent en cette Langue la versification beaucoup plus facile qu'elle n'est en Francois» (Pope, M.DCC. XXXVI: XXIX) — перевод с фр. языка на русский — мой. Н.Г.

¹³ «Опыт о человеке» написан в форме четырёх эпистол.

¹⁴ Выделено мной — Н.Г.

¹⁵ В переводе Поповского, как и во французском переводе Силуэта «Замысел» не представлен. Этот фрагмент приведён по современному переводу В. Микушевича (Поуп, 1988).

и внешний блеск надоевшего мне быта, и те успехи, которых я достигла среди шумной светской жизни, и мой дом, пользующийся в свете популярностью, и мои балы и приёмы...» (81 слог) и:

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? (36 слогов)

Прозой сказано «то же», что стихами, но разве действительно то же? Передан лишь обнажённый смысл, но исчезла эмоция, исчезли сжатость и энергия слова, покоряющая взволнованность интонации, а также звуковая орнаментика, звуковые повторы, которыми перекликаются слова, напоминая друг о друге и благодаря этому резче и глубже вступая в сферу сознания». (Шенгели, 1960: 7).

Вторая причина в уникальном умении автора оригинала подчинить себе стихотворную форму для выражения сложных предложений: «Более того, — продолжал Силуэт, — возможно, Поп единственный в Англии, для кого размер и рифма не составляют препятствия для лаконичности и точности, а напротив, лишь облегчают задачу. По этой причине, какой бы парадоксальной она ни казалась, а также по той, что я указал прежде, Поп предпочёл поэзию прозе. Его точность происходит от какого-то высшего искусства: она придаёт большую силу и изящество наставлениям; изложи их иначе, и они стали бы сухими и скучными»¹⁶. Всё это делает перевод поэмы Попа чрезвычайно сложным. Большинство англичан, пишет Силуэт, считают поэму неперевожимой. Во всяком случае, любой перевод будет хуже оригинала¹⁷.

Можно предположить, что признания французского переводчика в том, что он не решился взяться за стихотворный перевод

---

¹⁶ «D'ailleurs, il n'y a peut-être en Angleterre que M. Pope, à qui l'assujettissement de la mesure & de la rime, loin d'être un obstacle à la brièveté & à la précision, puisse au contraire être un moyen de facilité. Par cette raison, quelque'extraordinaire qu'elle paroisse, & par celle qui la précède, M. Pope a préféré la Poésie à la Prose. Sa précision est l'effet d'un art supérieur : elle donne beaucoup de force & de grace à des instructions qu'il était autrement difficile de produire sans être sec ou devenir ennuyeux » (Pope, M.DCC.XXXVI: XXX).

¹⁷ «Ces raisons doivent faire connoître que l'ouvrage était très difficile à traduire ; la plupart des Anglois ne balancent point à le croire intraduisible, & je pense qu'en effet toutes les Traductions que l'on pourroit faire, ne sçauroient être qu'inférieures à l'original » (Pope, M.DCC.XXXVI: XXXI).

в силу того, что стихосложение на французском языке было более сложным, нежели на английском и что творение Попа — это некое высшее искусство, были одним из мотивов, побудивших Поповского придать своему переводу стихотворную форму в надежде добиться такой же точности мысли, как у автора подлинника и такого же изящества.

Поповский, по собственному признанию, не читал поэмы Попа по-английски, но верил в величие автора, который «во всём учёном Свете почитается за несравненного Пииту и Философа», полагаясь на свидетельства тех, «кои и в английском языке и в науках искусны». Рассуждая о поэтическом таланте Попа, он ссылается на распространённое мнение о том, что перевод на английский язык произведений Гомера, сделанный Попом, считался более совершенным, нежели сам оригинал. «Когда ж в переводе и в изображении чужих мыслей он столь высок, красовит и важен был, что знатнейшим Пиитам не уступал: то легко заключить и твёрдо поверить можно, что в своих сочинениях, в собственных материях и мыслях он должен иметь большее преимущество» (Поп, 1763: 3).

Действительно, интересный и важный для понимания социальной значимости перевода довод: если человек демонстрирует высокое литературное мастерство в искусстве перевода, то уж в собственном литературном творчестве, где ограничения в выражении смыслов, в использовании выразительных средств языка значительно менее строги, он не может не быть мастером.

Но, по-видимому, ни авторитет английского автора, ни разработанность английского стихосложения не смущали молодого поэта Поповского, ученика Ломоносова, получившего от него уроки стихотворства, и он ставит перед собой амбициозную и труднейшую задачу: сделать на основе французского текста в прозе перевод на русский язык в стихах. Возможно, ему были близки идеи Попа о большей выразительной силе стиха по сравнению с прозой, а уроки Ломоносова привили вкус к новаторству и поиску форм. Но в его замысле отчётливо проявляется не только стремление приблизиться к поэтическому искусству мастера, который, по его словам, «высокую и важную материю изобразил яснейшими стихами», но и глубокая вера в силу и богатство родного языка, а также в выразительные возможности складывавшейся к времени во многом благодаря стараниям учителя системы русского стихосложения. Если французский переводчик отказался от попытки перевести поэму Попа в стихотворной форме и предпочёл пренебречь «изяществом

ради точности и энергичности»¹⁸, сославшись прежде всего на несовершенство французского языка и жёсткость французской системы стихосложения, а также на неповторимое искусство автора, то Поповский, признавая высочайшее совершенство поэтического искусства Поупа, напротив, берётся передать русскими стихами мысли английского философа.

Французский переводчик отмечает как достоинство своего перевода отказ от «склонения на свои нравы», весьма распространённой стратегии перевода в Европе в XVII–XVIII вв. Можно вспомнить, как иронизировал А.С. Пушкин по поводу этой стратегии французских переводчиков того периода: «В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы ни находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике, а с тем вместе оказать услугу и нашему автору, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованного французского читателя»¹⁹. Но в стратегии переводчика Силуэта проявляются строгость и тщательность Силуэта финансиста; он избирает иную стратегию: «У переводчика не было иной цели, как показать, насколько это было в его силах, произведение таким, какое оно есть. Сильная сторона переводов ещё и в том, что они не искажают вкусы другого народа и характер его творений, ибо у каждого народа свои нравы, и справедливый читатель всегда помнит об этом»²⁰, — заявляет он.

Поповский следовал тому же принципу и полагал, что «хотя бы и усмотрел нечто противное, однако поправлять не имел никакого права. Я только старался, как можно ближе, подходить к Французскому переводу», — писал он в предисловии.

Такой подход к задаче переводчика показывает, что наряду с тенденцией исправительных переводов и склонения на свои нравы во времена образования Московского университета существовала и иная стратегия перевода, основанная на стремлении точного и полного следования тексту оригинала независимо от вкусов читателей и их представлений о предметах, выведенных в оригинальных произведениях.

---

¹⁸ «D'ailleurs on a cru devoir sacrifier la délicatesse à l'exactitude & à l'énergie» (Pope: P. XXXI).

¹⁹ Пушкин А.С. О Мильтоне и шатобриановом переводе «потерянного рая». Источник: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm>

²⁰ «Le Traducteur n'a eu d'autre objet que de faire connoître, autant qu'il a pû, l'Ouvrage tel qu'il est ; & ces fortes de Traductions ont leur utilité particulière, en ce qu'elles ne déguisent point le goût & le caractère des ouvrages d'une nation : car chaque nation a ses mœurs, observation qu'un lecteur judicieux ne perd jamais de vue» (Pope: XXXI).

4.4.2. Перевод и цензура

Поповский понимал, что некоторые положения концепции автора оригинала противоречили канонам православной церкви, и предвидел неодобрительное отношение церковников к переводу поэмы. Он предпочёл объяснить в предисловии, что «если, где не мог усмотреть несходства с нашею Религиею», то лишь потому, что не был ни богословом, ни критиком текста Попа, а только переводчиком (Поп, 1763: 8). Тем самым он очерчивал границы свободы переводчика по отношению к автору оригинала, отрицая возможность критического отношения к тексту оригинала, его исправления, переделки, устранения фрагментов, которые могли бы оскорбить религиозные чувства представителей церкви.

Перевод с языка-посредника позволил Поповскому пойти на маленькую хитрость и объяснить причину некоторых сомнительных мест и неточностей в тексте своего перевода, тем, что они были уже в тексте французского перевода: *«сомнительные места могут большие приписаны быть Французскому переводчику, которому я следовал, нежели мне»*.

Опасения Поповского оправдались, и русский перевод поэмы Попа был впервые опубликован лишь в 1757 г. благодаря хлопотам Ломоносова и Шувалова после цензуры и переделок, предпринятых по указанию Синода архиепископом Амвросием (Зертис-Каменским). Амвросий — знаток языков и переводчик с латинского, греческого и еврейского, среди переводческих работ которого наибольшую известность получил перевод «Псалтири». Н.С. Тихонравов, полагал, что Амвросий «имел под руками не тот близкий к оригиналу прозаический перевод „Опыта о человеке“ Силуэта, которым пользовался в своём труде Поповский, но стихотворный перевод аббата Дю-Ренеля. По крайней мере, — замечал он, — стихи, вставленные Амвросием взамен вышеприведённых, оказываются довольно близким переложением стихов Дю-Ренеля»²¹. Возможно, этим объясняются некоторые исправления, внесённые в текст перевода Амвросием. Иначе говоря, сложилась ситуация, довольно часто встречающаяся в практике переводческой критики: переводчик и критик перевода пользовались разными источниками, содер-

---

²¹ См.: Тихонравов Н.С. История издания «Опыта о человеке» // Сочинения Н.С. Тихонравова. Т. 3. Часть первая. Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Издание М. и О. Сабашниковых, 1898. <https://archive.org/details/tihonravov-nicolai-sochineniia-tom-iii-chast-pervaia-russkaia-literatura-xviii-i-xix-vv./page/n87/mode/2up?view=theater>

жащими различающиеся версии оригинала, что может поставить под сомнение объективность критики.

Д.И. Фонвизин, ученик Университетский гимназии при Московском университете и впоследствии студент Московского университета, в своих автобиографических записках «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» вспоминал историю, услышанную им от Г.Н. Теплова: «Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского „Опыта о человеке“?» — спросил меня Гр. Николаевич. «Мне сей перевод очень знаком, — отвечал я, — и я его высоко почитаю». — «Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к напечатанию, сказывал мне он же. Попы стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали, а дабы читатель не почёл их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочно крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского»²².

Тихонравов, правда, полагал, что шрифтовые выделения были сделаны самим Поповским. «Шувалов, принимавший живое участие в издании труда Поповского, — писал он, — который был уже в то время профессором Московского университета, требовал, чтобы переводчик исправил стихи, вставленные Амвросием и не имевшие размера, согласив их смысл с изменениями цензуры. Но Поповский отказался исполнить желание куратора и навязать английскому поэту мысли, которых не было в его знаменитом „Опыте“. Ссылаясь на трудность подобной работы, Поповский, напротив, в первом издании своего перевода выделил стихи, изменённые духовною цензурою, из своих собственных, напечатавши первые боле крупным шрифтом против того, каким набран был его перевод „Опыта“. В предисловии Поповский, сверх того, предполагал, по-видимому, объяснить происхождение стихов, напечатанных крупным шрифтом, но куратор удержал его от этого поступка»²³.

Заключение

История сохранила для нас свидетельства переводческой деятельности студентов, профессоров и сотрудников Московского университета, активно осуществлявшейся с первых дней существования первого российского университета. В течение первого полувека Московский университет успешно формировал кадры спе-

---

²² Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. С. 104.

²³ См. Тихонравов Н.С. Указ. соч.

циалистов, способных перелить в русское слово научные знания, накопленные мировым научным сообществом, и тем способствовать просвещению российского общества. В переводе выковывался русский язык науки, формировались нормы русского литературного языка, литературные традиции.

Первый русский профессор Московского университета Николай Никитич Поповский — яркий пример переводческого служения науке, словесности и образования. Дошедшие до нас переводные тексты Поповского позволяют оценить его вклад в развитие российской словесности. Переводческий опыт Поповского ещё недостаточно изучен. Можно присоединиться к призыву Л.Б. Модзалевского «более основательно изучить перевод Поповского с точки зрения словоупотреблений, языковых и стилистических норм, структуры стиха, рифм и других поэтических и стилистических приёмов переводчика»²⁴. Поповский не оставил каких-либо теоретических трактатов о переводе. Но даже несколько строк в его предисловии к переводу «Опыта о человеке» Попа дают представление о его переводческой концепции.

Переводческий опыт дал Поповскому глубокую убеждённость в богатом выразительном потенциале языка перевода — родного русского языка. Перевод на русский язык позволял формулировать и доносить до российских читателей любые, даже самые сложные, мысли, т.е. обеспечивать научную коммуникацию, что привело к затуханию значимости «чужой» латыни в образовании и науке, её постепенному вытеснению родным языком.

Отсюда следует вывод о том, что именно перевод оказался основным условием, позволившим осуществить полный переход в образовании и науке на родной язык России. Исторический опыт переводческой деятельности в Московском университете особенно в первые десятилетия его существования наглядно демонстрирует постоянное стремление народа учиться и развивать научную мысль на родном языке, что имеет определённые психологические когнитивные основания.

В современном мире ситуация с научным мооязычием повторяется. Английский язык принял на себя функции единственного языка научной коммуникации. Преподавание научных дисциплин и изложения результатов своих научных исследований на чужом языке, представляемое как научная необходимость, свидетельствует не только о пренебрежении родным языком, но и об игнориро-

---

²⁴ Модзалевский Л.Б. Указ. соч. С. 141.

вании исторического опыта, отчётливо продемонстрировавшего преимущества коммуникации и в науке и образовании на родном языке, сомнительную результативность коммуникации в этой сфере на чужом языке и неизбежное угасание значимости и мощный потенциал перевода для передачи научных знаний.

Список литературы

Алексеева Н.Ю. Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, XVIII век. Сборник 24. СПб., «Наука», 2006. Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. (Электрон. ресурс): Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Режим доступа: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/C6.%20XVIII%20век_T_24.pdf (дата обращения 10.09.2024).

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I [Текст]: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностр. источники / Н.А. Воскресенский; Под ред. и с предисл. Б.И. Сыромятникова; Акад. наук СССР. Ин-т права. Акты о высших государственных установлениях [Текст] / 1 т.; 26 см. М.; Л.: изд. и 1-я типолит. Изд-ва Акад. наук СССР, 1945 (Л.), 1945. XLIV, 602 с., 4 л. факс. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005155071/?ysclid=m0o9gvq9m0906649630 (дата обращения 10.09.2024).

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М. Изд-во МГУ. 2004.

Гораций. Наука поэзии. К Пизонам. В кн.: Квинт Гораций Флакк. Оды, эподы, сатиры, послания. Пер. с латинского. Библиотека классической литературы. М.: Изд-во «Художественная литература», 1970. С. 386. (Электрон. ресурс): DJVU. Режим доступа: <https://djvu.online/file/xvzOKmY8amSPR?ysclid=m10foemo22423928371> (дата обращения 10.09.2024).

Гораций. Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам, переведено с латинского языка Николаем Поповским. Печатано в Санкт-Петербурге при Императорской Академии наук, 1753 года». С. 9. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_1508/?ysclid=m10gwp12hb336789934 (дата обращения 10.09.2024).

Гораций. Послание к Пизонам об искусстве поэзии // Хрестоматия по античной литературе. В 2-х т. Для высших учебных заведений. Т. 2. Римская литература. Сост. Н.Ф. Дератани. Н.А. Тимофеева. М.: Просвещение, 1965. (Электрон. ресурс): Иностранная литература. Режим доступа: <http://ino-lit.ru/lit/text/298/1770/Artushkov/goracij-poslanie.htm> (дата обращения 10.09.2024).

Давыдов И.И. О содействии Московского университета успехам отечественной словесности: Речь, произнес. в торжеств. собр. Имп. Моск. ун-та орд. проф. рос. словесности, д-ром словес. наук, ст. с. и кавалером Иваном Давыдовым 9 июня 1836. М.: Унив. тип. 1836. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003559253/?ysclid=m0dnm7tzi0907005630 (дата обращения 10.09.2024).

Локк Дж. О воспитании детей / Господина Локка; Переведено с французского на русский язык Императорского Московского университета профессором Николаем Поповским. Ч. 1 [Текст]. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1760, [6], 1–240, 239–248 = 250 с. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005436290/?ysclid=m1703sf08c111970227 (дата обращения 10.09.2024).

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Том 7. Труды по филологии (1739–1758). М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002988930/?ysclid=m18tbtqsc293715187 (дата обращения 10.09.2024).

Модзалевский Л.Б. Ломоносов и его ученик Поповский (О литературной преемственности). // XVIII век. Сборник 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. (Электрон. ресурс): Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. Режим доступа: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/ломоносов-и-его-ученик-поповский-о-литературной-преемственности> (дата обращения 10.09.2024).

Нелюбин Л.Л. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): учеб. пособие / Г.Т. Хухуни; Л.Л. Нелюбин. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2018. 415 с. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/244471> (дата обращения: 06.06.2024).

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н.И. Избранные произведения. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 337. Версия 2.0 от 19 мая 2021 г. (Электрон. ресурс): РВБ, 2005–2024. Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/novikov/01text/02criticism/17.htm?ysclid=lxgi05j5zk91570234> (дата обращения 10.09.2024).

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 2. С.-П.: издание Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук, 1870–1873, 1873. LVIII, 1042, [6] с., [1] л. факс. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003859363/?ysclid=m17mkbzcp4755398270 (дата обращения 10.09.2024).

Поп А. Опыт о человеке / Господина Попия; Переведён с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. 2-е изд. М.: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1763. 78 с., 5 л. ил. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003337938/?ysclid=m0o9227cyb702038941 (дата обращения 10.09.2024).

Поповский Н.Н. Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским. // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века. Том I. Государственное издательство политической литературы, 1952. (Электрон. ресурс): wikisource. Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения 10.09.2024).

Поуп А. Опыт о человеке. Перевод В. Микушевича // Александр Поуп. «Поэмы». М.: «Художественная литература», 1988 г. OCR Бычков М.Н. (Электрон. ресурс): Библиотека электронной литературы fb2. Режим дос-

тупа: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/poup-aleksandr/opit-o-cheloveke> (дата обращения 10.09.2024).

Пушкин А.С. О Мильтоне и шатобриановом переводе «потерянного рая». (Электрон. ресурс): pushkin-lit.ru. Режим доступа: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm> (дата обращения 10.09.2024).

Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода; перевод с английского В. Фролова. М.: МЦНМО, 2020. С. 308.

Тихонравов Н.С. История издания «Опыта о человеке» // Сочинения Н.С. Тихонравова. Т. 3. Часть 1. Русская литература XVIII и XIX вв. М.: Издание М. и О. Сабашниковых, 1898. (Электрон. ресурс): Internet Archive. Режим доступа: <https://archive.org/details/tihonravov-nicolai-sochineniia-tom-iii-chast-pervaia-russkaia-literatura-xviii-i-xix-vv/page/n87/mode/2up?view=theater> (дата обращения 10.09.2024).

Тредиаковский В.К. Горация Флакка «Эпистола к Пизонам о стихотворении и поэзии»: с латинских стихов прозою // Тредиаковский В. Сочинения и переводы, как стихами, так и прозою. С.-П.: Наука, 2009. Т. I. (Электрон. ресурс): Internet Archive. Режим доступа: https://archive.org/details/2009_20230120/page/2/mode/2up (дата обращения 10.09.2024).

Указ от 24 января 1755. Именной. Об учреждении Московского Университета и двух гимназий. С приложением высочайше утверждённого проекта по сему предмету. (Электрон. ресурс): diletant.media/articles/36716113/?ysclid=m0jx2nojzr314495523 (дата обращения 10.09.2024).

Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Собр. соч. в 2 т. Т. 2. (Электрон. ресурс): РВБ. Режим доступа: <https://rvb.ru/18vek/fonvizin/01text/vol2/01prose/250.htm?ysclid=m18tg495f9269756726> (дата обращения 10.09.2024).

Шевырёв С.П. История Московского Университета // История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевырёвым. 1755–1855. М.: В Университетской Типографии, 1855. С. 17. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543421/?ysclid=m0jt0n0tpw757431279 (дата обращения 10.09.2024).

Шенгели Г. Техника стиха. Государственное издательство художественной литературы. М., 1960. (Электрон. ресурс): НЭБ. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006257996/?ysclid=m18thgdlld9183570224 (дата обращения 10.09.2024).

Ballard M. (2013) Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels. Bruxelles: De Boeck Supérieur s.a. P. 22.

Horatii Flacci Q. Ars Poetica. (Electronic Resource): TheLatinLibrary URL: <https://www.thelatinlibrary.com/horace/arspoet.shtml> (date of retrieval: 10.09.2024)

Pope A. Essai sur l'homme, par M. Pope. Traduit de l'Anglois en François. Edition revue par le Traducteur. The proper study of mankind is Man. L'étude propre de l'Homme est l'Homme. A Londres, chez Pierre Dunoyer, à la tête

d'Erasmus dans le Strand. A Amsterdam, chez Jean Frederic Bernard. M. DCC. XXXVI. (Electronic Resource): Internet Archive. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_essai-sur-lhomme-par-m_pope-alexander_1736/page/n29/mode/2up (date of retrieval: 10.09.2024).

Steiner G. (1975) *After Babel. Aspect of language and translation*. Oxford University Press, London Oxford New York.

References

Alekseeva N.Yu. (2006) *Literaturnaya polemika serediny XVIII veka o perevode stihov* = Literary controversy of the mid-18th century about the translation of poetry. Elektronnye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) RAN, XVIII vek. Sbornik 24. Saint Petersburg: "Nauka". Otv. red. N.D. Kochetkova. (Electronic Resource): lib2.pushkinskijdom. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/XVIII/Cb.%20XVIII%20vek_T_24.pdf (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Ballard M. (2013) *Histoire de la traduction. Repères historiques et culturels*. Bruxelles: De Boeck Supérieur s.a. P. 22.

Belyaeva L.N. (2022) *Mashinnyy perevod v sovremennoy tekhnologii protsessa perevoda* = Machine translation and modern translation technology. Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. No. 203, pp. 22–30. (Electronic Resource): cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-v-sovremennoy-tehnologii-protssesa-perevoda/viewer> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Davydov I.I. (1836) *O sodejstvii Moskovskogo universiteta uspekham otechestvennoj slovesnosti* = On the Assistance of Moscow University to the Success of Russian Literature. Rech', proiznes. v torzhestv. sobr. Imp. Mosk. un-ta ord. prof. ros. slovesnosti, d-rom sloves. nauk, st. s. i kavalerom Ivanom Davydovym 9 iyunya 1836. Moscow: Univ. tip. (Electronic Resource): cyberleninka.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003559253/?ysclid=m0dnm7tzt0907005630 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Fonvizin D.I. *Chistoserdechnoe priznanie v delah moih i pomyshleniyah* = A sincere confession of my deeds and thoughts. Sobr. soch. v 2 vol. Vol. 2. P. 104 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2004) *Teoriya perevoda* = Translation Studies. Moscow: Izd-vo MSU (In Russian).

Horace. (1970) *Nauka poezii. K Pizonam* = The Science of Poetry. To the Pisons. (Ars Poetica) V kn.: Kvint Goracij Flakk. Ody, epody, satiry, poslaniya. Per. s latinskogo. Biblioteka klassicheskoy literatury. Moscow: Izd-vo "Hudozhestvennaya literatura". P. 386 (Electronic Resource): djvu.online. URL: <https://djvu.online/file/xvzOKmY8amSpP?ysclid=m10foemo22423928371> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Horace. (1753) *Pis'mo Goraciya Flakka o stihotvorstve k Pizonam, perevedeno s latinskogo yazyka Nikolaem Popovskim. Pechatano v Sanktpeterburge pri Imperatorskoj Akademii nauk. 1753 goda* = A letter from Horace Flaccus on poetry to the Pisons, translated from Latin by Nikolai Popovsky. Printed in St. Petersburg at the Imperial Academy of Sciences. (Electronic Resource): rusneb.

URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_1508/?ysclid=m10gwp12hb336789934 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Horace. (1965) Poslanie k Pisonam ob iskusstve poezii = A letter to the Pisons on the art of poetry (Ars Poetica). Hrestomatiya po antichnoj literature. V 2 v. Dlya vysshih uchebnyh zavedenij. Vol. 2. Rimskaya literatura. Sost. N.F. Deratani. N.A. Timofeeva. Moscow: Prosveshchenie. (Electronic Resource): ino-lit.ru. URL: <http://ino-lit.ru/lit/text/298/1770/Artushkov/goracij-poslanie.htm> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Horatii Flacci Q. Ars Poetica. (Electronic Resource): TheLatinLibrary.

URL: // <https://www.thelatinlibrary.com/horace/arspoet.shtml> (date of retrieval: 10.09.2024).

Locke J. (1760). O vospitanii detej Gospodina Lokka. Perevedeno s francusskago na rossijskij yazyk Imperatorskago Moskovskago universiteta professorom Nikolaem Popovskim = Some Thoughts Concerning Education. CH. 1 [Tekst]. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te. [6], 1–240, 239–248 250 p. (Electronic Resource): rusneb. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005436290/?ysclid=m17o3sfo8c111970227 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Lomonosov M. V. (1952) Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiju = Brief Guide to Eloquence. M.V. Lomonosov. Polnoe sobranie sochinenij. Vol 7. Trudy po filologii (1739–1758). Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. P. 92 (In Russian).

Modzalevskij L.B. (1958) Lomonosov i ego uchenik Popovskij (O literaturnoj preemstvennosti) = Lomonosov and his pupil Popovsky (On Literary Succession). XVIII vek. Collection 3. Moscow — Leningrad: Izd-vo AN SSSR (In Russian).

Nelyubin L.L. (2018) Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevnejshih vremen do nashih dnei) = Translation Studies (History and Theory from Ancient Times to Our Days): ucheb. posobie. G.T. Huhuni; L.L. Nelyubin. 4-e izd., ster. Moscow: FLINTA. 415 p. (In Russian).

Novikov N.I. (1951) Opyt istoricheskogo slovaryia o rossijskikh pisateľyah = Izbrannye proizvedeniya. Moscow — Leningrad: Gos. izd-vo hudozh. lit. P. 337. (Electronic Resource): rvb.ru. URL <https://rvb.ru/18vek/novikov/01text/02criticism/17.htm?ysclid=lxgj05j5zk91570234> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pekarskij P.P. (1873) Istoriya Imperatorskoj akademii nauk v Peterburge = History of the Imperial Academy of Sciences in Petersburg. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Izdanie Otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Imperatorskoj akad. nauk, 1870–1873. LVIII, 1042, [6] p. [1] l. faks. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003859363/?ysclid=m17mkbzep4755398270 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pop A. (1763) Opyt o cheloveke Gospodina Popiia = An Essay on a Man by Mr. Popius. Pereveden s francusskago yazyka Akademii nauk konrektorom Nikolaem Popovskim 1754 goda. 2-e izd. Moscow: Pech. pri Imp. Mosk. un-te. 78 p. 5 l. il. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003337938/?ysclid=m0o9227cyb702038941 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pope A. (1736) *Essai sur l'homme*, par M. Pope. Traduit de l'Anglois en François. Edition revue par le Traducteur. The proper study of mankind is Man. L'étude propre de l'Homme est l'Homme. A Londres, chez Pierre Dunoyer, à la tête d'Erasmus dans le Strand. A Amsterdam, chez Jean Frederic Bernard M. DCC. XXXVI. (Electronic Resource): archive.org. URL: https://archive.org/details/bim_eighteenth-century_essai-sur-lhomme-par-m_pope-alexander_1736/page/n29/mode/2up (date of retrieval: 10.09.2024).

Popovskij N.N. (1952) *Rech', govorenaya v nachatii filosoficheskikh lekcij pri Moskovskom universitete gimnazii rektorom Nikolaem Popovskim* = A speech delivered at the beginning of philosophical lectures by Nikolai Popovsky, director of the gymnasium at Moscow University.

Izbrannye proizvedeniya russkikh myslitelej vtoroj poloviny XVIII veka. Vol. I. Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. (Electronic Resource): wikisource. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Poup A. (1988) *Opyt o cheloveke* = Experience about man. Perevod V. Mikhushchevicha Aleksandr Poup. "Poemy". Moscow: "Hudozhestvennaya literatura", OCR Bychkov M.N. (Electronic Resource): Biblioteka elektronnoy literatury fb2. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/P/poup-aleksandr/opit-o-cheloveke> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Pushkin A.S. (1960) *O Mil'tone i shatobrianovom perevode "Poteryannogo raya"* = About Milton and Chateaubriand's translation of "Paradise lost". (Electronic Resource): pushkin. URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-104.htm> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Shengeli G. (1960) *Tekhnika stiha* = Verse technique. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoy literatury (In Russian).

Shevyryov S.P. (1855) *Istoriya Moskovskogo Universiteta* = History of Moscow University. *Istoriya Imperatorskogo Moskovskogo universiteta*, napisannaya k stoletnemu ego yubileyu ordinarnym professorom russkoj slovesnosti i pedagogii Stepanom Shevyrevym. 1755–1855. Moscow: V Universitetskoy Tipografii. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543421/?ysclid=m0jt0n0tpw757431279 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Steiner G. (2020) *Posle Vavilonskogo smesheniya. Voprosy yazyka i perevoda* = After Babel. Aspect of language and translation. Moscow: MCNMO (In Russian).

Steiner G. (1975) *After Babel. Aspect of language and translation.* Oxford University Press, London Oxford New York.

Tihonravov N. S. (1898) *Istoriya izdaniya "Opyta o cheloveke"* = The history of the publication of the "Essay on Man". *Sochineniya N.S. Tihonravova.* Vol. 3. *Chast' pervaya.* Russkaya literatura HVSH i HIH vv. Moscow: Izdanie M. i O. Sabashnikovyh (Electronic Resource): archive.org. URL: <https://archive.org/details/tihonravov-nicolai-sochineniia-tom-iii-chast-pervaia-russkaia-literatura-xviii-i-xix-vv/page/n87/mode/2up?view=theater> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Trediakovskij V.K. (2009) Goraciya Flakka “Epistola k Pizonam o stihotvorenii i poezii”: s latinskih stihov prozoyu = Horace Flack’s “Epistle to the Writers on Poetry and Poetry” from Latin verses in prose. Trediakovskij V. Sochineniya i perevody, kak stihami, tak i prozoyu. Sankt-Peterburg: “Nauka”, V. I. (Electronic Resource): archive.org/ URL: https://archive.org/details/2009_20230120/page/2/mode/2up (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Ukaz ot 24 yanvarya 1755. Imennoj. Ob uchrezhdenii Moskovskogo Universiteta i dvuh gimnazij. S prilozheniem vysochajshe utverzhdennogo proekta po semu predmetu = Decree of January 24, 1755 — Personal. Regarding the establishment of the Moscow University and two gymnasiums. In accordance with the highly recommended project on this matter (Electronic Resource): archive.org. URL: <https://diletant.media/articles/36716113/?ysclid=m0jx2nojzr314495523> (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

Voskresenskij N.A. (1945) Zakonodatel’nye akty Petra I [Tekst]: Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit’ya i inostr. istochniki = Legislative Acts of Peter I [Text]: Editions and draft laws, notes, reports, denunciations, petitions and foreign sources. N.A. Voskresenskij; Pod red. i s predisl. B.I. Syromyatnikova; Akad. nauk SSSR. In-t prava. Akty o vysshih gosudarstvennyh ustanovleniyah [Tekst]. 1 v; 26 sm. Moscow — Leningrad: Izd. i 1-ya tipolit. izd-va Akad. nauk SSSR. (L.). XLIV, 602 p., 4 l. faks. (Electronic Resource): rusneb.ru. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005155071/?ysclid=m0o9gvq9m0906649630 (date of retrieval: 10.09.2024) (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Гарбовский Николай Константинович — доктор филологических наук, профессор, директор, заведующий кафедрой теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51, nikolay.garbovskiy@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Nikolai K. Garbovskiy — Dr. Sc. (Philology), Professor, Director of the Higher School of Translation and Interpreting (Faculty), Lomonosov Moscow State University; 119991, Moscow, Leninskie gory, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Building 1-51; nikolay.garbovskiy@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-108-120

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ВЫХОДА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА»: РЕТРОСПЕКТИВА И БУДУЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Гу Цзюньлин

Чжэнчжоуский университет, Чжэнчжоу, Китай

Для контактов: 852600325@qq.com

Лю Цзинпэн

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: liudabao7777@gmail.com

Аннотация. В статье на основе системного анализа статей журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» с 2007 по 2024 год рассматривается направление развития исследований в области перевода, изучаются закономерности появления разделов и специфика их содержания. При помощи количественного и качественного методов исследования в сочетании с опытом и тенденциями развития российского и мирового переводоведения анализируется научный вклад и характерные черты данного периодического издания за более чем семнадцать лет, вносятся предложения по его будущему развитию. Согласно данной статье, «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» играет важную роль в продвижении теоретических исследований в области перевода, содействует межкультурной коммуникации. В целях ответа на вызовы и возможности переводоведения в будущем журнал интенсифицирует междисциплинарный подход и международное сотрудничество.

Ключевые слова: Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода; семнадцатилетние; закономерности; особенности; перспективы

© Гу Цзюньлин, Лю Цзинпэн, 2024.

Для цитирования: Гу Цзюньлин, Лю Цзинпэн. Семнадцать лет со времени выхода первого издания журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода»: ретроспектива и будущие возможности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 108–120. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-108-120

Статья поступила в редакцию 25.08.2024;
одобрена после рецензирования 05.09.2024;
принята к публикации 16.09.2024.

SEVENTEEN YEARS SINCE THE FIRST EDITION OF THE LOMONOSOV TRANSLATION STUDIES JOURNAL: RETROSPECTIVE AND FUTURE OPPORTUNITIES

Gu Junling

Zhengzhou University, Zhengzhou, China

For contacts: 852600325@qq.com

Liu Jingpeng

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: liudabao7777@gmail.com

Abstract. This article is based on a systematic analysis of the articles published in the “Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda” (Moscow University Gerald. Series 22. Translation Theory) from 2007 to 2024, aiming to explore the developmental trajectory of this journal in the field of translation studies and reveal the evolutionary patterns of its section organization and content characteristics. Through quantitative and qualitative research methods, in conjunction with the historical background and academic trends in Russian and global translation studies, it summarizes the scholarly contributions and features of this journal over seventeen years and puts forward forward-looking suggestions for its future development. The article asserts that the aforementioned journal plays a significant role in advancing research in translation theory and promoting cross-cultural communication. It advocates for enhanced interdisciplinary collaboration and international cooperation to broaden research perspectives, in order to address the new challenges and opportunities in the field of translation studies.

Keywords: Moscow University Gerald. Series 22. Translation Theory; seventeen anniversary; patterns; characteristics; prospects

For citation: *Gu Junling, Liu Jingpeng.* (2024). Seventeen years since the first edition of the Lomonosov translation studies journal: retrospective and future opportunities. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies.* 4. P. 108–120. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-108-120

The article was received on August 25, 2024;
approved after reviewing on September 02, 2024.
accepted for publication on September 16, 2024.

Введение

«Вестник Московского университета. Теория перевода» («Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода», далее — «журнал») — единственное периодическое издание в России, посвящённое переводоведению. Основано 4 июля 2007 года, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), является источником диссертаций для защиты докторских и кандидатских диссертаций в области культуры, литературы, филологии и философии, признанных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Российской Федерации. Данное издание с момента начала работы стало важной научной российской и даже международной платформой для переводоведческого сообщества. Ознакомившись со статьями данного периодического издания, возможно в общих чертах понять динамику развития российского переводоведения, узнать о новейших научных идеях в сфере переводоведения. В 2017 году журнал отмечал своё десятилетие, тогда мы исследовали наиболее частые разделы, а также их изменение наименований, сравнивали объёмы текста, авторов рукописей, и данная работа была опубликована в конце 2018 года. С тех пор прошло ещё шесть лет. Такой временной промежуток в рамках развития периодического издания незначительный, никаких переломных изменений произойти не может. Однако мы учитываем важнейший фон эпохи и общества. Общество развивается стремительно, изменения происходят каждую неделю, каждый месяц, а что касается применения искусственного интеллекта, смена технологий может происходить буквально за дни. В настоящей статье будут рассмотрены данные этого шестилетнего периода и сравнены с предыдущим десятилетним, проведены наблюдения за изменениями. Исследование приурочено к 270-летию Московского университета и 20-летию Высшей школы перевода.

1. Общие особенности структуры разделов журнала

На раннем периоде своей работы журнал стремился заложить академическую основу, сосредоточившись на систематических исследованиях в области теории перевода, а также на актуальных вопросах в области переводческой практики. В первые десять лет (в период с 2007 по 2017 гг.) основной фокус статей в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» был сосредоточен на исследованиях в области теории и методологии перевода. Согласно исследованию Гу Цзюньлина (2018: 3–12), ранняя структура разделов журнала была хорошо проработана, однако в разных выпусках журнала в ней происходили достаточно значительные изменения. К постоянным разделам журнала относились следующие: «методология перевода», «лингвокультурологические аспекты перевода/лингвистические и культурологические аспекты перевода», «общая теория перевода» и т.д. Раздел «общая теория перевода», как правило, помещался в начало, что позволяло продемонстрировать основной контекст публикаций в журнале — область теории перевода. С 2013 по 2017 гг. структура разделов постепенно стабилизировалась, после чего на уже имеющейся основе началась работа по уточнению и расширению содержания журнала. Структура разделов на данном этапе отражала разнообразие направлений в исследованиях авторов, а также широкое пространство их содержания. В это время в журнале велись углублённые исследования по многим направлениям, включая как теоретические, так и практические работы.

В качестве примера можно рассмотреть 8 выпусков за 2016 и 2017 годы. В соответствующих выпусках присутствует около 5 разделов. Названия разделов стали более устоявшимися и понятными, а также приобрели более обобщающий характер: «общая теория перевода», «лингвокультурологические аспекты перевода», «методология перевода», «вопросы терминологии», «хроника научной жизни» (Гу Цзюньлин, 2018: 6). Постоянные разделы отражают акцент журнала на онтологических исследованиях в области переводоведения.

Согласно имеющейся статистике за период с 2018 по 2024 годы, раздел «методология перевода» был представлен в структуре 16 выпусков, что составило 55% от общего числа выпусков журнала. Это свидетельствует о том, что журнал придаёт большое значение переводоведению как практической дисциплине. Следующим разделом является «общая теория перевода», который встречается

в 37,5% выпусков журнала. Таким образом, исходя из этих данных, можно отметить, что первоначальная цель журнала не претерпела изменений. Журнал по-прежнему уделяет особое внимание как теории, так и практике. Третий по частоте встречаемости раздел журнала — это «лингвокультурологические аспекты перевода», частота встречаемости которого составляет 34,4%. Данный показатель указывает на то, что язык и культура являются основой переводческой науки. Четвертым и пятым по частоте публикаций разделами в журнале являются «хроника научной жизни» (31,2%) и «лингводидактика и дидактика перевода» (28%). Наличие данных разделов в лидирующих позициях свидетельствует о том, что в журнале по-прежнему уделяется внимание отечественным академическим тенденциям, а также придаётся большое значение воспитанию специалистов в области перевода. Следует отметить, что на данном этапе появились специальные разделы и специальные выпуски журнала. Так, в 2021 году организатор журнала (Высшая школа перевода МГУ) провел международную научную конференцию на тему «Наука о переводе сегодня: перевод и конкуренция интеллектов», опубликовав главные доклады участников конференции во втором выпуске журнала за 2021 год в качестве специального выпуска. Помимо этого, второй выпуск 2020 года был подготовлен в качестве специального выпуска, посвящённого Великой отечественной войне. К 220-летию А.С. Пушкина, 200-летию и Ф.М. Достоевского, а также 75-летию переводческой деятельности в журнале также были сформированы специальные разделы со статьями, опубликованными на связанные темы. Это также является одним из принципов, которых всегда придерживался журнал — не забывать историю и помнить о величайших деятелях культуры.

2. Сравнение разделов журнала за последние шесть лет и за первые десять лет существования

При сравнении разделов журнала в период с 2018 по 2024 год по частоте встречаемости статей с первыми 10 годами существования журнала можно отметить, что названия разделов остались почти неизменёнными, в то время как частота публикаций претерпела небольшие изменения. Среди них частота встречаемости статей раздела «дидактика перевода» в первые десять лет составляла всего 22,5%, что значительно ниже частоты 42,5% у статей раздела «история перевода», занимавших шестое место. За последние шесть лет раздел «дидактика перевода» по частоте встречаемости стал зани-

мать пятое место, составив 36%. Данный показатель стал выше, чем в первые десять лет, что свидетельствует о большем внимании учёных вопросам обучению и воспитанию специалистов. Следующим заметным изменением является сбалансированность частоты встречаемости высокочастотных разделов за последние шесть лет. По частоте встречаемости между разделами больше не существует такого разрыва, который существовал ранее. Более подробная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1

2008–2017 г. (40 номеров)			2018–2024 г. (25 номеров)		
Содержание	Кол-во номеров	Кол-во статей	Содержание	Кол-во номеров	Кол-во статей
Методология перевода	29	79	Методология перевода	16	37
Лингвокультурологические аспекты перевода	27	93	Общая теория перевода	12	21
Общая теория перевода	27	56	Лингвистические и культурологические аспекты перевода / Лингвокультурологические аспекты перевода	11	32
Хроника научной жизни	21	25	Хроника научной жизни	10	26
Вопросы терминологии / Терминология	19	27	Лингводидактика и дидактика перевода	9	14
История перевода и переводческих учений	17	31	Вопросы терминологии / Терминология	7	13
Дидактика перевода	9	20	История перевода и переводческих учений	7	11
Обзоры	8	10	Рецензии и обзоры	7	7
Художественный перевод	6	14	Лингвистические аспекты перевода	6	14
Рецензии	5	7	Теория художественного перевода и переводческая критика	5	13
Перевод и лингвистика	3	10			

При анализе количества опубликованных статей в каждом разделе становится видно, что разделы «методология перевода»

и «лингвокультурологические аспекты перевода» на протяжении всего времени являются лидирующими, занимая два первых места. Количество опубликованных в них статей самое большое. Несмотря на то, что раздел «общая теория перевода» за последние 6 лет стал занимать второе место по частоте встречаемости, количество публикаций в данном разделе меньше, чем в разделе «хроника научной жизни», которое по частоте встречаемости занимает четвёртое место. По сравнению с периодом первых 10 лет существования журнала, количество публикаций в разделе «хроника научной жизни» за последнее время увеличилось. Это свидетельствует о том, что журнал уделяет больше внимания важным мероприятиям в жизни академического сообщества. Помимо этого, за последние шесть лет положение трёх разделов журнала «терминология», «дидактика перевода», «история перевода» по частоте встречаемости немного изменилось по сравнению с предыдущими периодами. Однако количество публикуемых статей в данных разделах не имело значительных изменений, оставаясь по большей степени сбалансированным. Так, например, раздел «терминология» по частоте встречаемости за первые лет существования журнала занял пятое место. Его процентное соотношение составило 47,5%, в то время как количество опубликованных статей составило 6,7% от общего числа.

Данные показывают, что на протяжении всего процесса развития журнала имеется три раздела, сохранивших своё доминирующее положение: «методология перевода», «общая теория перевода», «лингвокультурологические аспекты перевода». Данные разделы являются академическим фундаментом журнала, которые обеспечивают непрерывность его публикаций и академическую авторитетность. В то же время появление новых разделов, таких как «цифровой перевод», «перевод и локализация», «технологии аудиовизуального перевода», «трансдисциплинарная наука о переводе» и «новые направления в науке о переводе» демонстрирует внимание исследователей, публикующих статьи в журнале, к развивающимся сферам перевода и их способность адаптации к общественным преобразованиям. Новые разделы не только обогащают содержание журнала, но и привлекают больше академического внимания и читателей, помогая повысить значимость журнала в переводческих исследованиях в России. Помимо этого, такие разделы, как «критика перевода», «теория переводного дискурса» и «дидактика перевода» показывают, что журнал адаптируется к социальным потребностям и потребностям по созданию научных дисциплин,

а также придерживается первоначальной цели — онтологические исследования в области переводоведения.

3. Особенности содержания публикуемых статей

В период с 2008 по 2017 гг. всего было опубликовано 404 статьи в 40 выпусках журнала. С 2018 по 2024 гг. (на момент написания настоящей статьи) было подготовлено 25 выпусков журнала, в которых суммарно было опубликовано 244 статьи. Частота встречаемости в каждом тематическом разделе несколько различается. Исследования по общей теории перевода всегда были основным разделом журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Статистика показывает, что количество статей по теории перевода составляет более 11,9% от общего количества статей в журнале. Исследования перевода, основанные на лингвистическом и культурологическом подходе, являются важной составной частью журнала. На их долю приходится 19,3% опубликованных статей, что ставит их на первое место среди всех разделов. В данном разделе, как правило, рассматривается взаимодействие языка и культуры в рамках переводческой деятельности. На разных этапах своего развития фокус исследований в журнале отличался. Так, на раннем этапе исследователи сосредотачивались на художественном переводе и культурных различиях. На промежуточном этапе развития стали появляться исследования, посвящённые изучению национальных культур и языковой психологии. В последнее время исследователи по большей степени сосредоточены на изучении вопросов культурного обмена и языковой адаптации в условиях процессов глобализации. Согласно статистике, методические исследования составляют около 17,9% от общего количества статей. На разных этапах содержание исследований изменялось: на раннем этапе в центре внимания исследователей были техники и стратегии перевода, в то время как в последнее время фокус был смещён в сторону инновационных методов перевода, сочетающих новые технологии, такие как машинный перевод или средства анализа больших данных.

За последние годы частота публикаций исследований в области преподавания перевода увеличилась. Их доля составила около 5,2% от общего количества статей. В этом разделе рассматриваются вопросы о науке о переводе, связанные с теоретической основой, методами преподавания и передачи практического опыта. Помимо этого, количество статей по истории перевода составляет около 6,5% от общего числа.

На протяжении последних 16 лет журнал придерживается концепции «интернационализации». Главный редактор журнала профессор Н.К. Гарбовский (2008:4) отмечает: «...наш журнал открыт не только для учёных Московского университета: мы хотели бы видеть на его страницах рассуждения об общей теории, истории, методологии, критике, дидактике и практическом переводческом опыте наших коллег из России и других стран, как признанных мастеров, известных всему миру, так и молодых учёных. Чем шире и разнообразнее будет палитра представленных в нём взглядов, тем чётче будет вырисовываться её объект — переводческая деятельность во всей своей вариативности». Журнал не только уделяет внимание отечественным переводческим исследованиям, но и результатам исследований зарубежных коллег. В таких разделах журнала, как «общая теория перевода», «методология перевода», «лингвистические и культурологические вопросы перевода», «терминология», «история перевода» и т.д. представлены суждения и мысли зарубежных авторов. Статистика последних 10 лет показывает, что в 16 выпусках была опубликована 31 статья китайских исследователей. Помимо этого, в 23 выпусках журнала опубликовано около 38 статей учёных из других стран. Всё это составляет примерно 17,1% от числа опубликованных статей (Гу Цзюньлин, 2018: 11).

Таблица 2

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого
Авторы китайских вузов	4	4	3	5	9	6	0	31
Аспиранты ВШП МГУ	1	13	6	2	1	5	1	29
Аспиранты других вузов РФ	0	1	0	0	0	0	0	1
Авторы других стран	1	1	0	1	1	1	0	5

Итого: 66

Всего с 2018 по 2024 гг. в журнале было опубликовано 66 статей зарубежных авторов (см. таблицу 2). Темы статей достаточно разнообразны. Среди них представлены исследования, посвящённые общей теории перевода, вопросам терминологии, дидактике перевода и т.д. Из данного числа 31 статья была написана преподава-

телями китайских университетов. Чаще всего статьи публикуются преподавателями следующих университетов: Хэйлунцзянский университет, Педагогический университет провинции Шэньси, Сямэньский университет, Чжэнчжоуский университет и Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли. На втором месте оказались аспиранты Высшей школы перевода МГУ (в основном граждане Китая), которые опубликовали в общей сложности 29 статей. Данные также показывают, что среди публикаций представлены работы пяти авторов из других стран. Сравнение данных о публикациях за предыдущие 10 лет демонстрируют увеличение известности и признания данного журнала в Китае.

По мере развития переводческой дисциплины и всё более тесного академического взаимодействия России и Китая фокус и направления исследований в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» непрерывно изменяются. Согласно имеющейся статистике ключевых направлений исследований на разных этапах развития журнала, ранние работы авторов были в основном сосредоточены на фундаментальных исследованиях по теории и методологии перевода, в то время как на промежуточном этапе фокус исследований был смещён в сторону межкультурной и сопоставительной плоскости, примером чего являются статьи, посвящённые вопросам перевода, международной коммуникации и культурного обмена в рамках реализации инициативы «Один пояс и один путь». Однако в последнее время такие аспекты, как «переводческие технологии», «экопереводоведение» и «обучение переводу» получают всё большее внимание со стороны учёных. Эти изменения отражают растущий спрос академического сообщества на исследования в области перевода, а также являются следствием процессов глобализации и технологического развития.

4. Будущее развитие журнала

С учётом текущих академических тенденций и социальных потребностей у журнала, по-прежнему существует пространство для дальнейшего улучшения в плане формата и содержания отдельных разделов. На стабильной основе имеющихся основных разделов журнал мог бы нормировать новые разделы, которые ранее периодически появлялись в прошлых выпусках, такие как «перевод и искусственный интеллект», «трансдисциплинарная наука о переводе», «перевод и локализация» и т.д., регулярно публикуя результаты новейших исследований по данным направлениям. Это

позволит журналу адаптироваться к современным тенденциям развития в области переводоведения. Кроме того, следует добавить некоторые новые разделы, такие как «история переводческой мысли», «выдающиеся переводчики», «школы перевода», «прикладное переводоведение» и т.д. Для написания статей в данных разделах можно приглашать известных специалистов в области переводоведения, работа которых позволит углубить исследования и более четко сформулировать их направленность, а также повысить цитируемость. Одновременно с этим возможно проведение работы по улучшению уже имеющихся разделов путём укрепления их взаимной связи, а также повышением общего академического уровня и авторитетности журнала. Помимо этого, требуется расширение исследовательских горизонтов и увеличение числа междисциплинарных исследований, в таких направлениях как «перевод и когнитивистика», «перевод и социология», «перевод и информационные технологии» и т.д. Междисциплинарный подход позволяет проводить многосторонние исследования. Кроме того, следует поощрять публикацию перспективных и инновационных результатов исследований, способствующих дальнейшему развитию переводоведения. Также следует содействовать взаимной интеграции переводческих дисциплин, которые будут отражать междисциплинарный характер исследований.

Помимо прочего требуется создание и дальнейшее совершенствование базы данных журнала, благодаря которой имеющиеся академические ресурсы станут более доступными. Данный журнал должен стать платформой для международного научного обмена, которая позволит расширять международное сотрудничество, создавать механизмы постоянного научного диалога с различными университетами, а также способствовать взаимодействию и сотрудничеству между учёными. На этой основе рекомендуется расширение диалога с зарубежными коллегами. К примеру, можно организовать диалоги с профессором Ху Гэншэнем Чжэнчжоуского университета для обсуждения вопросов по экопереводоведению, выбрать актуальные темы и пригласить известных специалистов из других стран для участия в диалоге или за круглым столом, после чего собрать и опубликовать содержание диалогов.

Заключение

В данной статье на основе статистических данных был проведён анализ структуры разделов, особенностей публикуемых статей и ключевых направлений исследований в журнале «Вестник

Московского университета. Серия 22. Теория перевода». Помимо этого, был выполнен анализ изменений, происходивших в ходе развития журнала, а также были рассмотрены его будущие перспективы. В результате проведённого исследования мы пришли к выводу о том, что «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» достиг заметных результатов в области переводческих исследований. Так, в ходе своего развития происходило улучшение структуры разделов, обогащение содержания исследований, а также увеличение числа иностранных авторов, демонстрирующих международный характер журнала. Многие исследования в журнале учитывают тенденции современного социального развития, придерживаясь при этом сущностной основы переводоведения. Кроме того, журнал играет важную роль в продвижении теоретических исследований в области перевода и содействии межкультурному обмену. В будущем журнал должен продолжать уделять внимание стабильности и инновациям, укреплять междисциплинарное и международное сотрудничество, расширять исследовательские горизонты, интегрировать академические ресурсы и реагировать на новые вызовы и возможности в области переводческих исследований для дальнейшего углублённого развития переводоведения. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» продолжает играть важную роль на пути научного развития, становясь авторитетным изданием в области переводоведения и важной площадкой для международного обмена.

Список литературы

Гарбовский Н.К. От главного редактора. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2008. № 1. С. 4

Гу Цзюньлин. Десятилетнее развитие Вестника МГУ. Серия 22. Теория перевода: специфика и перспективы. Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода, 2018. № 4. С. 3–13.

References

Garbovskiy N.K. (2008) Ot glavnogo redaktora = Editor-in-Chief's Foreword. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 3–4 (In Russian).

Gu Tszyun'lin. (2018) Desyatiletnee razvitie Vestnika MGU. *Seriya 22. Teoriya perevoda: spetsifika i perspektivy*[J] = A review of the 10th anniversary of *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 22. Teoria perevoda: features and prospects* *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–13 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Гу Цзюньлин — доктор филологических наук, доцент, декан факультета русского языка института иностранных языков и международных отношений, Чжэнчжоуский университет. просп. Кэсюе-дадао, № 100, Чжэнчжоу, Китай, 450001; 852600325@qq.com

Лiu Цзинпэн — кандидат филологических наук, преподаватель Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова; 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; liudabao7777@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS:

Gu Junling — Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Dean of the Russian Language Department, School of Foreign Languages and International Relations, Zhengzhou University. Kexue-dadao, No. 100, Ave. Zhengzhou, China, 450001; 852600325@qq.com

Liu Jingpeng — Candidate of Philological Sciences, lecturer at the Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskie Gory, 1, Moscow 119991, Russia; liudabao7777@gmail.com

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 808-1

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-121-136

Д.И. ФОНВИЗИН В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА И В ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мария Николаевна Есакова

Юлия Николаевна Кольцова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: maria_esakova@mail.ru; koltsova-73@mail.ru

Аннотация. Д.И. Фонвизин — знаменитый писатель-сатирик XVIII века. В статье представлена попытка охарактеризовать Фонвизина как переводчика, проследить этапы его жизненного и творческого пути, связанные как с обучением в гимназии при Московском университете, так и с обучением на философском факультете Московского университета, слушателем которого писатель был непродолжительное время. Также в статье рассказывается об учителях и наставниках писателя, профессорах Московского университета, оказавших наибольшее влияние на формирование личности Фонвизина.

Ключевые слова: Д.И. Фонвизин, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, переводчик, писатель-сатирик

Для цитирования: Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Д.И. Фонвизин в истории перевода и в истории Московского университета // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 121–136. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-121-136

Статья поступила в редакцию 05.08.2024;
одобрена после рецензирования 16.09.2024;
принята к публикации 29.09.2024.

D.I. FONVISIN IN THE HISTORY OF TRANSLATION AND LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Maria N. Yesakova

Yulia N. Koltsova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For citation: maria_esakova@mail.ru; koltsova-73@mail.ru

Abstract: Denis Ivanovich Fonvizin — a famous satirical writer of the 18th century. In the article, we tried to characterize Fonvizin as a translator, to trace the stages of his life and creative path associated with both studying at the gymnasium at Moscow University and studying at the Faculty of Philosophy of Moscow University, which the writer attended for a short time. In this article, we also tell about the writer's teachers and mentors, professors of Moscow University, who had the greatest influence on Fonvizin's personality.

Keywords: D. Fonvizin, Moscow State University, translator, satirical writer

For citation: *Yesakova M.N., Koltsova Yu.N. (2024) D.I. Fonvizin in the history of translation and Lomonosov Moscow State University. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies. 4. P. 121–136. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-121-136*

The article was received on September 05, 2024;
approved after reviewing received on September 16, 2024;
accepted for publication on September 29, 2024.

«Что же надлежит до моего перевода, то я главное имел старание не отступить по возможности от автора и изображать все его мысли, которыми он старается сделать полезное нравоучение» (Фонвизин, 1959: 221). Так определяет Фонвизин своё переводческое кредо в предисловии к своему переводу романа Жана Террассона «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя египетского».

Д.И. Фонвизин, яркий представитель екатерининской эпохи, прославился не только как писатель-сатирик, но и как талантливый переводчик. Его переводы отличались точностью, изяществом и близостью к оригиналу. Д.И. Фонвизин придерживался принципа «верности духу оригинала», стремился передать не только буквальное значение текста, но и его стиль, образность и настроение. При этом он считал необходимым вносить в текст изменения, если это было нужно для того, чтобы сделать перевод более живым, выра-

зительным и понятным для русского читателя, сохраняя при этом глубокое уважение к оригиналу.

Многие знают и почитают Фонвизина как яркого писателя-сатирика, однако следует отметить, что начинал он свою деятельность с переводов. При этом многие переводные произведения Фонвизина ценились его современниками не меньше, чем оригинальные. Денис Иванович Фонвизин появился на свет в Москве 3 (14) апреля 1745 года в дворянской семье, принадлежащей старинному дворянскому роду, восходящему к лифляндскому рыцарю Фон Визину, служившему при дворе Ивана Грозного (эл. ресурс).

Первоначальное образование Фонвизин получил дома под руководством своего отца, Ивана Андреевича, которого Денис Иванович описывал как «добродетельного человека», который «любил правду», «не терпел лжи» и «ненавидел лихоимства» (Половцов, 1901: 171). С ранних лет будущий писатель проявлял интерес к литературе и языкам, увлекался чтением античных авторов. Эта страсть, по-видимому, и привела будущего писателя к переводу.

В 1755 году в Москве был открыт Московский государственный университет, а при нём гимназия для дворянских детей. Именно туда отец Фонвизина решает определить учиться своих сыновей — Дениса и Павла.

Там будущий писатель и переводчик выучил латинский и немецкий языки, «а паче всего получил... вкус к словесным наукам» (Там же).

Однако воспоминания писателя о времени, проведённом в гимназии, совсем неоднозначны: «Остаётся мне теперь сказать об образе нашего университетского учения; но самая справедливость велит мне предварительно признаться, что нынешний университет уже не тот, какой при мне был. Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает» (Фонвизин, 1959: 87).

Вспоминая об этих годах в «Чистосердечном признании в делах моих и помышлениях» Фонвизин, с одной стороны, признавался в собственном юношеском легкомыслии, но с другой — отмечал, что и многие преподаватели были не на высоте:

«В бытность мою в университете учились мы весьма беспорядочно. Ибо, с одной стороны, причиною тому была ребяческая леность, а с другой — нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу; латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков, но голову

имел преострую и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо» (Фонвизин, 1959: 91).

Фонвизин обладал острым умом и оказался весьма талантливым учеником. Нужно заметить, что ещё в детстве под руководством отца он познакомился с церковнославянским языком, без знания которого, по его мнению, было бы невозможно совершенное владение языком русским. В гимназии ему особенно нравилось изучение иностранных языков. В этот период он выучил немецкий язык. А изучение латыни, по его собственному утверждению, весьма поспособствовало в дальнейшем обучению французскому языку. Одарённого ученика не могли не заметить в гимназии. Некоторые сочинения юного Фонвизина даже были представлены «для прочтения на публичных актах» (Половцов, 1901: 172).

Зимой 1759 года в числе наиболее успешных учеников Дениса Фонвизина отправляют в Петербург. Директор университета Н.И. Мелиссино¹ «для показания основателю университета плодов сего училища», желая блеснуть успехами своих питомцев перед куратором университета И.И. Шуваловым, едет в Петербурги «берёт туда с собой несколько самых лучших учеников, в том числе Фонвизина» (Евреинов, 1955).

Время, проведённое в Петербурге, отмечено несколькими интересными фактами. Во-первых, на церемонии представления учеников Шувалову присутствовал сам М.В. Ломоносов, который, узнав о том, что гимназисты учат латинский язык, «с великим красноречием» (Половцов, 1901: 172) высказался о пользе изучения латыни.

Помимо знакомства с Ломоносовым, именно в этот период произошла встреча Фонвизина с театром. В Петербурге, в доме своего дяди, у которого он жил, Фонвизин увидел знаменитых актёров того времени: Федора Григорьевича Волкова и Ивана Афанасьевича Дмитриевского. Это знакомство произвело неизгладимое впечатление на юного писателя. В «Чистосердечном признании...» он так описывал свои впечатления: «Действия, произведённого во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актёров — великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы моё благополучие. Я с ума было сошёл от радости, узнав, что сии комедианты вхожи в дом дядюшки моего, у которого я жил» (Фонвизин, 1959: 93).

---

¹ Мелиссино Иван Иванович (1718–1795) — деятель Русского Просвещения из рода Мелиссино, тайный советник, директор и куратор Московского университета.

Вернувшись из Петербурга, Фонвизин поступил в Московский университет на философский факультет. Несмотря на то, что проучился он там совсем недолго, не более двух лет, влияние этого периода на творчество писателя неоспоримо. Именно в студенческие годы Фонвизин раскрывает свой талант как переводчик.

По мнению самого писателя, особое влияние на него в тот период оказал профессор Лейпцигского университета Иоганн-Готфрид Рейхель. О личности профессора Рейхеля стоит упомянуть отдельно. Он «был приглашён в Россию преподавателем немецкого языка и литературы, однако впоследствии читал лекции и по всеобщей истории» (Копосова, эл. ресурс). Рейхель был прекрасным лектором. Остались воспоминания князя И.М. Долгорукова о риторическом мастерстве Рейхеля: «Никто так красноречиво не изъяснял её <историю>; приятно было его слушать: ни одно не пропадало, ни одно событие не терялось; дар слова принадлежал ему в превосходстве» (Долгоруков, 1997: 149). Помимо этого, Рейхель заведовал университетской библиотекой. Рейхель «своей иронией и своим умением схватывать неразумную сторону жизни... Мог иметь отчасти влияние на нравственное развитие нашего гениального сатирика» (Шевырёв, 1855: 344).

Многие исследователи творчества Фонвизина считают, что именно профессор Рейхель оказывал влияние на юного переводчика в выборе произведений для перевода. Так, Н.С. Тихонравов пишет о «сильном влиянии профессора» именно в выборе материала для переводов (Тихонравов, 1898: 97). Надо отметить, что основным языком, с которого переводил Фонвизин в этот период, был немецкий.

Н.Д. Кочеткова же утверждает, что при непосредственном участии Рейхеля Фонвизин взялся за перевод «популярного в Европе» романа Жана Террассона (Кочеткова, 2010: 307). При этом следует заметить, что «перевод был выполнен Фонвизиним не с французского языка-оригинала, а также с немецкого языка-посредника» (Копосова, эл. ресурс).

И конечно же, «получив благословение» Рейхеля, Фонвизин принял предложение «университетского книгопродавца» выполнить перевод басен знаменитого датского писателя Людвига Гольберга.² Этот перевод стал первым опубликованным трудом Д.И. Фонвизина. «Басни нравоучительные с объяснениями барона Гольберга» увидели свет в 1761 году. Они вышли в приложении к

---

² Гольберг Людвиг (Ludvig Holberg, 1684–754) — выдающийся норвежско-датский писатель.

газете «Московские ведомости» 24 апреля. Надо отметить, что этот труд занял несколько лет жизни писателя-переводчика. В первом издании представлен перевод 183 басен, впоследствии в изданиях 1765 и 1787 года опубликованы переводы уже 225 басен. В оригинальном издании содержится 232 басни. Также надо заметить, что Фонвизин так и не перевёл предисловие, написанное Гольбергом, а также расположил басни в иной последовательности по сравнению с оригиналом. Впервые глубокий анализ перевода Фонвизиным басен Гольберга был проведён лишь в 1954 году исследователем К.В. Пигаревым, который в книге «Творчество Фонвизина» писал, что этот «сборник включает тексты, различающиеся по форме, и помимо басен содержит нравоучительные и сатирические рассказы и анекдоты», а также характеризуется «высокой точностью» и написан «живым разговорным русским языком» (цит. по: Копосова, эл. ресурс). Учёный подчёркивает, что сборник не имеет «отвлечённо-моралистического характера» (Пигарев, 1954: 52).

В этом же 1761 году в журнале «Полезное увеселение», издававшемся в Московском университете при содействии М.М. Хераскова, ставшего впоследствии директором Московского университета, и состоявшем в большинстве своём из работ талантливых студентов, был напечатан перевод рассказа «Правосудный Юпитер», принадлежащий перу молодого Фонвизина.

Интересно заметить, что этот текст существует лишь одной прижизненной публикации, и упоминания о нём в работах, посвящённых жизни и творчеству писателя, довольно редки. Исследователь Т.А. Копосова в своём диссертационном исследовании, посвящённом связям Фонвизина с Германией, обращает внимание на то, что «знаменитый писатель П.А. Вяземский — первый биограф Фонвизина — говоря о раннем периоде творчества писателя, не упоминал перевод «Первого Юпитера» вовсе» (Копосова, эл. ресурс).

Впервые о нём пишет Н.С. Тихонравов в статье, посвящённой раннему Фонвизину. Он относит этот перевод к «нравоучительным-сатирическим сочинениям, которые очень нравились в прошедшем столетии и своею манерой оставили более или менее заметные следы в комедии того времени» (Тихонравов, 1898: 95). Однако следует заметить, что сатирическая, а также дидактическая направленность переведённого текста была характерна для журнала в целом. Данную особенность замечает и исследователь К.В. Пигарев, говоря, что «Правосудный Юпитер» по своему содержанию соответствует «морально-дидактической тенденции» журнала «Полезное увеселение», однако добавляет, что сотрудничество Фонвизина с этим

журналом не было особенно долгим: «видимо, по своему абстрактному моралистическому направлению этот журнал был ему чужд» (Пигарев, 1954: 53). Таким образом, «текст перевода данного произведения так и остался недостаточно изученным» (Копосова, эл. ресурс). И только недавно был обнаружен источник этого перевода — рассказ “Der gerechtfertigte Jupiter”, помещённый в сборник «Опыт нравоучительных повестей» немецкого писателя Пфейля³, вышедший в Лейпциге в 1757 году.

В 1862 году наставник Фонвизина Рейхель становится редактором университетского научно-популярного журнала «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия или смешанную библиотеку о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». В этом журнале также выходят переводы молодого Фонвизина. Эти произведения заслуживают отдельного внимания. Так, в журнале появляется перевод произведения «Господина Менара изыскание о зеркалах древних», что свидетельствует об увлечении Фонвизина вопросами философии, истории, а также стремлением понять духовный путь человечества. Интересно отметить, что и это перевод выполнен через посредничество немецкого переводного текста. Помимо этого, в журнал были включены переводы Фонвизина других нехудожественных текстов совершенно разнообразной тематики, например «Рассуждения о приращении рисовального художества, с наставлением в начальных основаниях оного» И.-Ф. Рейфенштейна⁴. Вероятнее всего, выбор произведений для перевода был сделан не без участия Рейхеля, явно усердно следившего за успехами своего талантливового воспитанника.

В этом же году Фонвизин обращается и к художественному переводу, решая перевести отрывок из произведения «Сновидения» И.Г. Крюгера «Торг семи муз».⁵

---

³ Пфейль (1733–1800) — немецкий писатель и юрист; был лично знаком с И.В. Гёте, который признавал, что Пфейль оказал на него влияние, в том числе и в вопросах стиля. Пфейль положил начало двум новым для Германии литературным жанрам: мещанской трагедии (которой он занимался параллельно с Г.Э. Лессингом) и особого рода нравоучительной повести, которая основана на английской и французских традициях моралистической прозы.

⁴ Иоганн Фридрих Раффенштайн или Рейфенштейн (1719–1793) — немецкий художник-любитель, живописец-пейзажист и миниатюрист, гравёр, скульптор, историк искусства эпохи Просвещения. Почётный академик Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, с 1781 года надворный советник.

⁵ Крюгер И.Г. (1715–1759) — немецкий естествоиспытатель, математик, врач, писатель эпохи Просвещения. «Сновидения» были созданы им в 1754 году.

«Торг семи муз» — это небольшое повествование о том, как Юпитер послал к людям семь муз, которые должны были подарить людям разные добродетели: разум, счастье, честь, богатство, но люди, руководствуясь только жадностью, не оценили этого, а также проявили жестокость к «семи музам», грубо обойдясь с ними. В тексте Крюгера прослеживается иронический взгляд автора на природу человеческих пороков, и можно предположить, что подобный взгляд на общество был близок самому Фонвизину. К.В. Пигарев находит сходство между данным текстом и «Правосудным Юпитером, относя оба произведения «к жанру нравоучительного рассказа» (Пигарев, 1954: 53).

В «Собрании лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия или смешанную библиотеку о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах» публикуется и перевод Фонвизина книги Жана Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского», который предваряется вступительной статьей Рейхеля «Известие и опыт (о российском переводе «Сифа»)». Рейхель пишет: «При столь великом множестве худых книг виднопохвальное достоинство переводчика, когда избирает он нечто доброе, полезное и особенное. Что господин Фонвизин в рассуждении сего сделал, о том общество узнает с удовольствием. О знании его в немецком языке я весьма уверен, а общество видело уже силу его в российском языке как из различных опытов, так и из басен барона Гольберга», — пишет Рейхель (Рейхель, 1762: 97). Говоря о таланте переводчик, Рейхель, прежде всего, говорит о изяществе слога Фонвизина, о его блестящем владении языком русским. В этой же статье Рейхель упоминает о переводе Фонвизиним текста «Метаморфоз» Овидия, который, по его мнению, будет большим ещё доказательством его способности» (Там же). Однако данный текст, к сожалению, не дошёл до современного читателя.

«Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского» издавалась Фонвизиним частями. Интересно заметить, что первые три части были им переведены с немецкого языка-посредника, последняя же часть — с французского текста оригинала.

Предисловие к переводу «Геройской добродетели» принадлежит самому Фонвизину. В нём писатель рассуждает о том, что переводчик должен стремиться быть максимально точным: «Что же надлежит до моего перевода, то я главное имел старание не отступить по возможности от автора и изображать все его мысли, которыми он старается сделать полезное нравоучение» (Фонвизин,

1959: 221). Перу Фонвизина принадлежит и перевод «Слова» самого профессора Рейхеля, произнесённого им в публичном собрании Московского университета третьего октября 1762 года по случаю коронации Екатерины II, о том, «что науки и искусства процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве».

1762 год ознаменован началом переводов Фонвизина с французского языка. Ещё в гимназии во время поездки в Петербург он, судя по его собственному высказыванию, понял «сколько нужен молодому человеку французский язык» (Фонвизин, 1959). И в 1762 году он уже «мог разуместь Вольтера и начал переводить стихами его «Альзиру» (Там же). Перевод этой трагедии был сразу замечен в свете. «Перевод мой Альзиры, — пишет Фонвизин в «Чистосердечном признании...», — стал делать много шума, и я сам начал иметь некоторое мнение о моем даровании; но признаюсь, что, будучи недоволен переводом, не отдал его ни на театр, ни в печать» (Там же). Более того, впоследствии этот перевод он называл «грехом юности» своей (Эл. ресурс).

Нельзя не заметить определённого тематического сходства переводных произведений, выполненных Фонвизиним в начале 60-х годов. Так, исследователи отмечают близость произведений «Басни нравоучительные» и рассказа «Правосудный Юпитер». Их объединяет тема покорности судьбе. К ним примыкает и текст перевода Крюгера «Торг семи муз». Многие тексты наполнены иронией. Лишь перевод романа Жана Террассона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя египетского» выделяется своей сентиментальностью и возвышенностью.

В конце 60-х годов появляется один из лучших, по мнению исследователей, переводов Д. Фонвизина — перевод поэмы П.-Ж. Битобе⁶ «Иосиф», вышедший в свет в Берлине в 1767 году. «Иосиф» появился в печати в 1769 году. Успех поэмы «Иосиф» был очевидным — она мгновенно стала популярной.

Это произведение считается одним из наиболее успешных творений Поля Жереми Битобе. «Иосиф» — это лирическое повество-

---

⁶ Поль Жереми Битобе (1732–1808) — французско-прусский священник и поэт, переводчик Гомера. Родился в Кёнигсберге, происходил из французского семейства, которое переселилось в Пруссию после отмены Нантского эдикта. Его первым поэтическим опытом была французская переработка «Илиады», которой он обратил на себя внимание Фридриха Великого, назначившего его членом Берлинской академии и давшего ему средства для окончательной обработки в Париже перевода. В 1795 году Битобе был избран членом Национального института Франции.

вание, в основе которого лежит библейский сюжет. Оригинальный текст отличается исключительной трогательностью и вниманием к характеристике психологических состояний главных героев. Битобе, вдохновлённый идеями Ж.-Ж. Руссо, включает в свою поэму элементы руссоистской идеализации жизни первобытных пастухов, противопоставляя их простой и искренний мир цивилизованному обществу, в котором, по его мнению, процветают лицемерие и пороки. В «Иосифе» мы видим идиллический образ пастуха, живущего в гармонии с самим собой, природой и Богом. Его жизнь, наполненная трудом и духовными размышлениями, контрастирует с законами и нравами цивилизованного мира.

Д.И. Фонвизин, переводя «Иосифа», мастерски передаёт ритмику и мелодику оригинала, создавая новую версию произведения, сохраняя при этом стиль и дух оригинала. Подчёркнутая ритмичность текста придаёт поэме особую возвышенность и лиричность. «Иосиф» — это не просто библейский рассказ, это философское произведение, раскрывающее проблемы выбора человека между простой жизнью на лоне природы и жизнью в мире цивилизации. Битобе показывает, что истинное счастье заключается не в богатстве и славе, а в духовной гармонии с самим собой и окружающим миром.

Перевод «Иосифа» помогает читателю лучше понять философские идеи Битобе, делая их более доступными и понятными. Это не простое переложение текста, это, скорее, творческий диалог между двумя писателями разных эпох. В своём переводе Д.И. Фонвизин не только передаёт смысл оригинала, но и добавляет свои собственные размышления и идеи, делая «Иосифа» уникальным произведением русской литературы. Современники переводчика оценивали эту работу по-разному. Например, князь Вяземскому абсолютно не понравился стиль Фонвизина-переводчика. Обилие «славянизмов» в тексте перевода «Иосифа» он сравнивал с «карикатурами французских водевилистов». Николай Новиков⁷ — известный публицист того времени — наоборот, восхищался стилем переведённой поэмы. Он утверждал, что Фонвизин «поэму 'Иосиф' перевёл прозою на русский язык с совершенным искусством. В переводе сём держался он важности славенского и чистоты российского языка» (Новиков, 1951: 360). Полемика вокруг текста данного перевода может стать понятной, если обратиться к высказываниям создате-

---

⁷ Новиков Н.И. (1744–1818) — русский просветитель, журналист, издатель, критик и общественный деятель, собиратель древностей, одна из крупнейших фигур эпохи Просвещения в России.

ля «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Историк разделяет развитие русского литературного языка на определённые периоды, начиная с Антиоха Кантемира. Значительный вклад в развитие языка был, безусловно, сделан Ломоносовым, последователями которого можно назвать авторов «елагинской группы»⁸ литераторов. Фонвизин, как переводчик, принадлежал в тот период именно к этой группе.

В 70-е годы произведения Фонвизина, в том числе переводные, практически не издаются. Однако в 1777 году он переводит текст «Слова похвального Марку Аврелию» Антуана Леонара Тома⁹, знаменитого французского просветителя. Фонвизин решил взяться за этот перевод неслучайно. Дело в том, что в произведении Тома излагались мысли о том, каким должен быть идеальный монарх, а также какой должна быть его государственная деятельность. Эти мысли были, безусловно, близки собственным взглядам писателя. Один из знаменитых исследователей творчества Д. Фонвизина Г.А. Гуковский считает, что «под покровом скромной роли переводчика Фонвизин давал уроки будущему самодержцу Павлу Петровичу и в то же время имел возможность горько осудить практику Екатерины, столь непохожей на Марка Аврелия, изображённого в переведённой книжке» (Гуковский, 1947: 172). Сюжет «Слова...» состоит в том, что во время похорон Марка Аврелия старец Аполлоний обращается с речью к Коммоду, наследнику Аврелия, и к римлянам, цитируя самого Марка Аврелия, критиковавшего «сластолюбие» и «роскошь». В этом звучит явная критика правления Екатерины. Слова Аврелия звучат как назидание: «О Боже, не сотворил ты царей угнетателями и народы — угнетёнными!» (Тома, 1777). Фонвизину близка позиция Марка Аврелия — он тоже против рабства «Я начинаю вольностию, римляне! Ибо вольность есть первое право человека, право повиноваться единым законам и кроме их ничего не бояться. Горе рабу, страшась произносить её имя! Горе той стране, где изречение его вменяется в преступление! Бедствие сие было при тиранах ваших, но что произвела тщетная их лютость? Погасила ль она в сердцах отцов ваших сие великодушное чувство? Можно угнести его, но не истребить; оно пребыва-

---

⁸ Елагин И.П. (1725–1794) — русский государственный деятель, историк, поэт, обер-гофмейстер Екатерины II.

⁹ Антуан Леонар Тома (1732–1785) — французский писатель. Сначала был противником Вольтера, впоследствии сделался его почитателем. Тома пользовался уважением и сочувствием современников как убеждённый сторонник культуры и прогресса. Его очень ценили в России. Фонвизин перевёл его «Похвальное слово Марку-Аврелию», а Василий Петров — оду «Должности общежития» (1769).

ет везде, где души тверды; оно в оковах сохраняется, в темницах обитает, под ударами мучителей возрождается. Доколе оно в вас, о римляне! дотоле вы бодрственны и добродетельны пребудете» (Там же). Очевидно, что «эта яркая тирада в переводе Фонвизина имела прямое применение к нему самому, к его друзьям и единомышленникам», — заключает Гуковский (Гуковский, 1947: 172).

Во второй половине 1780-х годов Фонвизин вновь стал переводить с немецкого языка. «В 1785 году Д.И. Фонвизин перевёл текст И.Г. Циммермана «Рассуждения о национальном любочестии» (последней главы из книги “*Von dem Nationalstolze*”) с немецкого языка» (Копосова, эл. ресурс). Несмотря на то, что перевод был опубликован анонимно, исследователь Г.П. Макогоненко доказал принадлежность этого перевода Фонвизину. Учёный назвал его «точным и глубоко своеобразным», узнав чисто фонвизинский стиль. По мнению Г.П. Макогоненко, произведение написано особым высоким стилем, выработанным Фонвизиним, имитирующим «торжественную, патетическую и напряженно-взволнованную ораторскую речь» (Макогоненко, 1959: 629).

В конце 80-х годов Фонвизиним был сделан ещё один интересный перевод. Интересно заметить, что вплоть до второй половины XX века это произведение считалось оригинальным текстом Фонвизина, однако в результате проведённых исследований стало очевидно, что речь идёт о переводе произведения немецкого поэта Х.Ф.Д. Шубарта¹⁰ “*In Lybien starb mal ein Löwe...*”. Согласно мнению В.Н. Антонова, Фонвизин познакомился с текстом Шубарта в 1777 году: «Скорее всего, именно во время путешествия 1777 года Фонвизин получил доступ к номерам «Немецкой хроники» — периодического издания Х.Ф.Д. Шубарта» (Антонов, 1987: 23) Фонвизин опубликовал эту басню в 1787 году в сборнике «Распускающийся цветок» под названием «Лисица-Кознодей». При этом басня “*In Lybien starb mal ein Löwe...*”, написанная в прозе, переведена Фонвизиним стихами.

В последние годы жизни Фонвизин практически отошёл от перевода, его творческое наследие составляют в основном статьи для журналов. Также в этот период писатель напряженно работал над текстом автобиографического произведения «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях».

---

¹⁰ Шубарт Х.Ф.Д. (1739–1791) — немецкий поэт, композитор и журналист. Его поэтическое творчество относят к направлению «Бури и натиска». Шубарт издавал журнал «Немецкая хроника», где и поместил басню, послужившую источником для перевода Фонвизина.

Значение переводческой деятельности Фонвизина трудно переоценить. В своих переводах Фонвизин стремился приблизить произведения западных классиков к русской культуре и традициям, делая их доступными и интересными для русского читателя, при этом отдавая дань оригиналу. Переводы Д.И. Фонвизина способствовали развитию русской литературы и культуры, обогащая её новыми произведениями и идеями.

Список литературы

Антонов В.Н. Фонвизин и Германия // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей. М., 1987.

Гуковский Г.А. Фонвизин // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. IV: Литература XVIII века. Ч. 2., 1947. С. 152–200.

Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М., 1997.

Евреинов Н.Н. История русского театра с древнейших времен до 1917 года. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1955.

Копосова Т.А. Фонвизин и Германия // Дисс. на соиск. степени магистра филологии, СПб., 2017.

Кочеткова Н.Д. Фонвизин Д.И. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010.

Макогоненко Г.П. История изданий сочинений Д.И. Фонвизина и судьба его литературного наследия // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1959.

Новиков Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях // Новиков Н.И. Избранные произведения. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1951. С. 277–370.

Пигарев К.В. Творчество Фонвизина. М., 1954.

Рак В.Д. Об одном раннем переводе Фонвизина. XVIII век. Сб. 18. СПб., 1993.

Половцов А.А. Русский биографический словарь А.А. Половцова. Рейхель. Т. 16. СПб., 1913.

Половцов А.А. Русский биографический словарь А.А. Половцова. Фонвизин. Т. 21. СПб., 1901.

Рейхель И.Г. Известие и опыт о российском переводе «Сифа» // Собрание лучших сочинений, 1762. Ч. III.

Рудаков В.Е. Рейхель. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб., 1899.

Тихонравов Н.С. Д.И. Фон-Визин // Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 3. М., 1898.

Тома А.-Л. Слово похвальное Марку Аврелию. Переведено с французского [Д.И. Фонвизиним]. СПб., 1777.

Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. М.; Л.: Гос. издательство Художественной литературы, 1959. Т. 2.

Фонвизин Д.И. Предисловие к переводу романа «Геройская добродетель, или жизнь Сифа, царя египетского» // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. М., 1959. Т. 1.

Шевырёв С.П. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского московского университета. М., 1855.

Электронные ресурсы:

<http://elibrary.ru/item.asp?id=21736841>

https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/7314/1/Magisterskaya_dissertaciya_Fonvizin_i_Germaniya.docx

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/29992/%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%BD#1

References

Antonov V.N. (1987) Fonvizin i Germaniya. Iz istorii russko-nemeczkix literaturny`x vzaimosvyazej = Fonvizin and Germany. From the history of Russian-German literary interrelations. Moscow (In Russian).

Dolgorukov I.M. (1997) Kapishche moego serdtsa = The temple of my heart. Moscow (In Russian).

Evreinov N.N. (1955) Istoriya russkogo teatra s drevneishikh vremen do 1917 goda = The history of the Russian theater from ancient times to 1917 year. New York: Izd-vo imeni Chekhova (In Russian).

Fonvizin D.I. (1959) Chistoserdechnoe priznanie v delakh moikh i pomishleniyakh = A sincere confession in my deeds and thoughts Fonvizin D.I. Sbranie sochinenii: v 2 vol. Vol. 2. Moscow — Leningrad: Gos. izd-vo xudozhestvennoj literatury` (In Russian).

Fonvizin D.I. (1959) Predislovie k perevodu romana “Geroiskaya dobrodetel, ili zhizn Sifa, tsarya yegipetskogo” = Preface to the translation of the novel “Heroic Virtue, or the life of Seth, King of Egypt”. Fonvizin D.I. Sbranie sochinenii: v 2 vol. Vol. 1. Moscow (In Russian).

Gukovskii G.A. (1947) Fonvizin. Istoriya russkoi literature = Fonvizin. History of Russian literature: In 10 vols. Vol. IV: Literatura XVIII veka. Moscow — Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1941–1956, pp. 152–200 (In Russian).

Kochetkova N.D. (2010) Fonvizin D.I. Slovar russkikh pisatelei XVIII veka = Fonvizin D. I. Dictionary of Russian writers of the XVIII century St. Petersburg (In Russian).

Koposova T.I. (2017) Fonvizin and Germany Dissertation for a Master's degree in Philology. Saint Petersburg (In Russian).

Makogonenko G.P. (1959) Istoriya izdaniy sochineniy D.I. Fonvizina i sudba yego literaturnogo nasledstva = The history of publications of D. I. Fonvizin's works and the fate of his literary legacy. Fonvizin D.I. Sbranie sochinenij: v 2 vol. Vol. 2. Moscow — Leningrad (In Russian).

Novikov N.I. (1951) Obit istoricheskogo slovary o rossiiskikh pisatelyakh = The experience of a historical dictionary about Russian writers. Novikov N.I. Izbrannie proizvedeniya. Moscow — Leningrad: Gos. izd-vo xudozh. lit., pp. 277–370 (In Russian).

Pigarev K. V. (1954) *Tvorchestvo Fonvizina* = Fonvizin's work. Moscow (In Russian).

Polovtsov A. A. (1913) *Russkii biograficheskii slovar* A. A. Polovtsova. Reikhel = Russian Biographical Dictionary by A. Polovtsov. Reichel. Vol. 16. St. Petersburg (In Russian).

Polovtsov A. A. (1901) *Russkii biograficheskii slovar* A. A. Polovtsova. Fonvizin =

Russian biographical dictionary A. Polovtsova. Fonvizin. Vol. 21. St. Petersburg (In Russian).

Рак V. D. (1993) *Ob odnom rannem perevode Fonvizina. XVIII vek.* = About an early translation by Fonvizin. XVIII century Coll. 18. St. Petersburg (In Russian).

Reikhel I. G. (1762) *Izvestie i opit o rossiiskom perevode "Sifa"* = Izvestia and experience in the Russian translation of "Sifa" *Sobranie luchshikh sochinenii*. Part III (In Russian).

Rudakov V. Ye. (1899) *Reikhel. Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Yefrona* = Reichel. Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 26. St. Petersburg (In Russian).

Shevirev S. P. (1855) *Biograficheskii slovar professorov i prepodavatelei Imperatorskogo moskovskogo universiteta* = Biographical Dictionary of professors and teachers of the Imperial Moscow University. Moscow (In Russian).

Tikhonravov N. S. (1898) *D. I. Fon-Vizin* = D. I. Von-Vizin. *Sochineniya*. Vol. 3. Moscow (In Russian).

Toma A. -L. (1777) *Slovo pokhvalnoe Marku Avreliyu. Perevedeno s frantsuzskogo D. I. Fonvizinim* = A word of praise to Marcus Aurelius. Translated from the French by D. I. Fonvizinim. St. Petersburg (In Russian).

Electronic resources:

<http://elibrary.ru/item.asp?id=21736841>

https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/7314/1/Magisterskaya_dissertaciya_Fonvizin_i_Germaniya.docx

http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/29992/%D0%A4%D0%BE%D0%BD%D0%B2%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D0%BD#1

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Есакова Мария Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методологии перевода, МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет Высшая школа перевода, Ленинские горы, д. 1; maria_esakova@mail.ru

Кольцова Юлия Николаевна — кандидат культурологии, доцент кафедры теории и методологии перевода, МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет Высшая школа перевода, Ленинские горы, д. 1; koltsova-73@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Maria N. Yesakova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Translation, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Higher School of Translation, Leninskie Gory, 1; maria_esakova@mail.ru

Yulia N. Koltsova — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Translation, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Higher School of Translation, Leninskie Gory, 1; koltsova-73@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the authors state that there is no conflict of interests.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-137-164

УСТНЫЙ СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД И МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА: РОЛЬ И МЕСТО УНИВЕРСИТЕТА В РАЗВИТИИ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Дарья Сергеевна Зигмантович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: dashazigmantovich@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в описании вклада Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в лице его выпускников, аспирантов, преподавателей, доцентов и профессоров в проведение исследований и способствование открытиям различного рода, которые повлияли на научные изыскания в отношении устного синхронного перевода и развитие его практики в СССР и России. В статье раскрывается то, каким образом научные исследования трудившихся в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова советских психологов, лингвистов и психолингвистов, а также практическая и научная деятельность и образовательные инициативы российских переводчиков и преподавателей способствовали и способствуют по сей день прогрессу в отношении устного синхронного перевода. Автором последовательно рассматриваются ключевые положения трудов учёных и специалистов, имеющих непосредственное отношение к Московскому университету, которые в разное время внесли значительный вклад в развитие теории, практики, методологии и дидактики устного синхронного перевода. Особое внимание уделяется ключевым исследованиям, которые были использованы советскими и российскими учёными при изучении этой сложной разновидности переводческой деятельности. В результате автором статьи выделяется три группы

исследователей, которые так или иначе оказались связаны с жизнью Московского университета в советское время и которые вошли в историю как своей научной области, так и теории перевода.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, теория устного перевода, практика устного перевода, дидактика устного перевода, история устного перевода, психолингвистика, психология, лингвистика, переводоведение, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Для цитирования: Зигмантович Д.С. Устный синхронный перевод и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова: роль и место Университета в развитии науки и практики // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 137–164. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-137-164

Статья поступила в редакцию 15.09.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024;
принята к публикации 01.10.2024.

SIMULTANEOUS INTERPRETING AND LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY: THE ROLE AND PLACE OF THE UNIVERSITY IN THE DEVELOPMENT OF SCIENCE AND PRAXIS

Daria S. Zigmantovich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: dashazigmantovich@mail.ru

Abstract. The paper deals with the study of Lomonosov Moscow State University's contribution to conducting research and facilitating various discoveries that influenced and facilitated simultaneous interpreting research and the development of its praxis in the USSR and Russia alike. Represented by its graduates, postgraduates, teachers, associate professors and professors, Lomonosov Moscow State University made a significant contribution to the development of the theory, praxis, methodology and didactics of simultaneous interpreting. The paper reveals how the scientific research of Soviet psychologists, linguists and psycholinguists working at different times at Lomonosov Moscow State University, as well as the practical and scientific activities and educational initiatives of Russian translators and lecturers, contributed and continue to contribute to the scientific progress. The author consistently ex-

amines the key works and studies of scientists and specialists directly related to Lomonosov Moscow State University, that were used by Soviet and Russian scientists in studying this complex type of cognitive and communicative activity. As a result, the author identifies three groups of researchers who, in one way or another, were connected with the life of Lomonosov Moscow State University in the Soviet times and who entered the history of both their scientific field and translation theory.

Keywords: simultaneous interpreting, interpreting theory, interpreting praxis, interpreting didactics, interpreting history, psycholinguistics, psychology, linguistics, translation studies, Lomonosov Moscow State University

For citation: *Zigmantovich D.S. (2024) Simultaneous interpreting and Lomonosov Moscow State University: the role and place of the University in the development of science and practice. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 4. P. 137–164. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-137-164*

The article was received on September 15, 2024;
approved after reviewing on September 26, 2024;
accepted for publication on October 01, 2024.

Введение

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова в лице его выпускников, аспирантов, преподавателей, докторов и профессоров внёс и до сих пор вносит значительный вклад в исследования устного синхронного перевода. Открытия и выводы, сделанные в советскую эпоху, до сих играют важную роль при изучении устного перевода на современном этапе и цитируются видными деятелями науки. Плеяду так или иначе относящихся к МГУ имени М.В. Ломоносова исследователей, трудившихся в советское время, мы предлагаем разделить на три группы:

- 1) выпускники Московского университета, которые связали свой профессиональный путь с другими высшими учебными заведениями России, но чьи имена увековечены в истории их альма-матер;
- 2) выпускники Московского университета, которые после его окончания остались в его стенах, где и занимались различными научными изысканиями;
- 3) выпускники иных высших учебных заведений России, которые в течение определённого периода времени занимали

различные должности в Московском университете и проводили соответствующие исследования.

В настоящее время выпускники, аспиранты, преподаватели, доценты и профессора на различных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова занимаются изучением устного синхронного перевода с опорой на научные открытия выдающихся учёных советского периода.

Междисциплинарный подход в изучении особенностей деятельности синхронных переводчиков с позиций психологии, психолингвистики, переводоведения, когнитивных наук и дискурсологии имеет большое значение для исследований устного перевода. Отметим, что на начальном этапе существования устного синхронного перевода соответствующие научные изыскания проводились в основном психологами или, как их назвал французский переводчик и лингвист Д. Жиль, «внешними исследователями» (франц. *scientifiques “extérieurs”*) — специалистами, которые обращались к исследованию синхронного перевода для решения задач своей научной области (Gile, 1995: 203–204). В отличие от западноевропейских учёных, которые проводили эксперименты в отсутствии сотрудничества с практикующими переводчиками (Röchhacker, 2015: 63), советские психологи занимались этим вместе с ними, и в работах советских переводчиков и преподавателей всегда присутствуют отсылки к фундаментальным трудам и открытиям психологов и психолингвистов. Научные деятели, чья судьба так или иначе связана с МГУ имени М.В. Ломоносова, не стали исключением. На их достижениях основаны фундаментальные открытия выдающихся исследователей и преподавателей устного перевода — Р.К. Миньяр-Белоручева, Г.В. Чернова, А.Ф. Ширяева, — которые в своих работах цитируют ключевые труды психологов, лингвистов и психолингвистов при обосновании теорий, создании моделей и разработке методик. Крупные и важные исследования проводились и до сих пор проводятся на нескольких факультетах Московского университета: историко-филологическом факультете (до 1921 г.), факультете общественных наук (до 1925 г.), философском факультете, факультете психологии, механико-математическом факультете, физическом факультете, филологическом факультете, факультете иностранных языков и регионоведения, на факультете Высшая школа перевода и на факультете Институт стран Азии и Африки.

1. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова в советский период: фундамент для исследований устного синхронного перевода

1.1. *Выпускники Московского университета: научно-педагогическая деятельность за пределами альма-матер*

К первой группе исследователей мы отнесли выпускников Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, чьи имена увековечены в истории их альма-матер, несмотря на то, что после её окончания они связали свой профессиональный и научный путь с другими высшими учебными заведениями СССР и России.

Вопрос распределения внимания между восприятием и порождением речи, занимающий одно из центральных мест в сфере устного синхронного перевода, рассматривался и изучался несколькими исследователями первой группы. Речь, в частности, идёт о советском учёном-психологе и первом в СССР докторе психологических наук Николае Федоровиче Добрынине. Он окончил историко-филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова в 1915 году, а затем в разное время трудился в Московском индустриально-педагогическом институте имени Карла Либкнехта и в Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина (далее МГПИ имени В.И. Ленина; ныне Московский педагогический государственный университет). В центре его исследований — вопросы распределения внимания, выводы по которым оказались применимы к устному синхронному переводу (Добрынин, 1973).

Другой выпускник (1916 г.) историко-филологического факультета Московского университета — советский лингвист и психолог, доктор педагогических наук Николай Иванович Жинкин, трудившийся позднее в Институте психологии. Учёный занимался исследованиями психологических и психофизиологических механизмов порождения речевых высказываний, процессов восприятия, понимания и порождения текста как целостного психолингвистического явления, а также разрабатывал психологические проблемы речевой коммуникации, понимания текста и развития речи учащихся. Именно Н.И. Жинкин заложил основы отечественной психолингвистики, с позиций которой в Советском Союзе и осуществлялось изучение особенностей и механизмов устного синхронного перевода. Психолингвистический подход охватывает комплекс проблем и вопросов, связанных со связью речемыслительных и психологических процессов осуществления перевода: одновременность

процессов восприятия и говорения, многоканальность переработки информации; роль памяти, запаздывание речи, распределение внимания; паузация, темп речи оратора и переводчика (Цвиллинг, 1966; Чернов, 1978; Ширяев, 1979). Рассуждения Н.И. Жинкина о том, что на глубинном уровне речемыслительной деятельности «теряется различие между значением и смыслом» (Жинкин, 1967: 2375) легли в основу схемы семантико-смысловой структуры Г.В. Чернова (Чернов, 1978). Кроме того, Н.И. Жинкин разработал понятие смысла в речи. Смыслом он обозначил «такой информационный ряд, который может быть преобразован в последовательность синонимически заменяемых слов, но сам не является рядом слов, и такой, который ограничивает информацию определёнными рамками, в пределах которых начатый ряд может быть продолжен. <...> Так как слова могут быть преобразованы в смысл и наоборот, то смысл — это код» (Жинкин, 1970: 83). Чернов Г.В. опирается на это определение при объяснении действия механизма вероятностного прогнозирования, уточняя, что смысл — это сочетание не слов, а их значений (Чернов, 1978: 86). Жинкину Н.И. принадлежат и другие важные научные открытия, которые составили основу исследований советских и российских специалистов. Речь, в частности, идёт об иерархии предикативных отношений в тексте (Жинкин, 1956), вопросах восприятия и узнавания (Жинкин, 1967), а также роли оперативной речевой памяти в перекодировании «слов на смысл» и «смысла на слова» того или иного сообщения (Жинкин, 1970: 81).

Следующая ключевая фигура в первой выделенной нами группе — советский и российский психолог, исследователь в области возрастной психологии и психологии развития, кандидат психологических наук Антонина Григорьевна Рузская, окончившая отделение русского языка, логики и психологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 1951 году и трудившаяся впоследствии в лаборатории психического развития дошкольников в Психологическом институте. Вместе с рядом других выдающихся специалистов того времени, как А.В. Запорожец, Л.А. Венгер и В.П. Зинченко, она внесла вклад в формулировку положений психологии деятельности о встречной активности мозга при восприятии (Запорожец и др., 1967), которые легли в основу гипотезы о действии механизма вероятностного прогнозирования в процессе устного синхронного перевода, который составляет базу вероятностно-прогностической модели, разработанной Г.В. Черновым (Чернов, 1978).

Другая выпускница (1955 г.) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — советский и российский лингвист и психолог, доктор филологических наук Ревекка Марковна Фрумкина, которая трудилась с 1958 года в Институте языкознания АН СССР (ныне Институт языкознания РАН). Она, как и многие её современники, также занималась исследованием вопросов прогнозирования в отношении процессов речевой деятельности. В одной из её работ показано, что механизм вероятностного прогнозирования лежит в основе многих сторон психической деятельности человека, в том числе в основе речевой деятельности (Фрумкина, 1971).

Данная группа исследователей также представлена доктором педагогических наук Вениамином Ноевичем Пушкиным — советский учёный-психолог и специалист в области психологии труда, психологии мышления и творчества, связи психологии и кибернетики, теории и философии психологии. Окончив в 1956 году психологическое отделение философского факультета, он связал свою профессиональную жизнь с Институтом общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. На его рассуждения о признании эвристического характера процессов восприятия и порождения высказываний, что является одним из важных методологических принципов, определяющим понимание процесса речевой деятельности (Пушкин и др., 1969), опирается в своих изысканиях А.Ф. Ширяев (Ширяев, 1979). Иными словами, при выработке способа действия и его реализации переводчик может избирать различные стратегии в зависимости от конкретных условий деятельности.

1.2. Выпускники Московского университета: формирование и укрепление научного потенциала альма-матер

Вторая группа учёных более обширна по сравнению с описанной выше. Её составляют выпускники Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, которые после его окончания остались в его стенах, где и занимались различными научными изысканиями. В эту группу входит ряд выдающихся исследователей, которые внесли значительный вклад не только в исследования устного перевода, но и в само функционирование и существование Московского университета. Одним из таких учёных является советский психолог, философ и педагог, доктор педагогических наук Алексей Николаевич Леонтьев, окончивший в 1924 году факультет общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова. В центре его на-

учных изысканий — проблемы общей психологии и методология психологического исследования. Вся жизнь А.Н. Леонтьева была связана с Московским университетом, и он внёс выдающийся вклад в само его функционирование: в 1966 году он основал факультет психологии, деканом которого он был более двенадцати лет. Он способствовал разработке положений психологии деятельности о встречной активности мозга при восприятии и указывал на то, что механизм вероятностного прогнозирования лежит в основе многих сторон психической деятельности человека, в том числе в основе речевой деятельности (Леонтьев, 1972; 1975). Механизм «<...> вероятностного прогнозирования поступающего к переводчику сообщения и механизм упреждающего синтеза при порождении переводчиком сообщения на языке перевода» лёг в основу разработанной Г.В. Черновым вероятностно-прогностической модели (Чернов, 1978: 54). Вслед за А.Н. Леонтьевым он указывает на то, что данный механизм свойственен психической деятельности человека и в полной мере проявляется именно в устном синхронном переводе. Размышления А.Н. Леонтьева об «условиях задачи» легли в основу описания первой фазы ориентирования созданной А.Ф. Ширяевым модели устного синхронного перевода (Ширяев, 1979). С общепсихологических позиций под условиями задачи понимается ситуация, требующая от субъекта некоторого действия (Леонтьев, 1972).

Сын А.Н. Леонтьева советский и российский лингвист, психолог, доктор психологических наук и доктор филологических наук Алексей Алексеевич Леонтьев также связал свою жизнь с Московским университетом. В 1958 году он окончил романо-германское отделение филологического факультета. До начала работы в альма-матер он трудился в Институте языкознания АН СССР, Институте русского языка имени А.С. Пушкина и МГПИ имени В.И. Ленина. С 1997 года он стал профессором кафедры психологии личности факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. В одном из своих фундаментальных трудов А.А. Леонтьев рассматривает вопросы заданности извне внутренней программы высказывания, порождаемого синхронистом, говорит о разрывности этой программы, а также ставит вопрос об инварианте в переводе. Учёный указывает на то, что при порождении высказывания учитывается целая цепь предыдущих высказываний, происходит своего рода кумуляция их содержания (Леонтьев, 1969). Важны также и выдвигаемые положения об особенностях восприятия в условиях синхронного перевода с различной степенью полноты включения

уровней смыслового прогнозирования, что отражается на характере внутренней программы высказывания самого переводчика в процессе симультанного порождения им речи на языке перевода. Он подчёркивал, что механизм прогнозирования, о котором писал его отец, зависит от информационной насыщенности. Эти рассуждения также легли в основу упомянутой выше модели Г.В. Чернова (Чернов, 1978). А.Ф. Ширяев тоже использовал рассуждения А.А. Леонтьева при описании второй фазы предлагаемой им модели — фазы поиска и принятия переводческих решений (Ширяев, 1979). Многошаговость, свойственная внутренней структуре и организации речевой деятельности вообще (Леонтьев, 1974), заключается в необходимости принимать определённое решение перед каждым шагом на пути к достижению конечной цели.

Обратимся к рассмотрению трудов других выдающихся выпускников-исследователей Московского университета, которые внесли вклад в развитие исследований устного синхронного перевода.

Советский психолог, кандидат педагогических наук и доктор психологических наук Леонид Абрамович Венгер окончил в 1951 году психологическое отделение философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Он был профессором в МГПИ имени В.И. Ленина и читал курс лекций на факультете психологии Московского университета. Вместе с коллегами Л.А. Венгер сформулировал уже упомянутое выше положение о встречной активности мозга при восприятии (Запорожец и др., 1967).

Большую работу в области теории, истории и методологии психологии, психологии развития, детской психологии, экспериментальной когнитивной психологии и инженерной психологии проводил советский и российский психолог, доктор психологических наук Владимир Петрович Зинченко, который окончил в 1953 году отделение психологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В течение 22 лет он преподавал в своей альма-матер и в 1970 году организовал и возглавил кафедру психологии труда и инженерной психологии. Вместе с коллегами он сформулировал упомянутое выше положение о встречной активности мозга при восприятии (Запорожец и др., 1967).

С вопросами избыточности, положения о которой были необходимы Г.В. Чернову при создании вероятностно-прогностической модели устного синхронного перевода, работали братья-близнецы — советский и американский физик, математик, доктор физико-математических наук Акива Моисеевич Яглом и советский геометр, доктор физико-математических наук Исаак Моисеевич

Яглом. В 1938 году братья поступили в Московский университет: Исаак — на механико-математический факультет, а Акива — на физический факультет. Оба они преподавали в Московском университете: Исаак был доцентом кафедры анализа и дифференциальной геометрии, а Акива — профессором кафедры «Теория вероятностей». При обосновании избыточности сообщения в связке с прогнозированием Г.В. Чернов указывает на то, что речь идёт о явлении «взаимосвязанности, взаимозависимости, повторяемости элементов в цепи событий» (Чернов, 1978: 56). Опираясь на теоретико-информационный подход к вычислению избыточности языка, Г.В. Чернов упоминает работу А.М. и И.М. Ягломов и их выводы относительно того, что любой специальный язык (например, научный или технический текст) имеет, как правило, «избыточность выше средней из-за меньшего количества употребляемых слов и наличия часто повторяющихся терминов и оборотов» (Яглом А.М., Яглом И.М., 1973: 257).

Другой выпускник механико-математического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (1946 г.) — советский и российский математик, кибернетик, философ, логик, специалист по информатике, методологии науки, математической лингвистике и философии религии, кандидат физико-математических наук и доктор философских наук Юлий Анатольевич Шрейдер — также преподавал в стенах своей альма-матер. Его открытия нашли своё применение в отношении определения степени избыточности текста. Ю.А. Шрейдер попытался создать «семантическую теорию информации» и учесть субъективную избыточность сообщения (Шрейдер, 1974: 140). Важно также и то, что Ю.А. Шрейдер писал об учёте «представлений о внешнем мире» и сведений, содержащихся в памяти, — в «тезаурусе» (Шрейдер, 1965: 233–235). Данные выводы Г.В. Чернов использовал для обоснования психолингвистической сущности субъективной избыточности или информативности сообщения для синхрониста как основы для вероятностного прогнозирования: учёт сведений, содержащихся в «тезаурусе» переводчика, оказывает непосредственное влияние на процесс вероятностного прогнозирования, осуществляемый синхронным переводчиком во время перевода. Кроме этого, реальная избыточность сообщения для переводчика полностью зависит от его знаний в данной специальной области и от его опыта перевода специальных сообщений (Чернов, 1978: 60).

Советский и российский лингвист, семиотик и доктор филологических наук Юрий Сергеевич Степанов окончил в 1953 году

испанское отделение филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. В течение длительного отрезка времени он был заведующим кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания Московского университета. Он указывал на то, что в ораторской речи на французском языке ритмико-мелодическое членение речевого потока на синтагмы выступает очень четко, и вычленение синтагмы на слух не представляет особых трудностей при осуществлении устного перевода (Степанов, 1966: 218).

Психолог, кандидат психологических наук Елена Петровна Кринчик окончила отделение психологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 1956 году. Вместе с упомянутым выше А.Н. Леонтьевым, под чьим научным руководством была написана и защищена диссертация на соискание степени кандидата наук, она указывала на то, что механизм вероятностного прогнозирования лежит в основе многих сторон психической деятельности человека, в том числе в основе речевой деятельности (Леонтьев, Кринчик, 1961).

Замыкает описываемую вторую группу советский и российский психолог, специалист в области психологии мышления, доктор психологических наук Олег Константинович Тихомиров, который окончил отделение психологии философского факультета в 1956 году. Долгое время он был заведующим кафедрой общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Размышления О.К. Тихомирова о том, что мышлению человека свойственна избирательность при обработке поступающей информации (Тихомиров, 1965), легли в основу научных изысканий А.Ф. Ширяева (Ширяев, 1979).

1.3. «Мосты знаний»: выпускники советских высших учебных заведений в Московском университете

Третью группу учёных составляют выпускники иных высших учебных заведений СССР, которые в течение определённого периода времени занимали различные должности в Московском университете и занимались научными изысканиями, которые повлияли на исследования устного синхронного перевода.

Так, советский физиолог и создатель теории функциональных систем, доктор медицинских наук Петр Кузьмич Анохин окончил Ленинградский государственный институт медицинских знаний (ныне Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова). В годы войны он был избран профессором на кафедру физиологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Из

его исследований особую важность для советских переводчиков и учёных имели размышления об опережающем отражении действительности и событий внешнего мира в живой протоплазме, которое лежит в основе понятия вероятностного прогнозирования. В советской физиологической школе оно определяется как «основная форма приспособления живой материи к пространственно-временной структуре неорганического мира, в котором последовательность и повторяемость являются основными временными параметрами» (Анохин, 1968). Отметим, что в его работах показано: механизм вероятностного прогнозирования лежит в основе многих сторон психической деятельности человека, в том числе в основе речевой деятельности, о чём неоднократно писалось выше (Анохин, 1935; 1968). Таким образом, его рассуждения также легли в основу разработанной Г.В. Черновым модели устного синхронного перевода (Чернов, 1978). Другие научные изыскания П.К. Анохина были использованы А.Ф. Ширяевым (Ширяев, 1979) при моделировании процесса устного синхронного перевода и при описании трёхфазности деятельности синхронного переводчика: а) звена ориентирования в условиях задачи путём нащупывания ориентиров, релевантных для действия, или путём опознания знакомой ситуации; б) звена выработки или выбора плана действия соответственно двум различным видам ориентирования; в) звена принятия решения об осуществлении действия (Анохин, 1966).

Другой советский и российский учёный, специалист в области нейронаук и основоположник советской психофизиологии — кандидат философских наук и доктор биологических наук Евгений Николаевич Соколов. В 1946 году он экстерном окончил Московский институт иностранных языков имени М. Тореца (ныне Московский государственный лингвистический университет). С 1950-х гг. он начал трудиться в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова, и его имя вошло в историю развития факультета психологии. В 1966 году кафедра психологии философского факультета МГУ, где работал Е.Н. Соколов, была преобразована в факультет психологии, а в 1971 году он организовал и возглавил кафедру психофизиологии. В своих работах он, как и многие из его современников, указывал на то, что важный для синхронного перевода механизм вероятностного прогнозирования лежит в основе многих сторон психической деятельности человека, в том числе в основе речевой деятельности (Соколов, 1960).

Советский лингвист, доктор филологических наук Владимир Андреевич Звегинцев также внёс свой вклад в исследования уст-

ного синхронного перевода. В 1937 году он окончил факультет иностранных языков Ташкентского учебного педагогического института, а 1950 года начал работу в МГУ имени М.В. Ломоносова на филологическом факультете. Спустя десять лет — в 1960 году — он возглавил созданное на филологическом факультете отделение теоретической и прикладной лингвистики, а впоследствии — кафедру структурной и прикладной лингвистики, которой заведовал более двух десятилетий. Его размышления об избыточности сообщения легли в основу научных изысканий А.Ф. Ширяева (Ширяев, 1979). Он указывал на то, избыточность языка следует рассматривать как наличие в речевой цепи ряда единиц различных языковых уровней, дублирующих друг друга и обеспечивающих надёжность коммуникации (Звегинцев, 1967: 248).

Другая видная фигура в истории исследований, проводимых в МГУ имени М.В. Ломоносова, — советский психолог Лев Семёнович Выготский. Свой путь в Московский университет он начал ещё в 1913 году, поступив на медицинский факультет и переведясь впоследствии на юридический, однако в 1917 году он оставил учёбу на этом факультете. Он закончил своё обучение на историко-философском факультете Московского городского народного университета имени А.Л. Шанявского. Впоследствии Л.С. Выготский вернулся в стены Московского университета, где осуществлял преподавательскую деятельность. При обосновании своей модели устного синхронного перевода А.Ф. Ширяев руководствовался рядом методологических принципов (Ширяев, 1979), первым из которых является «анализ по единицам», предложенный Л.С. Выготским. Речь идёт о разложении деятельности переводчика на такие части, каждая из которых несёт в себе все основные свойства, присущие деятельности в целом, и не может быть далее разложена без потери этих свойств (см. Выготский, 1956: 46). Изучение полученных таким способом единиц позволяет произвести моделирование деятельности, складывающейся из этих единиц.

Ещё один видный специалист, чьи рассуждения были использованы учёными при исследовании устного синхронного перевода, тесно связал свою профессиональную деятельность с Московским университетом: речь идёт о советском лингвисте, докторе филологических наук Ольге Сергеевне Ахмановой, которая в 1924 году окончила Сухумский индустриальный техникум, а в 1926 году — Курсы иностранных языков. С 1946 года она начала трудиться в стенах Московского университета и была профессором филологического факультета. Её размышления в области избыточности

сообщения легли в основу ряда исследований советских специалистов. Она указывала на то, что избыточность в речевой цепи представляет собой необходимый запас прочности, ориентированный на условия общения и учитывающий особенности механизма понимания, что позволяет обеспечивать бесперебойное функционирование этого механизма в сложных условиях. Избыточность может рассматриваться также «...как возможность предсказания вероятности появления каждого следующего элемента в линейном ряду сообщения (в речевой цепи), обусловленная ограничениями, накладываемыми на сочетаемость единиц свойствами данной семиологической структуры» (Ахманова, 1969: 167).

Ещё одна выдающаяся фигура для истории исследований, проводимых в Московском университете, — советский и российский лингвист, доктор филологических наук Владимир Григорьевич Гак, который в 1949 году окончил Московский военный институт иностранных языков и заочно исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Последним местом его работы была кафедра французского языка факультета иностранных языков и регионоведения, где В.Г. Гак преподавал теоретические курсы по сопоставительному языкознанию. Он неоднократно упоминается в работах советских специалистов в том, что касается, в частности, проблемы семантической синтагматики в связи с описанием вопросов избыточности исходного сообщения (Гак, 1971).

2. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова в постсоветский период: новые горизонты и сохранение традиций в исследованиях устного синхронного перевода

В настоящее время исследования устного синхронного перевода (практико-ориентированного и дидактического характера) ведутся на нескольких факультетах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, но фокус внимания учёных сместился. В XX столетии психологи, психолингвисты и лингвисты (как выпускники, так и сотрудники Московского университета) практически не упоминали в своих исследованиях устный синхронный перевод: они занимались открытиями в своей научной области, а другие специалисты — главным образом, практикующие переводчики и преподаватели, не относящиеся к МГУ имени М.В. Ломоносова, — опирались на их фундаментальные труды с целью усовершенствовать дидактику и практику устного перевода, предложить свою методику преподавания, а также глубже изучить

механизмы устного синхронного перевода для создания соответствующих моделей.

Сегодня проводимая в стенах Московского университета работа преследует те же цели, но исследования ведутся самими преподавателями, доцентами и профессорами с опорой на научные открытия выдающихся учёных XX века (в том числе и на описанные в первых частях настоящей статьи размышления).

Крупномасштабная работа ведётся в стенах Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, которая отметит в 2025 году свой 20-летний юбилей. Факультет занимается подготовкой специалистов в области теории, истории и методологии перевода и межкультурной коммуникации; большая работа проводится по формированию у студентов компетенций, необходимых для осуществления устного перевода (как последовательного, так и синхронного) на высоком профессиональном уровне. Трудоёмкая работа проводится как выпускниками факультета, которые после его окончания связали свою профессиональную и научную жизнь с Высшей школой перевода, так и преподавателями, доцентами и профессорами, которые окончили другие факультеты МГУ имени М.В. Ломоносова (филологический факультет, факультет иностранных языков и регионоведения) и другие высшие учебные заведения СССР и России. Исследования устного синхронного перевода ведутся в разных направлениях:

- история устного перевода (Гарбовский, 2013; 2015; Зигмантович, 2017; Матасов, 2008; 2010);
- эрратология устного перевода (Литвинова, 2015; Серкова, 2020);
- теория и методология устного перевода (Зигмантович, 2016; 2020а; Костикова, 2018; Лю Вэньцзя, 2022а; 2023; Серикова, 2020; Шебаршина, 2020; 2021; Юе Жуйин, 2017а; 2017б; 2020);
- дидактика и практика устного перевода (Васина, 2015; 2016; 2020; 2023а; 2023б; Зигмантович, 2018; 2020б; 2021; 2022; Лю Вэньцзя, 2022б; Юе Жуйин, 2018; 2019) и др.

Выпускники Высшей школы перевода (факультета) проводят исследования на базе своего факультета и защищают и / или готовят к защите диссертационные исследования на соискание научных степеней (см., в частности, работы Зигмантович Д.С., Юе Жуйин и Лю Вэньцзя).

На других факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова также проводится работа по описанию и исследованию особенностей и механизмов устного синхронного перевода, но менее активная:

- на филологическом факультете ряд работ, посвящённых описанию речевой компрессии и механизмов порождения и функционирования спонтанной устной речи и их влиянию на спонтанную устную речь переводчика в синхронном переводе, принадлежит М.Э. Конурбаеву и Э.Р. Ганеевой (Конурбаев, Ганеева, 2022; 2023; 2024), и А.Г. Анисимова в соавторстве с И.Н. Фоминой написали ряд работ по дидактике устного синхронного перевода (Анисимова, 2017; Анисимова, Фомина, 2021; 2024);
- на факультете иностранных языков и регионоведения описанию когнитивных и прагматических аспектов синхронного перевода и особенностей перевода политических выступлений посвятили ряд своих работ А.Ю. Калинин и М.В. Михайловская (Калинин, 2021; Михайловская 2023; Калинин, Михайловская, 2019а; 2019б);
- на факультете Институт стран Азии и Африки вопросы дидактики устного синхронного перевода легли в основу исследований Е.А. Огановой (Оганова, 2023) и Л.В. Васильевой (Васильева, 2019).

Заключение

Вклад Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в лице его выпускников, аспирантов, преподавателей, доцентов и профессоров в проведение исследований устного синхронного перевода огромен. Ряд крупных трудов был написан представителями Московского университета (по большей части психологами и психолингвистами) в XX веке. На их достижения опирались в своих научных изысканиях выдающиеся переводчики и преподаватели — в частности, Р.К. Миньяр-Белоручев, Г.В. Чернов и А.Ф. Ширяев (которые, однако, в стенах Московского университета не трудились) — как при разработке собственных моделей перевода и методик преподавания, так и при обосновании ключевых положений их собственных открытий. Подход к устному переводу, избранный этими учёными, является психолингвистическим и базируется на принципах советской школы теории речевой деятельности. Психолингвистический подход к синхронному переводу означает его деятельностьное представление, т.е. трактовку его как определённого вида деятельности. Таким образом, прослеживается четкая преемственность в передаче и трансляции научного знания от учёных, трудившихся в т.ч. в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова, целой плеяде отечественных исследователей.

В XXI веке исследования устного синхронного перевода продолжают проводиться в стенах МГУ имени М.В. Ломоносова. Учёные преследуют те же цели, что и советские специалисты: совершенствование методики и практики устного перевода. Однако теперь соответствующие открытия делаются непосредственно самими преподавателями, доцентами и профессорами — практикующими переводчиками, — которые опираются на опыт своих предшественников и современников, жизнь которых напрямую связана с их альма-матер — Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова, который в 2025 году отметит свой 270-летний юбилей.

Список литературы

Анисимова А.Г. Синхронный перевод: политика, экономика, право // Сборник учебных программ курсов по выбору кафедры английской филологии. Баку: Изд-во Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Баку, 2017. С. 66–75.

Анисимова А.Г., Фомина И.Н. Обучение синхронному переводу: комплексный подход // Ахмановские чтения 2020; под ред. О.В. Александровой, Е.В. Михайловской, И.Н. Фоминой. М.: Изд-во «Наука», 2021. С. 24–25.

Анисимова А.Г., Фомина И.Н. Преподавание экономической терминологии в рамках курса устного перевода // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2024. С. 4–21.

Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Изд-во «Медицина», 1968. 546 с.

Анохин П.К. Проблема центра и периферии в современной физиологии нервной деятельности // Проблема центра и периферии в физиологии нервной деятельности; под ред. П.К. Анохина. Горький, 1935. С. 9–70.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.

Васильева Л.В. Теневой повтор (shadowing) на занятиях по аудированию как первый шаг к обучению синхронному переводу // Японский язык в вузе, Материалы научно-методической конференции Методика преподавания японского языка в вузе; под ред. Л.Т. Нечаева. Т. 18. М.: Изд-во «Ключ-С», 2019. С. 11–17.

Васина Е.А. Высшее образование в период эпидемий — опыт преподавания синхронного перевода в условиях дистанционного режима обучения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 3–20.

Васина Е.А. Проектно-ориентированное обучение синхронных переводчиков-китаистов в вузе // Мир науки, культуры, образования, 2023а. Т. 101, № 4. С. 13–16.

Васина Е.А. Профессионально-деятельностный подход в обучении синхронных переводчиков в вузе // Мир науки, культуры, образования, 2023б. Т. 99, № 2. С. 7–11.

Васина Е.А. Ритмика политического текста на китайском языке в зеркале синхронного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 2. С. 16–27.

Васина Е.А. Синхронный перевод с китайского языка на русский: особенности логических преобразований синтаксической структуры текста сообщения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 3. С. 50–59.

Выготский Л.С. Мышление и речь // Избранные психологические исследования. М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1956. С. 37–386.

Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 367–395.

Гарбовский Н.К. Российская школа перевода: традиции и вызовы XXI века // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2013. № 4. С. 36–50.

Гарбовский Н.К. Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 2. С. 3–16.

Добрынин Н.Ф. О новых исследованиях внимания // Вопросы психологии, 1973. № 3. С. 121–128.

Жинкин Н.И. Внутренние коды языка и внешние коды речи // To honor Roman Jakobson: essays on the occasion of his 70 birthday, 11. October 1966. Vol. 3. De Gruyter, 1967. С. 2355–2375.

Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // Язык и человек. М.: Изд-во МГУ, 1970. Вып. 4. С. 63–85.

Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Известия АПН РСФСР, 1956. Вып. 78. С. 141–250.

Запорожец А.В., Венгер Л.А., Зинченко В.П., Рузская А.Г. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожец. М.: Изд-во «Просвещение», 1967. 324 с.

Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Изд-во «Просвещение», 1967. 338 с.

Зигмантович Д.С. Воздействие паузации устной речи оратором на качество синхронного перевода // Litera, 2021. № 5. С. 71–80.

Зигмантович Д.С. Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 3. С. 41–57.

Зигмантович Д.С. Психологические модели устного синхронного перевода в европейской и советской научной мысли // Мир науки, культуры, образования, 2020а. Т. 83, № 4. С. 408–411.

Зигмантович Д.С. Синтаксические особенности исходных речевых произведений как дестабилизирующий фактор в устном синхронном переводе (на материале речей американских политиков) // Исследования языка и современное гуманитарное знание, 2022. Т. 4. № 1. С. 16–24.

Зигмантович Д.С. Скорость оратора и её влияние на деятельность устных синхронных переводчиков // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.: Изд-во «Неолит», 2018. С. 860–863.

Зигмантович Д.С. Устный синхронный перевод как особый вид речемыслительной деятельности: экспериментальное исследование // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020б. № 4. С. 21–41.

Зигмантович Д.С. Эволюция взглядов на устный перевод в западно-европейской научной традиции // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2017. № 4. С. 3–20.

Калинин А.Ю. Когнитивные и прагматические аспекты синхронного перевода на иностранный язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, 2021. Т. 844, № 2. С. 204–217.

Калинин А.Ю., Михайловская М.В. О дуалистическом принципе синхронного перевода (на материале перевода телетрансляций политических пресс-конференций) // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2019а. Т. 34, № 3. С. 119–130.

Калинин А.Ю., Михайловская М.В. Синхронный перевод политических пресс-конференций: работа в режиме «ретур» // Россия и Запад: диалог культур / Russia and the West: the Dialogue of Cultures, 2019б. № 22. С. 48–52.

Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. К вопросу о компрессии в синхронном переводе в разных видах дискурса // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2022. № 4. С. 59–78.

Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. К вопросу о функционально-смысловых типах спонтанной устной речи в синхронном переводе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2023. № 4. С. 9–24.

Конурбаев М.Э., Ганеева Э.Р. Когнитивные основы речевой компрессии в устном переводе // Вопросы когнитивной лингвистики, 2024. № 2. С. 24–32.

Костикова О.И. Когнитивная обработка информации с ономастическим компонентом в устном синхронном переводе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.: Изд-во «Неолит», 2018. С. 870–874.

Леонтьев А.А. Проблемы математического моделирования речевой деятельности // Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А.А. Леонтьев. М.: Изд-во «Наука», 1974. С. 73–80.

Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: «Наука», 1969. 306 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во «Мысль», 1972. 579 с.

Леонтьев А.Н., Кринчик Е.П. О применении теории информации в конкретно-психологических исследованиях // Вопросы психологии, 1961. № 5. С. 25–47.

Литвинова Г.М. Речевые ошибки обучающихся синхронному переводу // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы V Международной научной конференции, 2015. С. 716–724.

Лю Вэньцзя. Обучение переводу в Китае на современном этапе // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2022б. Т. 222, № 4. С. 155–167.

Лю Вэньцзя. Размышления об истории соединения синхронного перевода с искусственным интеллектом в Китае: 2017–2021 гг. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2023. № 2. С. 142–150.

Лю Вэньцзя. Теория и практика концепции обучения синхронному русско-китайскому переводу для китайских студентов // Litera, 2022а. № 6. С. 22–34.

Матасов Р.А. Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: *humani nihil a me alienum puto* // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2010. № 2. С. 74–85.

Матасов Р.А. Синхронный перевод на Нюрнбергском процессе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2008. № 2. С. 18–34.

Михайловская М.В. Выбор стратегии при передаче идеологием в синхронном переводе американского политического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2023. № 2. С. 190–200.

Оганова Е.А. О преподавании синхронного перевода в паре русский-турецкий в магистратуре ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика (Москва, 4–7 апреля 2023 г.); под ред. Т.А. Барабошкиной, А.В. Бочковской, М.В. Воронцова и др. М.: ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. С. 300–301.

Пушкин В.Н., Поспелов Д.А., Садовский В.Н. (под ред.). Проблемы эвристики. Сб. статей. М., 1969.

Серикова А.В. Эмоциональный интеллект в системе социальных ролей переводчика // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 123–137.

Серкова С.Е. Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 55–62.

Соколов Е.Н. Вероятностная модель восприятия // Вопросы психологии, 1960. № 2. С. 61–73.

Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 272 с.

Тихомиров О.К. Принцип избирательности в мышлении // Вопросы психологии, 1965. № 6. С. 16–32.

Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М.: Наука, 1971. 170 с.

Цвиллинг М.Я. Синхронный перевод как объект экспериментального исследования // Тетради переводчика, 1966. № 3. С. 87–93.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Изд-во «Международные отношения», 1978. 208 с.

Шебаршина Д.Ю. Проблема внимания при синхронном переводе как один из ключевых факторов, обуславливающих «Конкуренцию интеллектов» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2021. № 2. С. 21–31.

Шебаршина Д.Ю. Устный синхронный перевод: оправданные и вынужденные трансформации и их влияние на качество перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 4. С. 63–81.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Шрейдер Ю.А. Информация и метainформация в тезаурусе // Проблемы создания и развития Международной системы научной и технической информации. Вып. 1. М.: Междунар. центр, научн. и техн. инф., 1974.

Шрейдер Ю.А. Об одной модели семантической теории информации // Проблемы кибернетики, 1965. Вып. 13. С. 233–240.

Юе Жуйин. Интерпретативная теория перевода в китайской науке о переводе // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2017а. № 1. С. 20–32.

Юе Жуйин. Особенности русской школы устного перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2017б. № 3. С. 37–49.

Юе Жуйин. Теоретические основы методики обучения устному переводу в Китае // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2018. № 3. С. 111–123.

Юе Жуйин. Теория и методология устного перевода в трудах Р.К. Миньяра-Белоручева // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2020. № 2. С. 118–133.

Юе Жуйин. Типичные проблемы в ходе устного перевода в русско-китайской комбинации и пути их решения // Мир науки, культуры, образования, 2019. Т. 79, № 6. С. 547–551.

Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. М.: Изд-во «Наука», 1973. 512 с.

Gile D. (1995) Évolution de la recherche empirique sur l'interprétation de conférence // TTR: traduction, terminologie, rédaction. Vol. 8. No. 1, pp. 201–228.

Pöchhacker F. (2015) Evolution of Interpreting Research // The Routledge Handbook of Interpreting / ed. by H. Mikkelsen, R. Jourdenais. London; New York: Routledge, pp. 62–76.

References

Akhmanova O.S. (1969) Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. 607 p. (In Russian).

Anisimova A.G. (2017) Sinkhronnyy perevod: politika, ekonomika, pravo = Simultaneous interpreting: politics, economics, law. Sbornik uchebnykh programm kursov po vyboru kafedry angliyskoy filologii. Baku: Filial MGU imeni M.V. Lomonosova v g. Baku Publ., pp. 66–75 (In Russian).

Anisimova A.G., Fomina I.N. (2021) Obucheniye sinkhronnomu perevodu: kompleksnyy podkhod = Training in simultaneous interpreting: an integrated approach. *Akhmanovskie chteniya 2020* (eds. O.V. Aleksandrova, E.V. Mikhaylovskaya, I.N. Fomina). Moscow: Nauka Publ., pp. 24–25 (In Russian).

Anisimova A.G., Fomina I.N. (2024) Prepodavaniye ekonomicheskoy terminologii v ramkakh kursa ustnogo perevoda = Teaching economic terminology within the framework of the interpreting course. Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki inostrannogo yazyka delovogo i professional'nogo obshcheniya. Moscow: Rossiyskiy universitet druzhby narodov Publ., pp. 4–21 (In Russian).

Anokhin P.K. (1935) Problema tsentra i periferii v sovremennoy fiziologii nervnoy deyatel'nosti = The Problem of center and periphery in modern physiology of nervous activity. *Problema tsentra i periferii v fiziologii nervnoy deyatel'nosti* (ed. P.K. Anokhin). Gorky, pp. 9–70 (In Russian).

Anokhin P.K. (1968) Biologiya i neyrofiziologiya uslovnogo refleksa = Biology and neurophysiology of the conditioned reflex. Moscow: Meditsina Publ. 546 p. (In Russian).

Chernov G.V. (1978) Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda = Theory and practice of simultaneous interpreting. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 208 p. (In Russian).

Dobrynin N.F. (1973) O novykh issledovaniyakh vnimaniya = On new studies of attention. *Voprosy psikhologii*. No. 3, pp. 121–128 (In Russian).

Frumkina P.M. (1971) Veroyatnost' elementov teksta i rechevoe povedenie = Probability of text elements and speech behavior. Moscow: Nauka Publ. 170 p. (In Russian).

Gak V.G. (1972) K probleme semanticheskoy sintagmatiki = On the problem of semantic syntagmatics. *Problemy strukturnoy lingvistiki*. Moscow: Nauka Publ., pp. 367–395 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2013) Rossiyskaya shkola perevoda: traditsii i vyzovy XXI veka = Russian school of translation and interpretation: traditions and new challenges. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 36–50 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2015) Teoriya i metodologiya ustnogo perevoda: traditsii otechestvennoy shkoly = Theory and methodology of interpreting: traditions of Russian school. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 3–16 (In Russian).

Gile D. (1995) Évolution de la recherche empirique sur l'interprétation de conférence. TTR: traduction, terminologie, rédaction. Vol. 8. No. 1, pp. 201–228.

Kalinin A.Yu. (2021) Kognitivnye i pragmaticheskie aspekty sinkhronnogo perevoda na inostranny yazyk = Cognitive and pragmatic issues of simultaneous interpreting into A “B” language. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Vol. 844. No. 2, pp. 204–217 (In Russian).

Kalinin A.Yu., Mikhaylovskaya M.V. (2019a) O dualisticheskoy printsipe sinkhronnogo perevoda (na materiale perevoda teletranslyatsiy politicheskikh

press-konferentsiy) = On the dualistic principle of simultaneous Interpreting (based on the translation of TV broadcasts of political press conferences). *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Vol. 34. No. 3, pp. 119–130 (In Russian).

Kalinin A.Yu., Mikhaylovskaya M.V. (2019b) Sinkhronnyy perevod politicheskikh press-konferentsiy: rabota v rezhime «retur» = Simultaneous interpreting of political press conferences: “retour” mode. *Russia and the West: the Dialogue of Cultures*. No. 22, pp. 48–52 (In Russian).

Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. (2022) K voprosu o kompressii v sinkhronnom perevode v raznykh vidakh diskursa = Compression in simultaneous interpreting in different types of discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 59–78 (In Russian).

Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. (2023) K voprosu o funktsional'no-smyslovyykh tipakh spontannoy ustnoy rechi v sinkhronnom perevode = Functional notional types of spontaneous speech in simultaneous interpreting. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 4, pp. 9–24 (In Russian).

Konurbaev M.E., Ganeeva E.R. (2024) Kognitivnye osnovy rechevoy kompressii v ustnom perevode = Cognitive foundations of speech compression in interpreting. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 2, pp. 24–32 (In Russian).

Kostikova O.I. (2018) Kognitivnaya obrabotka informatsii s onomasticheskim komponentom v ustnom sinkhronnom perevode = Language processing in simultaneous interpreting: information with the onomastic component. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue 34. Moscow: Neolit Publ., pp. 870–874 (In Russian).

Leont'ev A.A. (1969) Psikholingvisticheskie edinit'sy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya = Psycholinguistic units and the generation of speech utterances. Moscow: Nauka Publ. 306 p. (In Russian).

Leont'ev A.A. (1974) Problemy matematicheskogo modelirovaniya rechevoy deyatel'nosti = Problems of mathematical modeling of speech activity. *Osnovy teorii rechevoy deyatel'nosti* (ed. A.A. Leont'ev). Moscow: Nauka Publ., pp. 73–80 (In Russian).

Leont'ev A.N. (1972) Problemy razvitiya psikhiki = Problems Psyche Development. Moscow: Mysl' Publ. 579 p. (In Russian).

Leont'ev A.N. (1975) Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat Publ. 304 p. (In Russian).

Leont'ev A.N., Krinchik E.P. (1961) O primeneni teorii informatsii v konkretno-psikhologicheskikh issledovaniyakh = On the application of information theory in specific psychological research. *Voprosy psikhologii*. No. 5, pp. 25–47 (In Russian).

Litvinova G.M. (2015) Rechevye oshibki obuchayushchikhsya sinkhronnomu perevodu = Language mistakes in simultaneous interpretation training. *Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, pp. 716–724 (In Russian).

Liu Wenjia. (2022a) Teoriya i praktika kontseptsii obucheniya sinkhronnomu russko-kitayskomu perevodu dlya kitayskikh studentov = Theory and practice of

the concept of teaching simultaneous Russian-Chinese interpreting to Chinese students. *Litera*. No. 6, pp. 22–34 (In Russian).

Liu Wenjia. (2022b) Obuchenie perevodu v Kitae na sovremennom etape = Interpreting training in China at the present stage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Vol. 222. No. 4, pp. 155–167 (In Russian).

Liu Wenjia. (2023) Razmyshleniya ob istorii soedineniya sinkhronnogo perevoda s iskusstvennym intellektom v Kitae: 2017–2021 gg. = Reflection on the history of connecting simultaneous interpreting with artificial intelligence in China: 2017–2021. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 142–150 (In Russian).

Matasov R.A. (2008) Sinkhronnyy perevod na Nyurnbergskom protsesse = Simultaneous interpretation at the Nuremberg trial. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 18–34 (In Russian).

Matasov R.A. (2010) Sinkhronnye perevodchiki na Nyurnbergskom protsesse: humani nihil a me alienum puto = Simultaneous interpreters at the Turemberg trial: humani nihil a me alienum puto. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 74–85 (In Russian).

Mikhaylovskaya M.V. (2023) Vybory strategii pri peredache ideologem v sinkhronnom perevode amerikanskogo politicheskogo diskursa = Determining the strategy for rendering ideologically-bound units in simultaneous interpretation of the American political discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. No. 2, pp. 190–200 (In Russian).

Oganova E.A. (2023) O prepodavanii sinkhronnogo perevoda v pare russkiy-turetskiy v magistrature ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova = On teaching simultaneous interpreting in Russian-Turkish in the master's degree program in the Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika (Moskva, 4-7 aprelya 2023 g.)* (eds. T.A. Baraboshkina, A.V. Bochkovskaya, M.V. Vorontsov, etc.). Moscow: ISAA MGU imeni M.V. Lomonosova Publ., pp. 300–301 (In Russian).

Pöchhacker F. (2015) Evolution of Interpreting Research. The Routledge Handbook of Interpreting, ed. by H. Mikkelsen, R. Jourdenais. London; New York: Routledge, pp. 62–76.

Pushkin V.N., Pospelov D.A., Sadovskiy V.N. (1969) Problemy evristiki = Problems of Heuristics. Moscow (In Russian).

Serikova A.V. (2020) Emotsional'nyy intellekt v sisteme sotsial'nykh roley perevodchika = Emotional intelligence and the system of interpreters' social roles. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 123–137 (In Russian).

Serkova S.E. (2020) Perevodcheskaya interferentsiya i rechevye oshibki v uchebnom sinkhronnom perevode na rodnoy yazyk = Translation interference and speech errors made by students in simultaneous interpreting in the B→A language combination. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 55–62 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2020) Ustnyy sinkhronnyy perevod: opravdannyye i vyznuzhennyye transformatsii i ikh vliyaniye na kachestvo perevoda = Simultaneous interpreting: justified and forced transformations and their impact on the quality of interpreting. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 63–81 (In Russian).

Shebarshina D.Yu. (2021) Problema vnimaniya pri sinkhronnom perevode kak odin iz klyuchevykh faktorov, obuslavlivayushchikh “Konkurentsiyu intellektov” = Attentional control in simultaneous interpreting as one of major factors in the competition between artificial and human intelligences. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 21–31 (In Russian).

Shiryaev A.F. (1979) Sinkhronnyy perevod: Deyatel'nost' sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda = Simultaneous interpreting: activities of a simultaneous interpreter and methods of teaching simultaneous interpreting. Moscow: Voenizdat Publ. 183 p. (In Russian).

Shreyder Yu.A. (1965) Ob odnoy modeli semanticheskoy teorii informatsii = On a model of semantic theory of information. *Problemy kibernetiki*. Issue 13, pp. 233–240 (In Russian).

Shreyder Yu.A. (1974) Informatsiya i metainformatsiya v tezauruse = Information and metainformation in the thesaurus. *Problemy sozdaniya i razvitiya Mezhdunarodnoy sistemy nauchnoy i tekhnicheskoy informatsii*. Issue 1. Moscow: Mezhdunar. tsentr, nauchn. i tekhn. inf. Publ (In Russian).

Sokolov E.N. (1960) Veroyatnostnaya model' vospriyatiya = Probabilistic model of perception. *Voprosy psikhologii*. No. 2, pp. 61–73 (In Russian).

Stepanov Yu.S. (1966) Osnovy yazykoznaniya = Fundamentals of linguistics. Moscow: Prosveshchenie Publ. 272 p. (In Russian).

Tikhomirov O.K. (1965) Printsip izbiratel'nosti v myshlenii = The principle of selectivity in thinking. *Voprosy psikhologii*. No. 6, pp. 16–32 (In Russian).

Tsvilling M.Ya. (1966) Sinkhronnyy perevod kak ob'ekt eksperimental'nogo issledovaniya = Simultaneous interpreting as an object of experimental research. *Tetradi perevodchika*. No. 3, pp. 87–93 (In Russian).

Vasil'eva L.V. (2019) Tenevoy povtor (shadowing) na zanyatiyakh po audirovaniyu kak pervyy shag k obucheniyu sinkhronnomu perevodu = Shadowing in listening classes as the first step to teaching simultaneous interpreting. *Yaponskiy yazyk v vuze, Materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii Metodika prepodavaniya yaponskogo yazyka v vuze* (ed. L.T. Nechaev). Moscow: “Klyuch-S” Publ., pp. 11–17 (In Russian).

Vasina E.A. (2015) Sinkhronnyy perevod s kitayskogo yazyka na russkiy: osobennosti logicheskikh preobrazovaniy sintaksicheskoy struktury teksta soobshcheniya = Chinese-to-Russian simultaneous interpreting: logic transformations in syntactic structure. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 50–59 (In Russian).

Vasina E.A. (2016) Ritmika politicheskogo teksta na kitayskom yazyke v zerkale sinkhronnogo perevoda = Rhythmic structures of chinese political discourse in simultaneous interpreting. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 16–27 (In Russian).

Vasina E.A. (2020) Vysshee obrazovanie v period epidemiy — opyt prepodavaniya sinkhronnogo perevoda v usloviyakh distantsionnogo rezhima obucheniya = Higher education during epidemic: teaching simultaneous interpreting online. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–20 (In Russian).

Vasina E.A. (2023a) Proektno-orientirovannoe obuchenie sinkhronnykh perevodchikov-kitaistov v vuze = Project-oriented university training of simultaneous interpreters of Chinese language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Vol. 101. No. 4, pp. 13–16 (In Russian).

Vasina E.A. (2023b) Professional'no-deyatelnostnyy podkhod v obuchenii sinkhronnykh perevodchikov v vuze = Professional and active approach in training simultaneous interpreters at universities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Vol. 99. No. 2, pp. 7–11 (In Russian).

Vygotskiy L.S. (1956) Myshlenie i rech' = Thinking and speech. *Izbrannyye psikhologicheskie issledovaniya*. Moscow: RSFSR Academy of Pedagogical Sciences Publ., pp. 37–386 (In Russian).

Yaglom A.M., Yaglom I.M. (1973) Veroyatnost' i informatsiya = Probability and information. Moscow: Nauka Publ. 512 p. (In Russian).

Yue Ruiying. (2017a) Interpretativnaya teoriya perevoda v kitayskoy nauke o perevode = The interpretive theory of translation in Chinese translation studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 1, pp. 20–32 (In Russian).

Yue Ruiying. (2017b) Osobennosti russkoy shkoly ustnogo perevoda = Features of the Russian school of interpreting. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 37–49 (In Russian).

Yue Ruiying. (2018) Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya ustnomu perevodu v Kitae = Theoretical foundation for the interpretation didactics in China. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 111–123 (In Russian).

Yue Ruiying. (2019) Tipichnye problemy v khode ustnogo perevoda v russko-kitayskoy kombinatsii i puti ikh resheniya = Typical problems during interpretation in the Russian-Chinese combination and ways of their solution. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Vol. 79. No. 6, pp. 547–551 (In Russian).

Yue Ruiying. (2020) Teoriya i metodologiya ustnogo perevoda v trudakh R.K. Min'yara-Belorucheva = Theory and methodology of interpretation in the works by R.K. Minyar-Beloruchev. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 2, pp. 118–133 (In Russian).

Zaporozhets A.V., Venger L.A., Zinchenko V.P., Ruzskaya A.G. (1967) Vospriyatie i deystvie = Perception and action (ed. A.V. Zaporozhets). Moscow: Prosveshchenie Publ. 324 p. (In Russian).

Zhinkin N.I. (1956) Razvitie pis'mennoy rechi uchashchikhsya III–VII klassov = Development of written speech of III–VIIth grades school students. *Izvestiya APN RSFSR*. Issue 78, pp. 141–250 (In Russian).

Zhinkin N.I. (1967) Vnutrennie kody yazyka i vneshnie kody rechi = Internal codes of language and external codes of speech. *To honor Roman Jakobson*:

essays on the occasion of his 70 birthday, 11. October 1966. Vol. 3. De Gruyter, pp. 2355–2375. (In Russian).

Zhinkin N.I. (1970) *Grammatika i smysl* = Grammar and meaning. *Yazyk i chelovek*. Moscow: Moscow St. Univ. Publ. Issue 4, pp. 63–85 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2016) *Politicheskiy diskurs kak ob'ekt ustnogo perevoda (na materiale rechey rossiyskikh i frantsuzskikh politikov)* = Political discourse as a subject matter of interpreting of speeches delivered by Russian and French politicians. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 3, pp. 41–57 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2017) *Evolutsiya vzglyadov na ustnyy perevod v zapadnoevropeyskoy nauchnoy traditsii* = Evolution of research into interpreting in the Western European scientific tradition. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 3–20 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2018) *Skorost' oratora i ee vliyanie na deyatelnost' ustnykh sinkhronnykh perevodchikov* = Speaker's rate and its influence on the performance of simultaneous interpreters. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Issue 34. Moscow: Neolit Publ., pp. 860–863 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2020a) *Psikhologicheskie modeli ustnogo sinkhronnogo perevoda v evropeyskoy i sovetskoy nauchnoy mysli* = Psychological models of simultaneous interpreting in the European and Soviet scientific tradition. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. Vol. 83. No. 4, pp. 408–411 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2020b) *Ustnyy sinkhronnyy perevod kak osobyi vid recheysslitel'noy deyatelnosti: eksperimental'noe issledovanie* = Simultaneous interpreting as a special kind of speech and mental activity: an experimental study. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. No. 4, pp. 21–41 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2021) *Vozdeystvie pazatsii ustnoy rechi oratorom na kachestvo sinkhronnogo perevoda* = The impact of pausing in speech upon the quality of simultaneous interpretation. *Litera*. No. 5, pp. 71–80 (In Russian).

Zigmantovich D.S. (2022) *Sintaksicheskie osobennosti iskhodnykh rechevykh proizvedeniy kak destabiliziruyushchiy faktor v ustnom sinkhronnom perevode (na materiale rechey amerikanskikh politikov)* = Oral syntactic features as destabilizing factor in simultaneous interpreting of speeches delivered by American politicians. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie*. Vol. 4. No. 1, pp. 16–24 (In Russian).

Zvegintsev V.A. (1967) *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* = Theoretical and applied linguistics. Moscow: Prosveshchenie Publ. 338 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зигмантович Дарья Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-1, дом 1, корп. 51; dashazigmantovich@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Daria S. Zigmantovich — Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Department of Translation Theory and Methodology, Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; dashazigmantovich@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'276.6-81-139

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-165-189

ПРОПОЗИЦИЯ КАК СТРУКТУРА ЗНАНИЯ И ПОНИМАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Лариса Александровна Манерко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Для контактов: wordfnew@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается один из способов когнитивного моделирования профессионального дискурса и терминологической номинации — это построение пропозициональной структуры представления знания. Сначала прослеживается история появления понятия пропозиции, показывается вклад некоторых учёных в развитие этого понятия, которое становится трёхсоставной формулой, пригодной для изучения того, как человек отображает действительность в логике, психологии и лингвистике. Центральным элементом пропозициональной структуры выступает глагол, который связывает два аргумента.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, как именно пропозиция как структура представления знания способна раскрыть семантику текста и номинативной единицы. Важным аспектом данного вида анализа является то, что автор применяет пропозициональный анализ, который выполняется в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы лингвистического знания, к изучению специального дискурса и терминологической номинации. Пропозициональный анализ способен продемонстрировать концептуальное наполнение пропозициональной структуры на основе анализа специального текста и терминологической номинации.

Изначально пропозиция использовалась для анализа отрывков текста, затем как основной элемент фреймового анализа, отражая не только предметные знания, но и эмоциональные и темпоральные прагматические характеристики, способствующие динамике развития текста, связывается

с концептуальным анализом, участвует в построении семантической сети и является важной частью когнитивно-ономасиологического моделирования.

В качестве материала исследования используются тексты на английском языке, относящиеся к научной речи и комплексные единицы в виде сложных слов и словосочетаний терминологического характера. Автор приходит к выводу о том, что пропозициональная структура представления знания является важной составляющей когнитивного моделирования семантики номинативных единиц терминологических областей знания и обладает большим потенциалом в анализе опорных концептов профессионального дискурса, что чрезвычайно полезно для когнитивно-коммуникативного терминоведения.

Ключевые слова: пропозициональная структура представления знания, когнитивная лингвистика, профессиональный (специальный) дискурс, терминологическая номинация, предикат-связка, аргумент, концепт, семантические сети, английский язык

Для цитирования: Манерко Л.А. Пропозиция как структура знания и понимания профессионального дискурса и терминологической номинации // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2024. № 4. С. 165–189. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-165-189

Статья поступила в редакцию 07.08.2024;
одобрена после рецензирования 04.09.2024;
принята к публикации 15.09.2024.

PROPOSITION AS KNOWLEDGE STRUCTURE AND UNDERSTANDING OF PROFESSIONAL DISCOURSE AND TERMINOLOGICAL NOMINATION

Larissa A. Manerko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
For contacts: wordfnew@mail.ru

Abstract. One of the ways of cognitive modelling of professional discourse and terminological nomination is revealed in this article — it includes the construal of the propositional structure representing knowledge. At first, the history of the notion appearance of proposition is traced back to the period of Antiquity. After that, we can find the contribution of some scholars to the evolution of this notion becoming a three-partial formula suitable for the study in different spheres of knowledge, especially in reflecting the surrounding reality in logics,

psychology and linguistics. The central element of the propositional structure is the verb uniting two arguments.

The aim of this article is to show how the proposition as a structure of knowledge is able to uncover text semantics and the semantics of a nominative unit. The most important aspect of this analysis comprises propositional analysis within the framework of the cognitive-communicative paradigm of linguistic knowledge, particularly the study of special discourse and terminological nomination. The propositional analysis is capable of revealing the conceptual underpinning of the propositional structure based on a special text and terminological nomination.

Initially, proposition was used to analyze some text stretches, then as the main element of frame analysis revealing not only the subject knowledge, but also emotional and temporal pragmatic characteristics influencing the text development, later associating it with the construal of semantic sets and at last becoming part and parcel of cognitive-onomasiological modelling.

English texts referring to scientific speech and complex units like compound words and word combinations are becoming the research material in the article. The author concludes that the propositional structure representing knowledge is one of the major constituents of cognitive modelling in the semantic sphere of nominative units in terminological domains of knowledge. Besides that this analysis has great potential in the search of basic concepts of professional discourse. All these spheres of application of propositional analysis are proved very useful in cognitive-communicative terminological science.

Keywords: propositional structure representing knowledge, cognitive linguistics, professional (special) discourse, terminological nomination, predicate — a linking element, argument, concept, semantic nets, the English language

For contacts: *Manerko L.A.* (2024) Proposition as knowledge structure and understanding of professional discourse and terminological nomination // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal*. 4. P. 165–189. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-165-189

The article was received on August 07, 2024;
approved after reviewing on September 04, 2024;
accepted for publication on September 15, 2024.

Введение

В когнитивной науке после второй половины XX столетия вопрос описания человеческой коммуникации неразрывно связан с рассмотрением и построением моделей. Они могут показать не только то, как человек слышит и читает текст, то есть воспринимает

то, что лежит на поверхности при знакомстве с ним, но раскрыть и те скрытые механизмы индивидуального понимания, которые опираются на общие закономерности человеческого мышления и сознания. Одной из эвристических моделей с давних пор выступает пропозиция как один из форматов представления знания и его порождения в процессе речемыслительной деятельности.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать, как именно пропозициональный формат представления знания способен раскрыть особенности семантики специального дискурса на английском языке и понять, как пропозиция участвует в когнитивно-ономасиологическом моделировании номинативных единиц в научной речи.

Актуальность данного исследования состоит в том, что автор сделал попытку интегрировать все существующие подходы в рассмотрении пропозиционального формата знания для нужд понимания и тщательного описания специального научного дискурса и терминологической номинации на английском языке.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, чтобы раскрыть процессы извлечения индивидом различных связей и отношений между объектами в ходе восприятия оригинала специального текста в процессе перевода, что задействует когнитивные механизмы, а пропозиция представляется именно одним из подобных механизмов. Данные ментальные процессы напрямую связаны с тем, как термин передаёт в составе профессиональной коммуникации и/или терминологической номинации информацию и происходит его конструирование в процессе концептуализации, формируя знание об объекте действительности через восстановление связей о свойствах объектов действительности. По мнению Л.М. Алексеевой, в этом случае «усилия переводчика должны быть направлены на создание потенциально динамического интертекстуального пространства с целью воссоздания информационных импликаций (дискурсивный аспект)» (Алексеева 2013: 39). К дискурсивному аспекту в процессе перевода добавляется номинативный аспект, который напрямую связан с распаковкой составляющих сложных номинативных знаков человеческим сознанием в исходном языке, и их поиск в переводящем языке.

Практическая ценность данного исследования заключается в том, что описание пропозициональной составляющей человеческих структур знания и понимания, заключённых в специальной коммуникации и терминологической номинации, особенно необходимы в процессе подготовки специалиста в области перевода

и особенно научного перевода, где конечным продуктом переводческой деятельности предполагается такой текст, который соответствует характеру речемыслительной деятельности по созданию текста перевода, типу коммуникации и передаваемому смыслу в рамках терминологической номинации.

Описание пропозиции рассматривалось с разных сторон на протяжении развития логической, психологической, лингвистической и когнитивной лингвистической наук.

Пропозиция в логике и психологии

Логическая точка зрения доминировала в научных областях знания на протяжении продолжительного периода времени с периода античности как основное направление в поиске истины (ср. у Аристотеля «высказывающая речь, ...в которой содержится истинность или ложность чего-либо» (Аристотель, 1978: 95)). Эта мысль прозвучала в трактатах греческого философа как отражение учения о субъекте и предикате суждения, ещё начиная с работы Платона «Софист», где основное внимание было направлено на глагол. «Термин «речение» (ῥῆμα) специфицируется и начинает означать глагол как противостоящую имени часть «речи», т.е. предложения» (Троцкий, 1996: 7). В дальнейшем, в логико-философских трактатах преобладало решение об «объективированном» содержании мысли или суждении («высказанном речении») через предикат (ср. латинское *predicatum*) или логическое сказуемое, связывающее «логические константы», присутствующие в пропозиции. Данная точка зрения определяла свойство отдельного предмета и возможности его описания посредством предложения.

«Логика Пор-Рояля» (*La logique, ou l'art de penser*, 1662) поставила вопрос о том, как человек мыслит и показывается разница между умопостигаемой и чувственной материей через тело (протяжённая субстанция) и дух (мыслящая, нематериальная и бестелесная субстанция) (Арно, Николь, 1991: 56). Подобное деление позволило вести речь о родо-видовых отношениях между целым и частью, где структура суждения из двучленного состава — «субъект + предикат»: *Пётр живёт*, *Человек честен*, превращается в видоизменённую, трёхчленную формулу «есть + атрибут»: *Пётр есть живущий*, *Человек есть* (является) *честным*. Однако в начале и середине XX века в аналитической философии было доказано, что пропозиция не является повествовательным предложением, актом сознания или суждения (Ламберов, 2007: 52–54), а указывает на логическое суждение.

Но вместе с тем, проблематика описания пропозиции как части высказывания, несущего основную информацию о предмете, остается и к этому высказыванию может быть добавлен модальный компонент, «отражающий временные и коннотативные аспекты содержания» (Петренко, 1997: 59). С одной стороны, данный ракурс исследования привёл представителей референциальной семантики к описанию лингвистического значения в терминах истинности и референции, последнее понятие выделило единичный объект (*Anna is standing*) или класс объектов — существительных, прилагательных или непереходных глаголов (*The speaker is standing*), но при этом указало на зависимость разнообразия семантики глагола, а именно их прозрачности (*transparency*) / непрозрачности (*opacity*) и маркеров интенциональности суждения (Liefke, 2024). С другой стороны, изучение пропозиций заставило учёных обратить внимание на психологические основы рассмотрения видов памяти, начало которым также было положено Аристотелем. Он пытался объяснить «отличия объектов памяти и процесса памяти от объектов других способностей души», так как память в его понимании направлена на прошлое в отличие от ощущения, участвующие в понимании настоящего: «память не является ни ощущением, ни восприятием, ни неким их свойством или состоянием по прошествии времени» (Бугай, 2003: 11).

В дальнейшем описание долговременной и кратковременной памяти, а также старой и новой информации, при которой наблюдается интегрирование разных известных знаний о мире в человеческом сознании и выводное знание, способствующее противопоставлению «знания фактов знанию операций» (Кубрякова, 1992: 80), оказалось связанным не только именно с психологией памяти как способности фиксировать факт взаимодействия со средой. И, конечно же, этот вопрос оказался связанным с запасом знаний в человеческом сознании или с тем, как хранится языковое знание и знание невербальное, ментальное, отсылающее к пониманию единиц человеческого мышления или «слов в сознании» в отличие от того, которое представлено в словарях, будучи зафиксированным в «энциклопедическом знании» (Залевская, 1985; Aitchinson, 2005: 27). Именно данный способ анализа связывается со сложным форматом представления знаний в когнитивном направлении лингвистики.

Рассмотрение пропозиции как разновидности анализа в понимании смысла в когнитивной науке

Дж. Миллер, Ф. Джонсон-Лэрд (Miller, Johnson, 1976: 246), Г. Скрэгг (Скрэгг, 1983) и некоторые другие психологи и лингвисты

ты обратили внимание на то, что пропозиция является элементом, который может репрезентировать определённый концепт или связь между концептом и его аргументом, или между двумя концептами. Этот элемент репрезентирует связь, которая стала описываться как аналог, построенный по типу семантических сетей. Только в этом случае рождается понимание объекта, включённого в семантическую структуру обозначения и анализ его концептуальных составляющих, которые образуют основу речевой, мыслительной деятельности и особенности наименования.

Дж. Лакофф выделил простую пропозицию, которая состоит из «онтологии элементов». Они были названы «аргументами». Базовый предикат способен связать эти аргументы. По мнению учёного, вся пропозиция является целым единством, а предикат и аргументы соответствуют её частям (Лакофф, 1996: 177). Для Дж. Лакоффа предикат является главной частью пропозиции, именно она способна связать два аргумента, представляющих концепты, при этом указывая на структуры знания человека об окружающем мире.

В когнитивной науке вообще и в когнитивной лингвистике, в частности, пропозицию принято рассматривать как оперативную структуру сознания и/или особую единицу хранения знаний в голове человека (КСКТ, 1996: 137). Считается, что она всецело связана с процессом коммуникации, текстом и дискурсом, вследствие этого пропозицию обычно используют при анализе предложения, совокупности предложений или текста. Вместе с тем пропозиция может «объяснить центральные характеристики (проявления) процесса коммуникации и психологической инференции», — так считает М. Кримминз (Crimmins, 1994: 3377–3378). Именно пропозиция является тем теоретическим конструктом сознания, который позволяет дать объяснение организации и унификации явлений, связанных с участием семантики, организации знаний и функционированием ментального лексикона. Основной чертой, по мнению учёного, является то, что пропозиция является конституирующим элементом, который противопоставлен концептам (Crimmins, 1994: 3379), но служит для их объединения и репрезентации.

Последняя мысль также присутствует в работах Н.Н. Болдырева, но понятие концепта как более общее явление связывается с *типологией концептов как «ступеней абстракции» в человеческих представлениях о мире*, что соответственно указывает на то, что «сложный характер структурной организации концепта предполагает, что за ним могут стоять (и пониматься) знания разной

степени абстракции, то есть разные форматы знания», например: конкретно-чувственный образ, схема, понятие, прототип, пропозициональная структура и другие форматы знания (Болдырев, 2019: 55–56). Следовательно, в когнитивной лингвистике под понятием пропозициональная структура репрезентации знания **понимается и анализ**, который проводится для выделения пропозициональных структур из текстового отрывка или на основе языковых единиц, **и разновидность концепта**.

Кроме того, некоторые авторы отмечают, что пропозиция репрезентирует связь, построенную **по типу семантических сетей**. Пропозиция связывает концепты на глубинном уровне, входя в качестве основы в ментальные продукты сознания, то есть имеет отношение к описанию ментальной (концептуальной) сферы человека. «Большая часть нашего знания, — подтверждает нашу мысль У. Чейф, — находится ещё не в выкристаллизовавшемся состоянии» и лишь в момент речи «лежащее в её основе знание... выкристаллизовывается в пропозициональные и языковые структуры» (Чейф, 1983: 72) Получается, что **пропозиции — это одна из ступенек на пути отражения знаний индивида об окружающем мире**. С этой точки зрения изучение пропозициональных структур представляется нам чрезвычайно важным аспектом, ибо они являются ценными элементами информации для раскрытия смысла связанного синтаксического единства. С одной стороны, пропозиции важны как структуры знания об окружающем мире, так как они показывают системность знаний человека об окружающей действительности и о свойственных ей закономерностях и отношениях. С другой стороны, в них закладывается отношение человека к явлениям разного порядка: к выбору основной категории, к которой может принадлежать та или иная языковая единица, к взаимосвязанным концептам и к отражению связей, существующих между разными предметами или явлениями действительности; с третьей стороны, через набор семантических зависимостей рождается коммуникация.

Кроме того, наше человеческое знание структурируется довольно сложно и разнообразно: концепты в нашем сознании соотносятся друг с другом, с тем чтобы отображать темпоральную и «причинную» структуры мира (Eysenck, Keane, 2003: 246). Пропозициональные репрезентации «подобны языку и охватывают «идеепорождающую» часть ментального пространства вне зависимости от оригинальной модальности, в которой информация была представлена» (Eysenck, Keane, 2003: 112). Эта мысль близка по сути тому, о чём писал А.К. Баранов, отмечая, что пропозиция отражает

содержание текста и включает в свой состав только «предметные знания» — объекты и их связи», существующие в семантическом представлении (Баранов, 1990: 35–36).

Как мы поняли, что изначально пропозициональная структура появилась именно для изучения человеческой речи в виде устного или письменного текста и понятия коммуникации, следовательно, далее будут рассмотрены те интересные случаи, которые фиксируются в лингвистических работах, раскрывающих профессиональный (специальный) дискурс.

Пропозициональные структуры и их изучение в текстах и профессиональной коммуникации

Любой текст, любое высказывание, по мнению А.К. Баранова, содержит пропозициональные знания, которые включают в свой состав только тему и подтему, построенные иерархически относительно композиции текста, при этом «каждому узлу ментальной схемы соответствует набор языковых выражений, причём сюда входят слова, словосочетания и устойчивые речения» (Там же: 36). В том случае, когда объектом рассмотрения становится текст, то в нём важным аспектом представляется рассмотрение разнообразных составляющих, прежде всего их семантика и структура.

Пропозициональная семантика представлена в работах зарубежных лингвистов на уровне текста по-разному. Одной из попыток применить пропозициональный анализ к тому, что выражено на уровне текста, является «коннекционистский» подход Д.Е. Румельхарта, пытающийся представить модель деятельности мозга. В такой модели деятельность человеческого сознания «описывается с помощью представлений о коннекциях (связях) нейронных оснований, формирующих определённую сетку этих связей» (Кубрякова и др., 1996: 87). Выявление пропозиционных связей помогает учёным определять языковые категории, классифицировать и организовывать наше концептуальное знание, а также понимать, как человек осуществляет коммуникативную деятельность.

Итак, приведём небольшой отрывок, который анализируется в статье Д.Е. Румельхарта (Rumelhart, 1977: 272). Фрагмент текста состоит из двух предложений, которые объединены общим событием: *Mary heard the ice cream man coming down the street. She remembered her birthday money and rushed into the house.*

Рисунок, приводимый ниже, расширявает иерархию событий и соответственно, последовательности пропозиций, простых и сложных, каждая из которых состоит из аргументов. Данный ри-

сунок с представлением пропозиций (см. рис. 1) оказывается более сложным, чем то, о чём было сказано в предложениях. В нём предметное знание отражено в виде аргументов, объединённых предикативными связями и выделяемых в схеме отрывка.

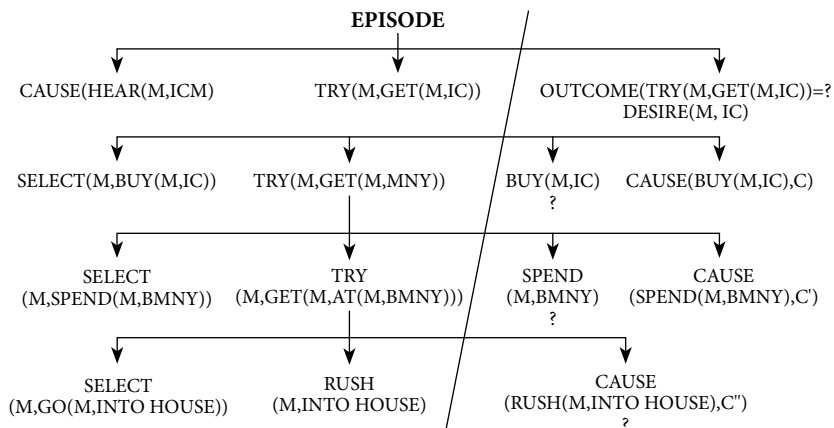

Рис. 1. Пропозициональная схема отрывка (по Д.Е. Румельхарту)

Важным представляется то, что на рисунке 1 отражены не только сами последовательные действия, представленные следующими сокращениями: M = Mary, IC = ice cream, ICM = ice cream man, MNY = money, BMNY = birthday money. Интересно, что на рисунке фиксируются также и предполагаемые последствия действий (consequences), обозначенные как C, C', C'' (см. справа на рис. 1).

Существует ещё одно представление совокупности отношений между элементами текста, которые запечатлены в виде концептуальной сети. Такое изображение приводится в работе Р. де Богранта (de Beaugrande, 1980: 93). Обратим внимание на то, что главной задачей автора является отражение взаимоотношений между предметным знанием и знанием о лингвистических структурах, которые фиксируются в текстовом отрывке.

В следующем фрагменте текста описываются все детали ракеты, её местонахождение и некоторые другие подробности описываемого явления: *A great black and yellow V-2 rocket 46 feet long stood in a New Mexico desert. Empty, it weighed five tons. For fuel it carried eight tons of alcohol and liquid oxygen.*

Несомненно, данное когнитивное единство отражает самую главную мысль — топик высказывания — основной концептуальный элемент, что находит отражение в сети под заголовком «раке-

та» (*rocket*). Сложные номинативные конструкции представлены не как случаи пропозициональной или дискурсивной номинации, а как атрибутивные элементы, тяготеющие к главному компоненту субстантивной фразы. В данной сети зафиксированы все мельчайшие детали объекта и связи, наблюдаемые между элементами синтаксических конструкций (см. рис. 2):

На рисунке 2 представлены следующие сокращения, используемые Р. де Богрантом: ae — affected entity; at — attribute of, co — containment of; lo — location of; pu — purpose of; qu — quantity of; su — substance of; sp — specification of.

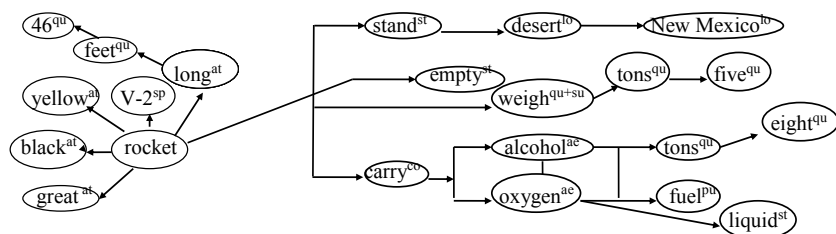

Рис. 2. Семантическая сеть фрагмента, анализируемого Р. де Богрантом

Важным элементом в представлении семантической сети является разведение по разные стороны описательных элементов к слову *rocket* (ракета — они представлены слева) и те, которые указывают на локативные, временные и другие отношения.

Развитие пропозиционального формата знания можно обнаружить в понятии «семантическая сеть», которое уже было упомянуто в нашей статье несколько раз. В данном случае анализ проводился на примере терминов и их связей в трёх монографиях Дж. Дьюи: “The School and the Society”, “The Child and the Curriculum” и “Experience and Education” (Коньшина, Верносова, 2024). Данные научно-педагогические тексты относятся к специальной научной коммуникации. Авторы описывают понятие семантической сети, которое представляет собой именно пропозициональный формат знания, отображающий «смысловую взаимосвязь между событиями, между событиями и понятиями или свойствами», причём подобная связь понятий друг с другом является «эффективным инструментом поиска новой информации в научной области» (Коньшина, Верносова, 2024: 442–443). К данной работе были привлечены «ресурсы лексической базы данных английского языка WordNet, разработанной в Принстон-

ском университете», что позволило создать электронный словарь-тезаурус на основе набора «семантических сетей для английского языка по семантическим полям движения (motion), восприятия (perception), контакта (contact), коммуникации (communication), соревнования (competition), изменения (change), познания (cognition), потребления (consumption), создания (creation), эмоций (emotion), обладания (possession), ухода за телом (body), социального поведения (social) и состояния (stative)» в монографиях Дж. Дьюи (Коньшина, Верносова, 2024: 443).

Семантическая сеть на основе анализа педагогических терминов из монографии Дж. Дьюи “Experience and Education” имеет следующий вид (см. рис. 3). Распределение классов глаголов (в материале статьи Ю.И. Коньшиной и Е.И. Верносовой) приводит к выделению

- статических (stative) глаголов — be, communicate, concern, get along, start, stand, take,
- глаголов создания (creation) — have, make,
- глаголов когнитивной деятельности (cognition) — acquire, arrange, draw, prove, rely, select, think,
- глаголов обладания (possession) — gain, give, have, lose, take,
- глаголов, указывающих на общественные действия (social) — exercise, fail, make, pass, play, prevent, start, win,
- глаголов изменений (change) — adopt, develop, enable, make, run, start,
- глаголов движения (motion) — send,
- эмоциональных (emotion) глаголов — content, feel, wish,
- глаголов контакта (contact) — bring, transmit, глаголов потребления (consumption) — exercise,
- глаголов соревнования (competition) — play, win. В сети (см. рис. 3) находят отражение в основном существительные, которые связаны друг с другом.

Теперь перейдём к работам, в которых нашёл отражение пропозициональный формат представления знания, участвующий в построении фреймов. Эту мысль выразил Л. Барсалу (Barsalou, 1992), который показал на основе простых типов пропозиций построение фреймовой семантики конкретных описательных элементов, обладающих определёнными связями с другими атрибутами в рамках концептуального поля.

В рамках научной речи пропозиции, раскрывающие мысли создателя научного текста были изучены на основе лекции Нобелевского лауреата в области физики Ф. Райнеса (Манерко, 2004)

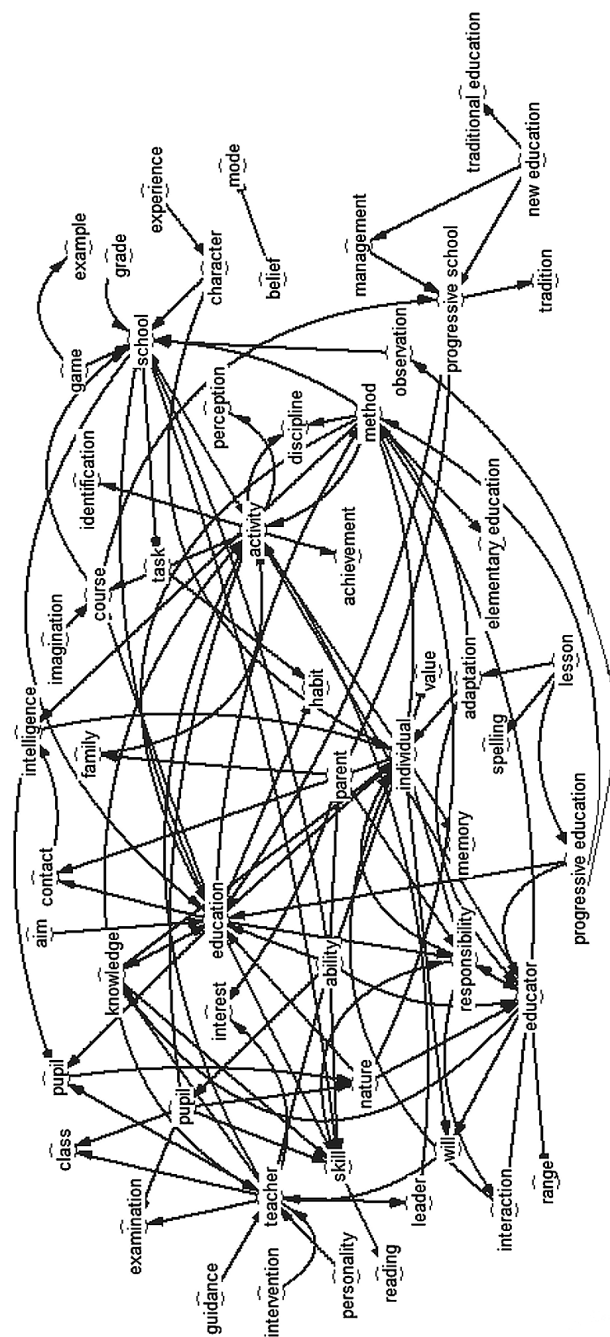

Рис. 3. Классификация глаголов, образующих связи в семантической сети по монографии Дж. Дьюи "Experience and Education"

и построения фрейма. В лекции наблюдается интеграция устной и письменной форм информационно-терминологического (интеллективного) общения, где предметной областью выступает язык атомной физики. Речь Нобелевского лауреата является монологическим высказыванием, которое отличается от других видов устного и письменного текста — научной статьи, монографии, учебника, выступления на конференции и т.д. Отрывок из лекции был проанализирован на основе трёхсоставных пропозициональных моделей, которые раскрывают не только каркас основных концептов атомной физики, но и ряд предикатов, связывающих их в организации текста. Кроме того, в построенном фрейме (см. статью (Там же)) были подчеркнуты такие аспекты индивидуально-авторского видения научного мира через передачу суммы «объективированных» научных знаний, отражение темпоральной поступи развития области знания через динамизм дискурса, который организован в разных направлениях и позволяет правильно понять и декодировать основную интенцию автора, а также глубину его прагматической установки, направленную на возможности декодирования данных характеристик слушателем и/или читателем. В указанной статье (Там же) представлены все основные особенности использования пропозиционального формата для отражения семантики, синтактики и прагматики текста, который приобретает очертания во фрейме события. А попытка объяснить использование вербальных (в том числе, номинативных единиц, как основы для пропозициональных структур и раскрытия фреймовой семантики речь пойдёт в следующей части статьи) и невербальных единиц, которые восстанавливаются в процессе проведения анализа и построения пропозиций и фреймов и способны указать, как отмечала Е.С. Кубрякова, на «реальность очень сложную и очень богатую по своему содержанию» (Кубрякова, 2012: 124).

Развитие подхода, в котором пропозиции становятся частью специального дискурса, оказывается пригодным для описания концептуальных областей человеческого знания. В исследовании, которое отчасти развивает и пропозициональный анализ, и фреймовый анализ, показывается функционирование слова *environment* в терминологических значениях в зависимости от области человеческого знания (Манерко, Суханова, 2021; Манерко, Суханова, 2024).

Мы показали, что в определённой коммуникативной ситуации в научной устной и/или письменной коммуникации происходит «корректировка языкового обозначения» в зависимости от ряда экстралингвистических факторов, которые влияют на фокусировку

внимания на определённых участках научной картины мира и в зависимости от концептуально-тематической области знания. Там задействуется внутренний лексикон, присутствующий в сознании человека, и конкретная языковая единица соотносится с определённой концептуальной категорией. Данный процесс осуществляется в зависимости от ценностно-ориентированного выбора человека, осуществляющего свой выбор в соответствии с содержательно-прагматическими и функциональными характеристиками языковой единицы. Для описания значения единицы применён фреймовый анализ, в рамках которого «язык определяет зависимость между выбором языковых значений и фреймами интерпретации» (Филлмор, 1988: 61), когда в процессе речевого общения происходит «корректировка языкового обозначения» (Манерко, 2017: 178). Было показано, что конкретная номинативная единица активирует фрейм в сознании человека на основе совокупности семантических характеристик, становящихся его элементами, при этом пропозициональные структуры становятся той составной частью фрейма, активация содержания слотов которого зависит от когнитивного контекста и концептуальной области в профессиональной коммуникации (Манерко, Суханова, 2024: 27–32).

Далее мы обратим внимание на использование пропозиционального формата представления знания уже для анализа единиц вторичной номинации. Следует заметить, что пропозициональный анализ отрывков текста, в том числе специального научного дискурса, напрямую связан с тем, что в любом тексте изучаются терминологические единицы. Особенно интересны те случаи, которые раскрывают особенности **пропозициональной и дискурсивной номинации** на материале единиц вторичной номинации в специальном тексте.

В случае дискурсивной номинации происходит формирование (собираение, синтез) языковой единицы на основе того лингвистического материала, который уже зафиксирован в языке, но актуализация производного слова или номинативной конструкции происходит под влиянием целого ряда экстралингвистических (прагматических, когнитивных, коммуникативных и др.) факторов, воплощённых в конкретной коммуникативной ситуации и в конкретном типе дискурса. Дискурсивная номинация опирается на понятие функциональной прототипичности и связана с речетворческой деятельностью человека. Она, как и **конвенционально-закреплённая языковым сообществом номинация**, отражает определённый «фрагмент» концептуальной картины мира современности.

Это направление в лингвистике появилось как раздел словообразования, теории номинации с тем, чтобы в дальнейшем взять пропозицию как основу в когнитивно-ономасиологическом моделировании средств композитной семантики вторичной номинации.

Пропозициональная структура знания в когнитивно-ономасиологическом моделировании средств вторичной номинации

Итак, в данной части статьи далее будет показано то, как постепенно появляется направление исследований, в котором развивается пропозициональный формат знаний, что напрямую связано с созданием номинативных единиц вторичной номинации, которые создаются в процессе профессиональной коммуникации. Такие языковые единицы относятся к непростым единицам, это производные и сложные слова, а также сложные субстантивные группы, превращающиеся в словосочетания, количество которых превалирует над всеми иными показателями именно в специальном научном тексте. Они составляют основу семантического знания человека об окружающей действительности и непосредственно «вписываются» в коммуникативное событие, так как составляют основу любого предметного знания, заложенного в научном тексте.

Здесь следует обратить внимание на три важных момента.

Во-первых, формирование производных слов в широком смысле (включающем в том числе, сложные слова, аббревиатуры и другие единицы вторичной номинации) составляет основу словообразования как отдельной языковедческой дисциплины, где базовой единицей выступает именно основа слова в отличие от морфемы на уровне морфемного анализа (Кубрякова, 1981).

Во-вторых, развитие словообразования и теории номинации в рамках Пражского лингвистического кружка и отечественной школы языкознания показало, что ономасиологический подход в изучении лексического состава языка чрезвычайно важен, так как раскрывает то, как слово способно показать отношение к действительности в процессе номинотворческой мысли человека. Данный подход нашёл отражение в таких понятиях как ономасиологический базис, ономасиологический признак и ономасиологический предикатив, связывающий эти элементы в процессе номинации.

В-третьих, когнитивный поворот в науке о языке оказался полезным для понимания целого ряда психологических механизмов,

отражающих участие человеческого сознания, памяти и воображения в процессе естественной речевой коммуникации. Он расширил представления об образовании номинативных единиц, включив также и субстантивные конструкции, в котором также выделяется фразообразовательная формула, опирающаяся на пропозициональный формат знания. «Предикатное слово в этих словосочетаниях структурирует всю цепочку слов, включая и определяемое слово, и актуализирует между ними смысловые отношения не атрибутивного, а пропозиционального характера, т.е. обуславливает внутреннюю смысловую структурированность всего словосочетания по типу пропозиции» (Болдырев, 1984: 5). Пропозициональная семантика подобной единицы номинации актуализируется в дискурсе и является чрезвычайно удобной для «упаковки» информации и её использования в речевой деятельности.

Данное направление исследований считается одним из наиболее важных в настоящее время, так как оно опирается на критерий лингвистической релевантности словотворчества, диктуемого стратегией построения связного высказывания (дискурса), зависящего от коммуникативной ситуации и интенции автора. Его изучение невозможно представить без **когнитивно-ономасиологического моделирования** номинативных единиц разной степени сложности и без описания процессов, направленных на выявление пропозиции (способе вынесения суждения об обозначаемом) и инференции (семантическом выводе), использующихся в когнитивной семантике на основе разрабатываемых учёными специальных методов исследования. Когнитивно-ономасиологическое моделирование (Манерко, 2000) фиксирует структуры знания, которые представляют собой ментальные репрезентации опыта и знаний человека и учитывают ценностно-ориентированную (прагматическую) логику создаваемой в речи единицы. Подобные модели строятся в соответствии с формальными и содержательными требованиями, они способны «удовлетворять нуждам протекающего дискурса», при этом номинативный комплекс обозначает «релевантные категории» в опыте говорящего» (Ryder, 1994: 8, 9).

Восстанавливая предикативное отношение между компонентами единицы или аргументами пропозиции, стоящими за каждой моделью, мы тем самым представляем начальный этап когнитивного моделирования, который называется ономасиологическим анализом. Каркасом ономасиологической формулы является трёхчастная конструкция, содержащая три составляющие, а именно: ономасиологический базис, ономасиологический признак и предикативное

отношение, связывающее их. Вне зависимости от того, исследуется ли производная (например, *writer*, *Londoner*, *adapter*), сложная лексическая единица (*atom-bomb*, *adapter-booster*) или более сложная по составу единица, такая как словосочетание (*geometric wing aircraft*, *shoulder-launched flame-thrower*, *pick and place mechanism*), то есть любое комплексное образование акта номинации, ономасиологическая модель указывает на данные три семантические константы, как в следующих примерах (см. табл.):

Таблица

**Формула отношений между структурами знаний
номинативных единиц**

Примеры	Ономасиологический базис (суффикс или N), указывающий на базовый концепт	Ономасиологический предикат	Ономасиологический признак (предметный, процессуальный, непроцессуальный признак)
<i>Londoner</i>	somebody {PERSON}	who {LIVES}	in Place {PLACE = LOC}
<i>writer</i>	somebody {PERSON}	who {DOES} something (writes)	(books){OBJECTS}
<i>adapter</i>	something {THING}	that {DOES — USES} something (adapts)	(devices) {OBJECTS}
<i>atom-bomb</i>	something {THING}	that {USES}	(energy) {OBJECT}
<i>geometric wing aircraft</i>	something {THING — WHOLE}	that is composed of	something {OBJECT — PART}

Ономасиологическая формула посредством выделенных значений указывает на определённую совокупность базовых концептов и их связи друг с другом, что свидетельствует о выполнении человеком сложной когнитивной обработки разнообразной лингвистической и экстралингвистической информации. Любая номинативная единица может иметь сложносоставную концептуальную формулу, которая представляет собой определённые структуры знания, связанные друг с другом и закладываемые в глубинную структуру наименования. При этом концептуальная структура номинативной единицы представляет собой аналог пропозициональной структуры представления знания, которая отражается в модели в виде в основном трёх взаимосвязанных друг с другом категорий: {PERSON — LIVE IN — PLACE}, {THING — USE — OBJECT}, {THING (WHOLE) — BE COMPOSED OF — THING (PART)}. Выявленный набор концептов указывает на достаточно устойчивые ас-

социативные единства, повторяющиеся в массивах разноструктурных номинативных единиц. Трёхчленность модели — это каркас, на основе которого строятся множества подобных образований.

Подобные когнитивно-ономасиологические модели раскрывают особенности речемыслительной деятельности, особую значимость ассоциативных связей между двумя основными концептуальными структурами, реализованными на поверхностном уровне конструкции, и роль этих связей как хранителей когнитивной информации. Восстановив глубинный предикат, не отражённый или частично отражённый в поверхностной структуре, мы выходим на функцию, заданную двумя аргументами: концептуальным характером ядра ономасиологического базиса и концептуальным характером ядра ономасиологического признака. Совокупность пропозициональных моделей всех номинативных единиц фиксирует сложную «игру» структур знания, стоящих за каждой из частей продукта деривации, интеграцию в единой структуре семантической информации всего комплекса.

В нашей работе на основе анализа когнитивно-ономасиологического моделирования сложноструктурных субстантивных словосочетаний языка техники (Манерко, 2000) были выявлены все возможные разновидности когнитивно-ономасиологических моделей и показано участие основного концепта «объекта» и ряда взаимосвязанных концептов в системе событийного фрейма. Концепт объекта — это целостная материальная сущность, представленная в виде разных типов концептуальной информации, сформированной в результате участия разнообразных когнитивных механизмов и человеческой деятельности.

Системы **пространственной ориентации** объединяют наши представления об объекте. Оказывается, что **абсолютная и относительная пространственная ориентация** объекта отражает разные совокупности связей. В зависимости от отражения пространственного опыта человека в наших исследованиях были показаны системы взаимосвязанных концептов, соотнесённых с базовым концептом «объект» (THING). С одной стороны, объект может быть описан как обладающий определёнными характеристиками через предикат HAVE (HAS) — они указывают на то, какими свойствами, формой, размером, цветом обладает объект или какая часть включается в предмет. Другое направление предикативных характеристик указывает на локативные или темпоральные характеристики объекта, его движение и нахождение в пространстве. Они подчеркиваются глаголом-связкой BE (IS). При этом любой

предмет напрямую связан с выполняемой функцией (действием), которые напрямую задействованы в раскрываемом событии в дискурсе и раскрываются в коммуникативной ситуации.

Выявленные структуры знания и концептуальная информация являются универсальными и характерны для любой единицы лексикона, причём необязательно четко проявляются в терминологическом слое лексики языка. Инференция при этом служит не только семантическим выводом или умозаключением, она способствует синтезированию совокупности представлений в единый комплекс информации, представленной в человеческом сознании. Указанные процессы нашли отражение на рисунке 4:

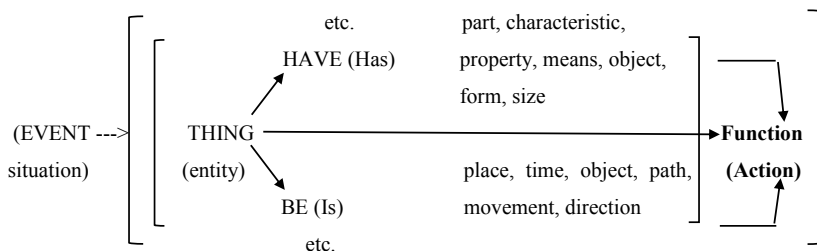

Рис. 4. Предмет и взаимосвязанные концепты в системе событийного фрейма

Заключение

В данной статье было показано, как развивалось понятие пропозиции, начиная с античных времен, затем в период Нового времени в логике Пор-Рояля. Автор также уделит внимание аналитической философии и референциальной семантике, с тем чтобы показать, как концепция понимания пропозиции менялась на протяжении веков, чтобы она стала оформляться на основе трёхчастной формулы, которая включила центральный предикат и два аргумента.

Поначалу пропозициональный анализ применялся к анализу небольших отрывков текста, но он становится пригодным для понимания концептуальных связей между единицами, как в составе пропозиции как структуры представления знания, так и как основа для многочисленных видов фреймов, семантических сетей и т.д. Автор данной работы использовал пропозициональный анализ для рассмотрения специального (профессионального) дискурса, развивая свою концепцию, чтобы применить пропозициональную структуру для анализа значения слова в рамках исследования концептуальных областей в специальном научном дискурсе.

В работе показываются достижения в когнитивно-ономасиологическом моделировании, где пропозициональный анализ подготовил почву для выявления не только выделения объекта как концептуальной сущности, но и ряда взаимосвязанных характеристик, опирающихся на абсолютные и относительные пространственные характеристики, которые помогли распределить предикативные связи на психологически воспринимаемые человеческим сознанием сущности предмета в окружающей действительности.

Материал статьи полезен для тех, кто изучает методы, применяемые в когнитивно-коммуникативном терминоведении к изучению отдельных номинативных единиц, и смысла и прагматики специального научного дискурса. Он также может найти применение в изучении фреймового и сетевого анализа, в понимании специфики типов связочных предикатов, характеристик глаголов и формирующих элементов дискурсивного пространства текста.

Список литературы

Алексеева Л.М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект): учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. нац.-иссл. ун-т, 2013. 189 с.

Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 91–116.

Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (Когнитивный подход): Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 372 с.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. 480 с.

Бугай Д.В. Проблема ощущения и памяти в трактате Плотина IV 6 (41) // *Философия сознания: история и современность: Материалы научной конференции памяти проф. МГУ А.Ф. Грязнова (1948–2001).* М.: Современные тетради, 2003. С. 11–15.

Залевская А.А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // *Исследование речевого мышления в психолингвистике.* М., 1985. С. 150–171.

Коньшина Ю.И., Верносова Е.И. Использование лексической базы WordNet для анализа семантических сетей терминов монографий Дж. Дьюи // *Преподаватель XXI век*, 2024. № 2. Часть 2. С. 441–449. DOI: 10.31862/2073–9613-2024-2-441-449

КСКТ — Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

Кубрякова Е.С. Пропозициональная форма представления знаний // *Язык и структуры представления знаний: Сб. научно-аналитических обзоров.* М.: РАН, ИНИОН, 1992. С. 78–96.

Лакофф Дж. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. Сб. / Пер. с англ. и нем. / Сост. и вступ. ст. В.В. Петрова. М.: Изд. Группа «Прогресс», 1996. С. 143–184.

Ламберов Л. Что такое пропозиции? (What Are Propositions?) // *Analytica*. January 2007. С. 50–66.

Манерко Л.А. Сложноструктурное субстантивное словосочетание: Когнитивно-дискурсивный аспект (на материале технической литературы современного английского языка): автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000.

Манерко Л.А. Перспективизация как один из принципов концептуализации семантики в дискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 177–186.

Манерко Л.А. Фрейм речи Нобелевского лауреата в сценарии события (на примере языка физики) // Вопросы филологии, 2004. № 3 (18). С. 6–14.

Манерко Л.А., Суханова А.С. Понимание соотношения концептуальной области и дискурса // // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47), 2021. Крутлый стол МГЛУ: Методы когнитивной лингвистики: Гордость или предубеждение? Москва: Изд-во МГЛУ; Тамбов: ТГУ имени Г.Р. Державина, 2021. С. 127–133.

Манерко Л.А., Суханова А.С. Функционирование фрейма ENVIRONMENT в специальных концептуальных областях в английском языке // Слово.ру: Балтийский акцент, 2024. Т. 15, № 3. С. 22–38.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики: Учебное пос. Смоленск: Изд-во СГУ, 1997. 400 с.

Скрэгг Г. Семантические сети как модели памяти // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. М., 1983. С. 228–271.

Троцкий И.М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб: Алетейя, 1996. С. 9–32.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 12. С. 35–73.

Aitchinson Jean. (2005) Words in the Mind: An Introduction to the mental Lexicon. Oxford: Blackwell Publishing. 314 p.

Barsalou L.W. (1992) Frames, concepts, and conceptual fields. Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organisation. Ed. by E. Kittay, A. Lehrer. Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 21–74.

Crimmins M. (1994) Proposition. The Encyclopedia of Language and Linguistics. Ed. by R.E. Asher. Oxford: Pergamon Press. Vol. 6, pp. 3377–3380.

De Beaugrande R. (1980) Text, discourse, and process: Toward a multidisciplinary science of texts. Nor-wood, N.J.: Ablex, pp. xv + 351 (Advances in Discourse Processes, IV).

Eysenck M. W., Keane M.N. (2010) Cognitive Psychology: A Student's Handbook. 6th ed. Hove and New York Psychology Press; Taylor and French Book. 752 p.

Liefke K. (2024) Intensionality and Propositionalism. Annual Review of Linguistics. Vol. 10, pp. 85–105.

Miller George F., Johnson-Laird Philip N. (1976) *Language and Perception*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 760 p.

Ryder M.E. (1994) *Ordered Chaos: The Interpretation of English Noun-noun compounds*. University of California Press. 449 p.

Rumelhart D.E., Orton A. (1977) *The presentation of knowledge in memory*. Hillsdale: NJ. 134 p.

References

Alekseeva L.M. (2013) *Specifika nauchnogo perevoda (antropocentricheskij aspekt): ucheb. Posobie = The Specific features of scientific translation (anthropological aspect): textbook*. Perm': Perm. gos. nac.-issl. un-t, 189 p. (In Russian).

Aristotel'. (1978) *Ob istolkovanii = On Interpretation*. Aristotel'. Sochinenija v 4 v. Vol. 2. Moscow: Mysl', pp. 91–116 (In Russian).

Aitchinson Jean. (2005) *Words in the Mind: An Introduction to the mental Lexicon*. Oxford: Blackwell Publishing. 314 p.

Boldyrev N.N. (2019) *Jazyk i sistema znaniy. Kognitivnaja teorija jazyka = Language and the system of knowledge. Cognitive theory of language*. 2-e izd. Moscow: Izd. dom JaSK. 480 p. (In Russian).

Baranov A.N. (1990) *Lingvisticheskaja teorija argumentacii (Kognitivnyj podhod) = The linguistic theory of argumentation (Cognitive approach)*. Dis. ... d-ra filol. nauk. Moscow. 372 p. (In Russian).

Barsalou L.W. (1992) *Frames, concepts, and conceptual fields. Frames, Fields, and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organisation*. Ed. by E. Kittay, A. Lehrer. Hillsdale, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 21–74.

Bugaj D.V. (2003) *Problema oshhushhenija i pamjati v traktate Plotina IV 6 (41) = The problem of sense and memory in treatise of Plotina IV 6 (41)*. *Filosofija soznaniya: istorija i sovremennost'*: Materialy nauchnoj konferencii pamjati prof. MGU A.F. Grjaznova (1948–2001) = *The philosophy of Consciousness: Materials of the scientific conference dedicated to the memory of prof. of MSU A.F. Gyzanov (1948–2001)*. Moscow: *Sovremennye tetradi*, pp. 11–15 (In Russian).

Chejf U.L. (1983) *Pamjat' i verbalizacija proshlogo opyta = Memory and verbalization of the past experience*. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike = New in foreign linguistics*. Issue 12, pp. 35–73 (In Russian).

Crimmins M. (1994) *Proposition. The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. by R.E. Asher. Oxford: Pergamon Press. Vol. 6, pp. 3377–3380.

De Beaugrande R. (1980) *Text, discourse, and process: Toward a multidisciplinary science of texts*. Norwood, N.J.: Ablex, pp. xv + 351 (*Advances in Discourse Processes*, IV).

Eysenck M.W., Keane M.N. (2010) *Cognitive Psychology: A Student's Handbook*. 6 th ed. Hove and New York Psychology Press; Taylor and French Book. 752 p.

Kon'shina Ju.I., Vernoslava E.I. (2024) *Ispol'zovanie leksicheskoy bazy WordNet dlja analiza semanticheskikh setej terminov monografij Dzh. D'žui = The use of the lexical base WordNet for the analysis of semantic sets in monographs of John Dewey*. *Prepodavatel' XXI vek*. No. 2. Part 2, pp. 441–449. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-441-449. (In Russian).

KSKT — Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Short dictionary of cognitive terms (1996) Pod red. E.S. Kubrjakovoj. Moscow. 245 p. (In Russian).

Kubrjakova E.S. (2012) V poiskah sushhnosti jazyka: Kognitivnye issledovaniya = In search of the language nature. Moscow: Znak. 208 p. (In Russian).

Kubrjakova E.S. (1992) Propozicional'naja forma predstavlenija znaniy. Jazyk i struktury predstavlenija znaniy = The propositional form of knowledge representation. Sb. nauchno-analiticheskikh obzorov = Language and knowledge representation structures. Moscow: RAN, INION, pp. 78–96 (In Russian).

Lakoff Dzh. (1996) Kognitivnoe modelirovanie = Cognitive modelling. Jazyk i intellekt. Sb. Per. s angl. i nem. Sost. i vstup. st. V.V. Petrova = Language and intellect. Collection of articles. Moscow: Izd. Gruppy "Progress", pp. 143–184 (In Russian).

Lamberov L. (2007) Chto takoe propozicii? = What Are Propositions? Analytica. January, pp. 50–66 (In Russian).

Liefke K. (2024) Intensionality and Propositionalism. Annual Review of Linguistics. Vol. 10, pp. 85–105.

Manerko L.A. (2000) Slozhnostrukturnoe substantivnoe slovosochetanie: Kognitivno-diskursivnyj aspekt (na materiale tehnichejskoj literatury sovremenogo anglijskogo jazyka) = Complex and structural substantive word-combination: Cognitive-discursive aspect (on the material of technical literature of modern English). Avtoreferat dis. ...d-ra filol. nauk. Moscow (In Russian).

Manerko L.A. (2017) Perspektivizacija kak odin iz principov konceptualizacii semantiki v diskurse = Perspectivisation as one of the principles of semantic conceptualization in discourse. Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. Statej. Otv. red. serii V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. Issue 57. Moscow: MAKSS Press, pp. 177–186 (In Russian).

Manerko L.A. (2004) Frejm rechi Nobelevskogo laureata v scenarii sobytija (na primere jazyka fiziki) = Framework of the speech of the Nobel laureate in the event scenario (on the material of language of physics). Voprosy filologii, 2004. No. 3 (18). pp. 6–14 (In Russian).

Manerko L.A., Suhanova A.S. (2021) Ponimanie sootnoshenija konceptual'noj oblasti i diskursa = Defining conceptual domain and discourse. Kognitivnye issledovaniya jazyka. Issue 4 (47). Kruglyj stol MGLU: Metody kognitivnoj lingvistiki: Gordost' ili predubezhdenie? Moscow: Izd-vo MGLU; Tambov: TGU imeni G.R. Derzhavina, pp. 127–133 (In Russian).

Manerko L.A., Suhanova A.S. (2024) Funkcionirovanie frejma ENVIRONMENT v special'nyh konceptual'nyh oblastjah v anglijskom jazyke = Functioning of a frame ENVIRONMENT in different conceptual domains of specialized knowledge in English. Slovo.ru: Baltijskij akcent. Vol. 15. No. 3, pp. 22–38 (In Russian).

Miller George F., Johnson-Laird Philip N. (1976) Language and Perception. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard Univ. Press. 760 p.

Petrenko V.F. (1997) Osnovy psihosemantiki: Uchebnoe pos. = The foundations of psychosemantics: textbook. Smolensk: Izd-vo SGU. 400 p. (In Russian).

Ryder M.E. (1994) *Ordered Chaos: The Interpretation of English Noun-noun compounds*. University of California Press. 449 p.

Rumellhart D.E. & Orton, A. (1977) *The presentation of knowledge in memory*. Hillsdale: NJ. 134 p.

Skrjegg G. (1983) *Semanticheskie seti kak modeli pamjati = Semantic sets as memory models*. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Issue 12. Moscow, pp. 228–271 (In Russian).

Trockij I.M. (1996) *Problemy jazyka v antichnoj nauke = Problems of language in antique science*. *Antichnye teorii jazyka i stilja (antologija tekstov) = Antique theories of language and style (the anthology of texts)*. Saint Petersburg: Aleteja, pp. 9–32 (In Russian).

Zalevskaja A.A. (1985) *Informacionnyj tezaurus cheloveka kak baza rechemyslitel'noj dejatel'nosti = The information thesaurus of a human being as speech and cognitive activity*. *Issledovanie rechevogo myshlenija v psiholingvistike*. Moscow, pp. 150–171 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Манерко Лариса Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики английского языка, факультет «Высшая школа перевода», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Ленинские горы, строение 51, 1 учебный корпус; wordfnew@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Larisa A. Manerko — Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of the Subdepartment of the Theory and Practice of the English language, Higher School of Translation and Interpreting (Department), Lomonosov Moscow State University, Building 51, the 1st Building of Humanities, 1 Leninskie gory, Moscow 119991, Russia; wordfnew@mail.ru

Конфликт интересов: Положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 81'255:22.05/.06

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-190-195

НОВИЗНА И ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Рецензия на книгу: Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 4 издание, испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2023. 591 с. (классический университетский учебник)

Георгий Теймуразович Хухуни

Государственный университет просвещения, Москва, Россия

Для контактов: khukuni@mail.ru

Аннотация. Рецензия посвящена вышедшей четвертым изданием книге Н.К. Гарбовского «Теория перевода», заслуженно получившей признание в качестве одной из лучших работ в области переводоведения. Различные аспекты науки о переводе получили в ней глубокое и всестороннее освещение. Отмечается, что рецензируемая книга в равной степени может рассматриваться как крупный вклад и в учебно-педагогическую, и в научную литературу.

Ключевые слова: перевод, история, теория, переводоведение, научный, учебный

Для цитирования: Хухуни Г.Т. Новизна и преемственность. Рецензия на книгу: Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 4 издание, испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2023. 591 с. (классический университетский учебник) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, № 4, 2024. С. 190–195. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-190-195

Статья поступила в редакцию 18.10.2024;
принята к публикации 19.10.2024.

**NOVELTY AND CONTINUITY
(THEORY OF TRANSLATION:
A TEXTBOOK. 4TH EDITION REVISED AND EXPANDED).
MOSCOW: MOSCOW UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE,
2023) (A CLASSICAL UNIVERSITY TEXTBOOK)**

Georgy T. Khukhuni

State University of Education, Moscow, Russia

For contacts: khukuni@mail.ru

Abstract. The review is dedicated to the 4th edition of the N. Garbovsky's book "Theory of Translation". It won well-deserved recognition as one of the best works in the sphere of translation studies. Different aspects of translatology found in this book thorough and detailed consideration. It is underlined, that this work makes an equal contribution both in educational and scientific literature.

Keywords: translation, history, theory, translatology, scientific, educational

For citation: *Khukhuni G.T.* (2024) Novelty and continuity (Theory of translation: a textbook. 4th edition revised and expanded). Moscow: Moscow University Publishing House, 2023) (a classical university textbook). *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. P. 190–195. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-4-190-195

The article was submitted on October 18, 2024;
accepted for publication on October 19, 2024.

К моменту выхода в свет первого издания рецензируемой книги (Гарбовский, 2004) отечественное переводоведение уже располагало рядом работ, посвящённых проблемам переводоведения. Помимо положившей «официальное» начало лингвистической теории перевода и многократно переиздававшийся классической работы А.В. Федорова (Федоров, 1953), последнее прижизненное издание (Федоров, 1983), в этой связи называют труды Л.С. Бархударова (Бархударов, 1975), Я.И. Рецкера (Рецкер, 1974), А.Д. Швейцера (Швейцер, 1988), ряд книг В.Н. Комиссарова, собранных вместе в начале нашего века (Комиссаров, 2002) и др. Однако появление книги Н.К. Гарбовского было воспринято научной общественностью в нашей стране и за рубежом, как одно из наиболее значительных событий в области переводоведения. С одной стороны,

она подводит итоги определённому этапу развития этой науки, а с другой — новые перспективные направления.

Здесь хотелось бы заметить следующее. Рецензируемое издание с полным правом названо учебником. Действительно, оно целиком и полностью удовлетворяет тем требованиям, которые предъявляют к литературе такого рода: охват всех предусмотренных программой подготовки будущих переводчиков разделов, чёткий и ясный стиль изложения, наличие контрольных вопросов, при ответе на которые обучаемые получают возможность проверить полученные знания и закрепить их, и т.д. Кроме огромного педагогического значения, труд Н.К. Гарбовского является фундаментальным научным исследованием. В этом отношении к рецензируемой работе с полным основанием можно применить слова, адресованные в своё время знаменитой книге А.А. Реформатского, по которойзнакомилось и продолжает знакомиться с наукой о языке ни одно поколение будущих лингвистов: «Именно то обстоятельство, что книга написана не просто блистательным педагогом, но одним из виднейших отечественных языковедов, сразу сделало её чем-то большим, чем просто учебник <...> К ней часто и охотно обращались вполне зрелые учёные разных <...> специальностей, когда им нужна была ссылка на авторитетное мнение <...>» (Виноградов, 1996: 8–9).

Данная характеристика относится ко всем разделам рецензируемого труда. Причём нельзя не отметить совершенно уникального знакомства автора практически со всеми сколь-нибудь значимыми работами в области переводоведения по каждой из тех областей, которые рассматриваются в книге — начиная от дефиниции самого понятия «перевод» и кончая частными моментами, относящимися к практическим вопросам, с которыми сталкивается переводчик при передаче иноязычного текста.

Весьма ярко указанное обстоятельство проявляется в первом разделе, посвящённом роли перевода в истории цивилизации. Н.К. Гарбовский, являющийся в настоящее время крупнейшим специалистом в области истории перевода и переводческой мысли (напомним, что несколько лет назад он вместе с О.И. Костиковой посвятил данной проблематике специальную монографию (Гарбовский, Костикова, 2021)), представил в данном разделе обширную панораму развития теории и практики этой области человеческой деятельности. В этом отношении рецензируемый учебник (именно как учебник) с полным основанием может считаться занимающим особое место в отечественной литературе по *теории* перевода, в которой обычно исторический обзор занимает относительно скром-

ное место (как это имеет место, например, в классической работе А.В. Федорова). Привлекает внимание — как и в упомянутом выше труде, созданном совместно с О.И. Костиковой, — выход за пределы традиционного западноевропейского ареала и обращение к переводческому опыту Канады, которая, по замечанию автора, «справедливо считается страной перевода» (С. 165).

Органически связан с этой частью второй раздел книги Н.К. Гарбовского, где излагаются уже собственно теоретические проблемы. Опираясь на системный подход к изучению рассматриваемого феномена, автор скрупулёзно анализирует такие актуальные вопросы, как понимание единицы перевода, проблему эквивалентности и адекватности, уже длительное время являющуюся предметом весьма острых дискуссий, доставляющий немало хлопот при передаче текста фактор межъязыковой асимметрии и др.

Особого внимания заслуживает раздел, рассматривающий методологические аспекты перевода. Автор справедливо отмечает: «Современный профессиональный переводчик не может опираться исключительно на свою интуицию, даже если он талантлив и блестяще владеет языками. Необходимо знать, какие операции можно производить над речевыми сообщениями для успешного выхода из затруднительных и противоречивых ситуаций, какие приёмы использовать для передачи значений, которым нет аналогов в языке перевода, как искать необходимую информацию, как запоминать её в устном переводе, как рационально использовать компьютер и другие информационные средства при переводе» (С. 11). Эти и другие вопросы методологического характера анализируются в книге на обширном фактическом материале, что делает названный раздел весьма полезным для практикующих переводчиков.

Как уже отмечалось, впервые «Теория перевода» вышла в свет двадцать лет назад. Поэтому, как указывает автор, «в новом издании учебника высказывается ряд новых положений, важных для современного состояния науки о переводе, родившихся в ходе научных дискуссий последних десятилетий» (С. 11). Вместе с тем основные принципы, на которых строится концепция автора, с честью выдержали испытание временем, что позволяет говорить о наличии в книге как преемственности с предыдущими трудами, так и существенной новизны.

Позволим себе высказать два пожелания. Во-первых, принимая во внимание, что, при всей своей научной значимости, книга предназначена и для использования в педагогической работе, может

быть, при рассмотрении проблемы эквивалентности и адекватности имело бы смысл, наряду рассмотрением взглядов Ю. Найды, критически проанализировать и отношение к данному вопросу представителей скопос-теории, которая, несмотря на сорокалетнюю историю своего существования, по-прежнему вызывает достаточно острые дискуссии. Во-вторых, поскольку в книге упоминается значительное количество авторов, высказывавшихся по вопросам перевода, вероятно, имело бы смысл снабдить её именным указателем.

В заключение ещё раз хотим подчеркнуть, что новое издание работы Н.К. Гарбовского является весьма своевременным, и её появление будет с большим интересом встречено как специалистами-переводоведами, так и представителями смежных дисциплин (лингвистика, литературоведение, история, культурология и др.), которым в ходе своей работы приходится в той или иной степени соприкасаться с вопросами перевода.

Список литературы

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Виноградов В.А. Александр Александрович Реформатский и его книга // Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 7–12.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2004. 544 с.

Гарбовский Н.К., Костикова О.И. История перевода: практика, технологии, теории. М.: Издательство Московского университета, 2021. 318 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерк лингвистической теории перевода. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.

Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках 1953. 374 с.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

References

Barhudarov L.S (1975) *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* = Language and Translation (Issues of General and Special Theory of Translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 240 p. (In Russian).

Vinogradov V.A. (1996) *Aleksandr Aleksandrovich Reformatskij i ego kniga* = Aleksandr Aleksandrovich Reformatskij and his Book, In: *Reformatskij A.A.*

Vvedenie v yazykovedenie = Introduction to Linguistics. Moscow: Aspekt Press, pp. 7–12 (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2004) *Teoriya perevoda* = Theory of Translation. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 544 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. (2021) *Istoriya perevoda: praktika, tekhnologii, teorii* = History of Translation: Practice, Technology, Theory. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 318 p. (In Russian).

Komissarov V.N. (2002) *Sovremennoe perevodovedenie* = Modern Theories of Translation. Moscow: ETS. 424 p. (In Russian).

Recker Ya.I. (1974) *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Ocherk lingvisticheskoy teorii perevoda* = Theory and Practice of Translation. Essay on the Linuistic Theory of Translation, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 216 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1953) *Vvedenie v teoriyu perevoda* = Introduction to the Theory of Translation. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah. 374 p. (In Russian).

Fedorov A.V. (1983) *Osnovy obshchej teorii perevoda* = Foundations of the General Theory of Translation. Moscow: Vysshaya shkola. 303 p. (In Russian).

Shvejcer A.D. (1988) *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka. 215 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения. 105005, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2; khukhuni@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Georgy T. Khukhuni — Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of the Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, Federal State University of Education, 10 a Radio Str, Moscow. 105005, Russian Federation; khukhuni@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: The ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

ХРОНИКА

II ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОРУМ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**Екатерина Дмитриевна Леоненкова,
Андрей Михайлович Борисов**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: leonenkova.ed@mail.ru, andbf98@gmail.com

II ALL-RUSSIAN FOREIGN LANGUAGES TEACHERS FORUM

**Ekaterina D. Leonenkova,
Andrei M. Borisov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: leonenkova.ed@mail.ru, andbf98@gmail.com

25 и 26 октября 2024 года в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Российской академии образования прошёл II Всероссийский научно-образовательный форум учителей иностранных языков, подготовленный Высшей школой перевода (факультетом) МГУ и отделением образования и культуры РАО.

Форум объединил более 120 учителей и преподавателей из 20 городов России (Белгорода, Бирска, Брянска, Волгограда, Вологды, Калуги, Костромы, Луги, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Оренбурга, Пензы, Рязани, Саратова, Смоленска, Тулы, Тюмени, Уфы, Ярославля). В работе Форума приняли участие также преподаватели китайского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

© Леоненкова Е.Д., Борисов А.М., 2024

С приветствием к участникам обратилась президент Российской академии образования академик Ольга Юрьевна Васильева. В приветственном слове О.Ю. Васильева отметила, что обучение иностранным языкам сегодня оказывается не только одной из важнейших задач современной школы, но и открытым нервом образования. Учителя и преподаватели иностранных языков сталкиваются с разнящимися мнениями по поводу необходимости изучения иностранных языков современными школьниками. Поддержание мотивации учеников становится всё более сложной задачей, особенно в условиях широкого доступа к информации, разнообразия цифровых ресурсов межкультурной коммуникации, развития потенциала искусственного интеллекта. Педагоги вынуждены постоянно адаптировать свои методы к новым технологиям, чтобы эффективно использовать мультимедийные платформы, онлайн-курсы и мобильные приложения, которые всё чаще становятся частью образовательного процесса. Сегодня для педагога идти в ногу со столь быстро бегущим временем — не только острая необходимость, но и нелёгкая задача. Важно сохранять баланс между традиционными методами и цифровыми средствами, чтобы не утратить живую составляющую общения и глубокого освоения языковой культуры. Роль учителя в школе велика: его основная задача заключается не только в том, чтобы передавать знания, но и в том, чтобы мотивировать и вдохновлять школьников, развивать их творческий потенциал.

Форум — это отличная возможность расширить свой педагогический кругозор, узнать о новых методах и подходах в преподавании, найти единомышленников и, конечно, вдохновиться на дальнейшие успехи, которые помогут нашим ученикам преуспеть в жизни, стать целеустремлёнными, уверенными в себе личностями, мастерами своего дела с широким кругозором.

В первый день Форума участникам была предложена насыщенная научно-образовательная программа.

Образовательный блок был открыт лекцией академика Российской академии образования директора Высшей школы перевода Николая Константиновича Гарбовского.

В лекции поднимались вопросы лингводидактики в условиях цифровизации межкультурной коммуникации, в частности вопросы современного иноязычного образования, зависимость целей образования в области иностранных языков от состояния и потребностей общества.

Ректор Российского православного университета Святого Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета доктор политических наук А.В. Щипков в докладе «Говорить по-английски, думать по-русски» поделился своими размышлениями о единстве языка и культуры, иноязычной речи и мышления

В лекции профессора Высшей школы перевода МГУ доктора филологических наук Надежды Николаевны Мироновой был рассмотрен вопрос смены отношения к изучению иностранных языков в школе. Она отметила, что мультилингвизм набирает всё большую популярность в образовании, поэтому стоит обратить особое внимание на так называемую дидактику многоязычия.

Образовательный блок продолжился лекцией академика Российской академии образования Натальи Ивановны Михайловой об особенностях построения текстов А.С. Пушкина и его авторском стиле, а также о скрытых смыслах в известных произведениях автора.

В выступлении ведущего эксперта Центра развития образования Российской академии образования клирика храма Александра Невского при МГИМО Александра Юрьевича Кузнецова поднимался важный вопрос о формировании личностных результатов учащихся при изучении иностранного языка на основе российских социокультурных и духовно нравственных ценностей.

Завершился образовательный блок лекцией профессора Высшей школы перевода МГУ доктора филологических наук Ларисы Александровны Манерко. В её докладе были раскрыты особенности англо-шотландской баллады, которая создавалась с XIII по XVII века и сразу отличалась по жанрам на исторические, любовные и волшебные баллады. Важным аспектом является то, как эти баллады переводились на русский язык, начиная с XIX века по настоящее время.

Второй день Форума продолжился в стенах Высшей школы перевода (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Дискуссии проходили по трём направлениям: «Развитие творческого потенциала на занятиях по иностранному языку», «Традиции и инновации в преподавании иностранных языков», «Информационные технологии на занятиях по иностранным языкам».

В рамках круглого стола «Развитие творческого потенциала на занятиях по иностранному языку» были обсуждены проблемы

мотивации учеников, рассматривались формы и методы работы со школьниками по стимулированию интереса к изучению иностранного языка и вовлечению их в творческую работу по усвоению учебного материала. Предлагались различные формы этой работы: театральные постановки и проекты на иностранных языках, творческие исследовательские работы по созданию видеороликов, уроки в музеях и многое другое.

В ходе работы секции «Традиции и инновации в преподавании иностранных языков» были заслушаны доклады, посвящённые традиционным подходам и современным методикам в преподавании иностранных языков. Особое внимание было уделено роли родного языка при обучении иностранному.

На круглом столе «Информационные технологии на занятиях по иностранным языкам» обсуждались вопросы использования искусственного интеллекта, интернет-ресурсов и дистанционных технологий при обучении иностранным языкам. Участники отметили возрастающую тенденцию к цифровизации образования.

Итоги работы форума были подведены на заключительном заседании. Участники форума отметили высокий интерес к предложенной для обсуждения проблематике, а также выразили надежду на встречу в следующем году на очередном Всероссийском научно-образовательном форуме учителей иностранных языков.

ХРОНИКА

II КОНКУРС ТЕАТРАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТОВ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ «ТЕАТР ПЕРЕВОДА»

**Екатерина Дмитриевна Леоненкова,
Андрей Михайлович Борисов**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: leonenkova.ed@mail.ru, andbf98@gmail.com

II CONTEST OF THEATRICAL PROJECTS IN FOREIGN LANGUAGES FOR PUPILS “TRANSLATION THEATRE”

**Ekaterina D. Leonenkova,
Andrei M. Borisov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: leonenkova.ed@mail.ru, andbf98@gmail.com

Школьные театры, в частности постановки на иностранных языках, становятся уникальным ресурсом для самореализации: уже в юном возрасте ребята понимают, что знание языков расширяет границы общения и профессиональные возможности. Творческая работа школьных коллективов по подготовке, постановке и представлению мини-спектаклей на иностранных языках позволяет сохранить творческую составляющую изучения иностранных языков и противостоять излишнему прагматизму в освоении данной дисциплины школьного образования.

25 и 26 октября 2024 года в стенах Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова прошёл фестиваль работ участников II Конкурса театрализованных проектов на иностран-

ных языках для школьников «Театр перевода», приуроченный к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 270-летию Московского университета и к 20-летию факультета Высшая школа перевода.

В этом году в конкурсе приняло участие 26 коллективов со всех уголков России (Благовещенска, Великого Новгорода, Волгограда, Екатеринбурга, Кирова, Москвы, Мурманска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Череповца, Тюмени, Уфы). 23 коллектива приехали в Москву на очный этап конкурса.

В течение двух дней в рамках фестиваля конкурсных работ участники показывали театрализованные постановки по мотивам сказок А.С. Пушкина на английском, испанском, китайском, немецком и французском языках. Жюри конкурса оценивало как лингвистические (произношение, интонацию, нормативность речи), так и художественные (актёрское мастерство исполнителей, сценическую речь, художественные решения) составляющие выступлений.

Уровень подготовки школьных театров был настолько высок, что сразу несколько коллективов заняли призовые места, а также получили приз зрительских симпатий.

Преподаватели Высшей школы перевода подготовили для юных гостей обширную научно-познавательную программу. Школьники были приглашены принять участие в серии мастер-классов на английском, испанском, китайском и немецком языках: «Язык, поэзия, перевод: информация к размышлению», «А, может быть, поэзия неперевода?», «Испанский язык: перевод и не только», «Сто секретов Китая: язык, культура, перевод», «Особенности перевода французского кино» (преподаватель Сергей Вячеславович Кольцов).

В юбилейный год 225-летия со дня рождения А.С. Пушкина с лекциями о жизни и творчестве А.С. Пушкина перед школьниками — участниками конкурса выступили доценты Высшей школы перевода МГУ Ю.Н. Кольцова и А.П. Забровский.

В заключении были подведены итоги конкурса. Победители и лауреаты конкурса были награждены грамотами и памятными подарками.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
СЕРИЯ 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА» за 2024 год**

№ Стр.

Наука о переводе — международный диалог (к 75-летию установле- ния дипломатических отношений между Китаем и Россией)	3	7
Общая теория перевода		
Ван Цзяюэ, Чжан Личэн. Обзор исследований переводческих техно- логий в Китае (2014–2023 гг.): визуализация на основе программы CiteSpace	3	13
Костилова О.И. Аксиология перевода в гуманитарной перспективе	4	7
Линь Мэй. Риторическая ситуация как эффективный аспект изучения переводческой деятельности	3	31
Мишуров Э.Н. Быть или не быть отечественному переводоведению академической наукой?	1	7
Мишуров Э.Н. О философии перевода в современной отечественной транслатологии	4	47
Ян Шичжан. Культурологическое переводоведение в Китае	3	46
Теория художественного перевода		
Зейферт Е.И. Интертекстуальная и переводческая вторичная вне- ходимость автора	1	32
Новицкая А.В., Касьяненко Л.С., Макарова О.С. Сравнительный аспект перевода серии романов «Тёмная Башня» С. Кинга и поэмы Р. Браунинга «Чайльд-Роланд дошёл до Тёмной Башни»	1	52
Филатова Г.А. «Неизвестные» цитаты в романе Р. Желязны “Creatures of Light and Darkness” как проблема переводческой интерпретации	1	81
История перевода		
Тетенова М.А. Обзор истории перевода произведений Эдгара Аллана По на французский язык в XIX веке	2	26
История перевода и переводческих учений		
Гарбовский Н.К. «В пользу и славу России» (к истории перевода в исто- рии Московского университета)	4	75
Гу Цзюньлин, Лю Цзинпэн. Семнадцать лет со времени выхода первого издания журнала «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода»: ретроспектива и будущие возможности	4	108
Есакова М.Н., Кольцова Ю.Н. Д.И. Фонвизин в истории перевода и в истории Московского университета	4	121

Методология перевода

Гребенюк А.В. Проблема типологии ошибок машинного перевода: стремление к универсальности vs таргетированность	2	7
Зигмантович Д.С. Устный синхронный перевод и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова: роль и место университета в развитии науки и практики	4	137
Княжева Е.А. О некоторых аспектах исследования проблемы оценки качества перевода	1	98
Политова А.А. Перевод китайских топонимов на русский язык: учёт семантических и функциональных особенностей	1	119
Чжан Цзюньсян, Ван Чуньцзюй. К вопросу о переводе русской экологической литературы в Китае	3	62

Лингвистические и культурологические вопросы перевода

Ван Цуй. Анализ китайских паратактических предложений и их перевода на русский язык	3	86
Ван Юе, Ван Пинъюань. Культурное искажение и стратегии культурного факсимиле в процессе перевода с китайского языка на русский	2	41
Ду Канцзэ. Двухязычная рекламная коммуникация в диахроническом аспекте (на материале русских и китайских рекламных вывесок в г. Харбине, Китай)	1	143
И Лицунь. Перевод метафор в современном дипломатическом дискурсе (на основе материалов русского, китайского и английского языков)	2	60
Лю Лифэнь, Куан Цзеин. Анализ семантического повтора при переводе общественных знаков в Китае на русский язык	3	106
Макарова О.С., Маркосян Г.Э., Савелло Е.В. Лингвокультурологический принцип перевода метафор в малой прозе Стивена Кинга (на примере рассказов "The Art Pupil" и "Rainy Season")	2	73
Павленко В.Г. Национально-культурные особенности репрезентации концепта «Память» фразеологическими средствами в русской и английской лингвокультурах	1	159

Дидактика перевода

Ван Юе, Хуан Сусинь. Влияние отрицательного переноса родного языка при выполнении китайскими студентами письменных заданий на русском языке и соответствующие меры предупреждения	3	126
Гао Гуоцуй, Лю Шицзя. Исследование и анализ отчётов по практике магистров перевода в вузах Китая	3	146
Мэн Ся, Фэн Кунь. Концепция национального переводческого потенциала в Китае: история и перспективы	3	172
Царева Н.Ю. Семантический ресурс сопоставимого и несопоставимого при подготовке будущих переводчиков	3	188
Чжу Инли, Хуан Чжунлянь. Исследование компетенций и направления подготовки высококачественных переводчиков в Китае, ориентированных на языковые услуги	3	199

Вопросы терминологии

Манерко Л.А. Пропозиция как структура знания и понимания профессионального дискурса и терминологической номинации	4	165

Рецензии

Лебедева А.А. Рецензия на монографию: Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. «Переводимость — неперевооимость: бывое и думы... = Translatability — untranslatability: yesteryears and thoughts...»: монография.	2	93

Хухуни Г.Т. Новизна и преемственность (рецензия на книгу: Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 4 издание, испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2023. 591 с. (классический университетский учебник)	4	190

Хроника научной жизни

Алевич А.В., Воюцкая А.А., Лыткина О.И., Мешкова Е.М., Немонешная В.Ю. Теория, история и методология перевода на XXXI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2024»	2	119

Воюцкая А.А., Зигмантович Д.С. Круглый стол «Переводческие технологии»	2	115

Зигмантович Д.С. «Русский язык и культура в зеркале перевода». XIV Международная научная конференция к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина	2	125

Костикова О.И. Ломоносовские чтения — 2024 в Высшей школе перевода Московского университета	2	110

Костикова О.И. «Трансформация модели переводческой деятельности: открытость и интеграция».	2	131

Леоненкова Е.Д., Борисов А.М. II Всероссийский форум учителей иностранных языков	4	196

Леоненкова Е.Д., Борисов А.М. II Конкурс театрализованных проектов на иностранных языках для школьников «Театр перевода».	4	200

Международная конференция CIUTI 2024.	2	131

Мешкова Е.М., Немонешная В.Ю. Круглый стол «Теория перевода и сопоставительное изучение языков».	2	117

Чович Л.И. Новое и традиционное в перевоооведении и преподавании РКИ.	2	106

Указатель статей и материалов , опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2024 год	4	202

**INDEX OF THE ARTICLES AND MATERIAL
PUBLISHED IN THE JOURNAL
“VESTNIK MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA.
SERIYA 22. TEORIYA PEREVODA” in 2024**

	No.	Pp.
Translation studies: an international dialogue (celebrating the 75th anniversary of the diplomatic relations between China and Russia)	3	7
General Translation Theory		
<i>Kostikova O.I.</i> Axiology of Translation: a Humanitarian Perspective.	4	7
<i>Lin Mei.</i> Aspect of studying translation activity the rhetorical situation as an effective.	3	31
<i>Mishkurov E.N.</i> Russian translation studies: to be or not to be as an academic science?	1	7
<i>Mishkurov E.N.</i> On philosophy of translation in modern domestic translationology	4	47
<i>Wang Jiayue, Zhang Licheng</i> Overview Of Translation Technologies Research in China (2014–2023): Visualization Based on CiteSpace	3	13
<i>Yang Shizhang.</i> Cultranslatology in China	3	46
Literary Translation Theory		
<i>Filatova G.A.</i> “Unknown” quotations in R. Zelazny’s novel “Creatures of Light and Darkness” as a problem of translation interpretation	1	81
<i>Novitskaya A.V., Kasyanenko L.S., Makarova O.S.</i> The translation of S. King’s “Dark Tower” novel series and R. Browning’s poem “Childe Roland to the Dark Tower Came”: a comparative aspect	1	52
<i>Zeifert Ye.I.</i> The author’s intertextual and translation secondary outsideness	1	32
History of Translation		
<i>Tetenova M.A.</i> A review of the history of the translation of Edgar Allan Poe’s works into the French language in the XIX century	2	26
History of Translation and Translation Schools		
<i>Garbovskiy N.K.</i> For the benefit and glory of Russia (from the history of translation in the history of Moscow University)	4	75
<i>Gu Junling, Liu Jingpeng.</i> Eighteen years since the first edition of the Lomonosov translation studies journal: retrospective and future opportunities	4	108
<i>Yesakova M.N., Koltsova Yu.N.</i> D.I. Fonvisin in the history of translation and Lomonosov Moscow State University	4	121
Translation Methodology		
<i>Grebenyuk A.V.</i> Towards building a taxonomy of machine translation errors: versatility vs targeted approaches	2	7
<i>Knyazheva Ye.A.</i> Aspects of translation quality problem	1	98

<i>Politova A.A.</i> Translating Chinese toponyms into Russian in view of their semantic and functional characteristics	1 119
<i>Zhang Junxiang, Wang Chunju.</i> On the translation of Russian ecological literature in China	3 62

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Du Kangze.</i> Bilingual advertising communication in a diachronic aspect (based on Russian and Chinese advertising signs in Harbin, China)	1 143
<i>Pavlenko V.G.</i> The national-cultural features of the concept “Memory” by phraseological means in Russian and English linguocultures	1 159
<i>Liu Lifer Kuang Jieying.</i> An analysis of semantic repetition in Russian translations of public signs in China	3 106
<i>Makarova O.S., Markosyan G.E., Savello E.V. (2024).</i> Search for the linguo-culturological principle of translating metaphors in Stephen King’s small works (Based on stories “The Apt Pupil” and “Rainy Season”)	2 73
<i>Wang Cui.</i> An analysis of Chinese paratactic sentences and their translation into Russian.	3 86
<i>Wang Yue, Wang Pinyuan.</i> Cultural distortion and strategies for cultural facsimile in the process of translation from Chinese into Russian	2 41
<i>Yi Liquan.</i> Translation of metaphors in modern diplomatic discourse (based on Russian, Chinese and English materials)	2 60

Didactics and Translation Didactics

<i>Wang Yue, Huang Suxin.</i> The influences of negative transfer of mother tongue on Chinese college students’ Russian writing and appropriate preventive measures.	3 126
<i>Gao Guocui., Liu Shijia.</i> Research and analysis of practice reports of translation masters in universities in China.	3 146
<i>Meng Xia, Feng Kun.</i> The concept of national translation capacity in China: history and prospects.	3 172
<i>Tsareva N.Yu.</i> A semantic resource of the comparable and incomparable in the training of future translators	3 188
<i>Zhu Yingli, Huang Zhonglian.</i> Research on the competence and cultivation path of senior translators oriented by language service in China (проверить перевод)	3 199

Terminology Issues

<i>Manerko L.A.</i> Proposition as knowledge structure and understanding of professional discourse and terminological nomination	4 165

Translation Methodology

<i>Zigmantovich D.S. (2024)</i> Simultaneous interpreting and Lomonosov Moscow State University: the role and place of the University in the development of science and practice.	4 137

Reviews

<i>Lebedeva A.A.</i> Monograph Review: Mishkurov E.N., Novikova M.G. “Translatability — untranslatability: yesteryears and thoughts..”: monograph	2 93
<i>Khukhuni G.T.</i> Novelty and continuity (Theory of translation: a textbook. 4 th edition revised and expanded). Moscow: Moscow University Publishing House, 2023) (classical university textbook)	4 190

Chronicles of Scientific Life

<i>Alevich A.A., Voyutskaya A.A., Lytkina O.I., Meshkova E.M., Nemonezhnaya V.Yu.</i> Theory, History, and Methodology of Translation at the 31st International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists Lomonosov-2024	2	119
<i>Čović L.I.</i> New and Traditional in Translation Studies and Teaching Russian as a Foreign Language. International Scientific Conference	2	106
<i>Kostikova O.I.</i> Lomonosov Colloquia — 2024 at MSU Higher School of Translation and Interpreting.	2	110
<i>Kostikova O.I.</i> Reshaping the T&I Paradigm: Openness and Integration. CIUTI International Conference 2024	2	131
<i>Leonenkova E.D., Borisov A.M.</i> II All-russian foreign languages teachers forum	4	196
<i>Leonenkova E.D., Borisov A.M.</i> II Contest of theatrical projects in foreign languages for pupils “Translation theatre”	4	200
<i>Meshkova E.M., Nemonezhnaya V.Yu.</i> Roundtable discussion Translation Theory and Contrastive Study of Languages	2	117
<i>Voyutskaya A.A., Zigmantovich D.S.</i> Roundtable discussion Translation and Interpreting Technologies	2	115
<i>Zigmantovich D.S.</i> 14th International Scientific Conference Russian Language and Culture Reflected in Translation	2	125
<i>Index of the articles and material</i> published in the journal “Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda” in 2024	4	202

Корректор *А. В. Игумнов*. Компьютерная верстка *В. Н. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.

Тел.: 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 02.12.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 12,35.

Тираж 50 экз. Изд. № 12713. Заказ №

Издательство Московского университета. 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com. Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23;

e-mail: zakaz@msupress.com. Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В,
стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62